

Б А К А Л А В Р И А Т

М.М. Лебедева

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Допущено Министерством образования и науки
Российской Федерации
в качестве **учебника** для студентов вузов,
обучающихся по направлениям подготовки
«Регионоведение» и «Международные отношения»

Второе издание, переработанное

КНОРУС • МОСКВА • 2013

KnorusMedia
электронные версии книг

УДК 327(075.8)
ББК 66.4я73
ЛЗЗ

Рецензенты:

Т.А. Алексеева, заведующая кафедрой политической теории МГИМО (У) МИД России, д-р филос. наук, проф.,

П.А. Цыганков, проф. кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р филос. наук

Лебедева М.М.

ЛЗЗ Мировая политика : учебник / М.М. Лебедева. — 2-е изд., перераб. — М. : КНОРУС, 2013. — 256 с. — (Бакалавриат).

ISBN 978-5-406-02165-1

Изложены проблемы мировой политики. Проведен исторический экскурс в период формирования современной политической системы, показаны теоретические школы международных отношений и мировой политики, рассмотрены ведущие тенденции политического развития мира (глобализация, локализация, изоляционизм, интеграция, дезинтеграция, демократизация, развитие авторитарных процессов), а также основные проблемы — безопасности, экологические, современных конфликтов и т.д.

Большое внимание уделено тому, каким образом изменения, происходящие на уровне политической системы мира, прежде всего расслоение государств и активизация негосударственных акторов мировой политики, приводят к изменению международной повестки дня. В доступной форме изложены сложные теоретические вопросы.

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения.

Для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению «Международные отношения», а также всех, кто интересуется различными аспектами международных отношений и мировой политикой и приступает к их изучению.

УДК 327(075.8)

ББК 66.4я73

Лебедева Марина Михайловна

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Сертификат соответствия № РОСС RU. АЕ51. Н 16208 от 04.06.2012 г.

Изд. № 4639. Подписано в печать 06.07.2012. Формат 60×90/16.

Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 14,05. Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «КноРус».

129085, Москва, проспект Мира, д. 105, стр. 1.

Тел.: (495) 741-41-28.

E-mail: office@knorus.ru <http://www.knorus.ru>

Отпечатано в «УЛЬЯНОВСКОМ ДОМЕ ПЕЧАТИ».

Филиал ОАО «Первая Образцовая типография».

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.

ISBN 978-5-406-02165-1

© Лебедева М.М., 2013

© ООО «КноРус», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 1. Краткий очерк развития мировой политики	10
1.1. Мировая политическая система: предыстория	10
1.2. Заключение Вестфальского мира и формирование государственно-центристской политической системы мира	13
Глава 2. Теоретические школы в международных исследованиях	22
2.1. Реализм и неореализм	23
2.2. Либерализм и неолиберализм.....	29
2.3. Неомарксизм.....	32
2.4. Постмодернизм и другие теоретические подходы и теории.....	34
2.5. Отдельные теории в международных исследованиях и специфика некоторых национальных школ	40
Глава 3. Транснациональные акторы и трансформация современной политической системы мира	45
3.1. Государства в современной политической системе мира	45
3.2. Межправительственные организации в современной политической системе мира	48
3.3. Различные негосударственные акторы современной политической системы мира.....	52
3.4. Изменения политической системы мира (вторая половина XX — начало XXI в.)	58
3.5. Разнородность акторов в современной политической системе мира	62
3.6. Система международных отношений.....	64
Глава 4. Мировая политика как научная дисциплина	68
4.1. Формирование мировой политики как науки	68
4.2. Развитие отечественных исследований по мировой политике	72
4.3. Уровни анализа и методы исследования.....	75

РАЗДЕЛ II ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 5. Проблемы глобализации мира в конце XX — начале XXI в.	82
5.1. Подходы к проблеме глобализации	82
5.2. Проявления глобализации	87
5.3. Развитие новых технологий — ведущий фактор процесса глобализации	91

5.4. Неоднозначность и неравномерность процессов глобализации	95
Глава 6. Проблемы интеграции и демократизации	99
6.1. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в современном мире	99
6.2. Демократизация и авторитаризм	106

РАЗДЕЛ III ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И АСПЕКТЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 7. Проблемы безопасности и контроля над вооружениями в современном мире	116
7.1. Основные подходы к пониманию безопасности.....	116
7.2. Гонка вооружений и контроль над вооружениями.....	119
7.3. Поставки оружия и торговля оружием.....	129
7.4. Проблемы терроризма, организованной преступности и наркобизнеса	131
Глава 8. Конфликты в современном мире	138
8.1. Особенности конфликтов в конце XX — начале XXI в.	138
8.2. Формы и методы воздействия на конфликт с целью его предотвращения и мирного урегулирования	146
Глава 9. Проблемы демографии и экологии	155
9.1. Население земного шара.....	156
9.2. Экологические проблемы современного мира	163
Глава 10. Экономическая составляющая мировой политики	172
10.1. Важнейшие подходы к мировой политической экономии.....	172
10.2. Основные проблемы международной политической экономии второй половины XX — начала XXI в.	179
Глава 11. Право и мораль в мировой политике	188
11.1. Правовая составляющая мировой политики	188
11.2. Моральные аспекты мировой политики	200
Глава 12. Образование как фактор в мировой политике	205
12.1. Роль и значение образования в современном мире	205
12.2. Тенденции и политика в области образования	210
12.3. Интеграция образовательного пространства в Европе	218
Глава 13. Внешняя политика и дипломатия	225
13.1. Выработка и принятие внешнеполитических решений.....	225
13.2. Дипломатия	231
Глава 14. Глобальное управление	240
14.1. Подходы к пониманию глобального управления.....	240
14.2. Проблемы и перспективы глобального управления.....	245
14.3. Россия в глобальном управлении.....	249
Заключение.....	253

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- АС – Африканский союз
- ВВП – валовой внутренний продукт
- ВНП – валовой национальный продукт
- ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения
- ВТО – Всемирная торговая организация
- ЕОУС – Европейское объединение угля и стали
- ЕС – Европейский союз
- ЕЭС – Европейское экономическое сообщество
- МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии
- МВФ – Международный валютный фонд
- МО – международные отношения
- МОТ – Международная организация труда
- МНПО – международная неправительственная организация
- МПО – межправительственная организация
- МПЕ – международная политическая экология
- НПО – неправительственная организация
- ОАГ – Организация американских государств
- ООН – Организация Объединенных Наций
- ОВД – Организация Варшавского договора
- ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития
- СБСЕ – Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе
- СНВ – стратегические наступательные вооружения
- ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
- СНГ – Содружество Независимых Государств
- СМИ – средства массовой информации
- ТНА – транснациональный актор
- ТНБ – транснациональный банк
- ТНК – транснациональная корпорация

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый день средства массовой информации сообщают о произошедших событиях. И наверняка, нет человека, который с той или иной долей внимания не следил бы за выпуском новостей. На информационной ленте в одном ряду представлены встречи и переговоры, террористические акты, конфликты и сотрудничество, войны, крупнейшие финансовые кризисы и торговые сделки. Как понять, осмыслить и соотнести все это? Какие закономерности действуют на мировой политической арене?

Ответы на эти и другие вопросы следует искать в системе знаний, позволяющей упорядочить отдельные факты и явления, дать им интерпретацию и оценить различные варианты их дальнейшего развития. Такой системой знаний и является мировая политика.

Мировая политика — научная область, возникшая во второй половине XX столетия. Ее развитие обусловлено прежде всего социально-политическими процессами, связанными с дифференциацией государств, объединенных единой политической системой, основанной на принципе национального суверенитета, а также активным выходом на мировую арену негосударственных акторов, таких как транснациональные корпорации, неправительственные организации, внутригосударственные регионы и многие другие. Эти события принципиально изменили политическую систему мира, которая ранее основывалась лишь на взаимодействии относительно однородных и наиболее влиятельных государств.

В фокусе внимания мировой политики — политические процессы, происходящие в мире сегодня, но с перспективой их дальнейшего развития. В этом смысле мировая политика (в отличие, скажем, от истории) ориентирована на сегодняшний и завтрашний дни и самым тесным образом связана с политической практикой. В то же время особенность мировой политики заключается в том, что она не может быть понята без знаний из смежных областей — истории, экономики, права, социологии, психологии и др.

Задача предлагаемого учебника заключается в том, чтобы познакомить студентов с особенностями современной политической системы мира, проблемами мировой политики и подходами к их решению. Он предназначен для тех, кто еще только начинает изучать мировую политику. Поэтому и акцент делается не на подробном изложении отдельных тем (что просто невозможно в рамках одного учебного издания), а на их взаимной увязке. При этом предполагается дальнейшее, в зависимости от направленности вуза и конкретных учебных планов, изучение студентами отдельных курсов по тем или иным разделам мировой политики.

В основу данного учебника положены исследования автора в области мировой политики, а также курс лекций, читаемый на факультете политологии Московского государственного института международных отношений (Университет) — МГИМО (У) МИД РФ.

Этот учебник создавался в МГИМО (У). И моя огромная благодарность его преподавателям, аспирантам, студентам и конечно же руководству, и прежде всего ректору, академику РАН, д-ру полит. наук, проф. А.В. Торкунову за ту атмосферу творчества, которая создана в институте.

К сожалению, нет возможности перечислить имена всех, с кем мне как автору приходилось обсуждать наиболее сложные вопросы мировой политики. Однако хотелось бы сказать слова благодарности моим коллегам, как в различных городах России, так и за рубежом. Я очень благодарна академику РАН Е.М. Примакову за предоставленную возможность наблюдать его работу со студентами МГИМО (У) при подготовке ситуационных анализов по проблемам Ирака и КНДР.

На протяжении ряда лет мне посчастливилось сотрудничать с Парижским институтом политических исследований (*Institut d'Etudes Politiques de Paris, IEP — Sciences Po*) с целью создания и развития первой в России программы магистерской подготовки по международным отношениям. Выражаю искреннюю благодарность моим французским партнерам за эту совместную работу.

Хочу поблагодарить Российскую ассоциацию международных исследований (РАМИ) за высокую оценку первого издания учебника и присуждение в 2004 г. первой премии в номинации «Учебно-методический комплекс».

Наконец, справедливости ради не могу не сказать большое спасибо моему мужу — канд. ист. наук В.В. Лебедеву, с чьей помощью выверялись многие положения этого исследовательского труда, и особенно подробно — проблематика безопасности.

Я выражаю свою признательность всем, кто высказал замечания и предложения по содержанию и «подаче» текста в предыдущих изданиях данного учебника, помогая тем самым не только совершенствованию курса по мировой политике и изданию учебной литературы, но и дальнейшему развитию предметной области мировой политики.

М. Лебедева

Раздел I

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Современный политический мир, который изучает мировая политика, сложно и противоречиво складывался на протяжении тысячелетий. Менялась социально-политическая организация человеческого общества, развивались и совершенствовались механизмы взаимодействия между народами. Это наследие так или иначе проявляется и сегодня, поэтому понять происходящее на планете можно только через обращение к историческому развитию. Исторический анализ дает ответ на вопросы, что и почему менялось в политической структуре мира или, напротив, оставалось неизменным; каков общий вектор развития и чего ожидать в будущем.

**1.1. МИРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА:
ПРЕДЫСТОРИЯ**

В течение многих веков люди селились вместе, создавая деревни, города, образуя страны. Поселения взаимодействовали между собой — торговали и воевали, заключали договоры и даже имели различного рода представительства. Все это было прообразом современных международных отношений и мировой политики.

В исторической литературе множество рассказов о том, как осуществлялось взаимодействие между народами. Одной из первых классических работ, в которой рассматривался конфликт между народами, было описание древнегреческим историком Фукидидом Пелопоннесской войны (431—404 гг. до н.э.) между союзами греческих полисов — Делосским, возглавляемым Афинами, и Пелопоннесским во главе со Спартой. Эта работа получила название «Мелосский диалог» Фукидида и служит примером использования силы в качестве главного аргумента при решении международных проблем.

Греческие города-полисы имели относительно небольшое население, и власть их ограничивалась стенами городов. Одни из них оказывались сильнее и подчиняли своему влиянию другие, а слабые нередко просили о военной защите. Взаимодействие между городами-полисами

осуществлялось в том числе через обмен представителями, которые ставили определенные условия, занимались разрешением спорных вопросов, заключали торговые и мирные соглашения. Предъявлялись довольно строгие требования и к самим представителям, в частности они должны были обладать хорошей памятью и сильным голосом.

Интересен пример взаимодействия между Древней Грецией и Персией. После того как последней не удалось завоевать Грецию, персы стали снабжать деньгами и кораблями наиболее сильные греческие города и их коалиции, тем самым оказывая на них — как сказали бы сейчас — экономическое и политическое воздействие. Хотя в итоге войска Александра Македонского все же разбили персов.

Римская империя также берет начало от города-полиса, расширившего свои владения по Средиземноморью. В нее оказались включенными и греческие города-полисы. Быстрый рост Римской империи привел к сложностям, связанным с контролем над территориями. Управление ими осуществлялось разными методами — от назначения римских проконсулов до использования местных административных структур. Рим в I и II вв. н.э. предпочитал не прямое управление, оставляя за местными властями вопросы, связанные с организацией повседневной жизни, поэтому местные традиции не просто не искоренялись, а, напротив, нередко и поддерживались.

Центры цивилизации, как известно, возникали не только в Средиземноморье. Высокого уровня развития достигли в древности культуры Китая, Индии, Японии, Ближнего Востока, Центральной Америки. Так, в Китае примерно в тот же период, когда в Древней Греции были города-полисы, сформировались территориальные образования, которые активно использовали военные средства в борьбе за господство. Это нашло отражение в классической работе древнекитайского автора Суньцзы «Искусство войны». Китайская цивилизация добилась огромных успехов в области социальной организации, искусства, образования, экономики, опередив по многим параметрам европейцев. Древняя Индия, имея общую религиозную основу — индуизм, оформившийся в I тысячелетии, в политическом плане представляла собой ряд отдельных образований, которые также взаимодействовали между собой.

В целом в Древнем мире развивались такие важные элементы международного взаимодействия, как переговорная и договорная практика (ведение переговоров и заключение договоренностей), отправка представителей для обсуждения тех или иных проблем и др.

Арабская цивилизация достигла своего расцвета примерно в VII—IX вв. (период экспансии, сменившийся распадом Арабского халифата); X—XI вв. (период наивысшего взлета арабо-мусульманской куль-

туры). Ислам оказался на подъеме в XIII—XV вв. Сложившаяся позднее Османская империя завоевала Балканы, Месопотамию, север Африки. Отзвуки тех времен дают знать о себе и сегодня, например в лозунгах панарабизма, предполагающего объединение региона на основе единства религии и языка, в Косовском конфликте и т.д.

Франция и Англия, чьи политические системы оказались наиболее развитыми в Европе, в XIV в. начали Столетнюю войну. Вообще для большинства европейцев XIV век оказался тяжелым. Именно в этот период по Европе распространилась чума, получившая название «черной смерти» и унесшая многие жизни. Одновременно Средние века в Европе связаны и с тем, что сегодня можно было бы назвать развитием «новых технологий» для того времени — появлением пороха и компаса, пришедших из Китая.

Развитие китайской цивилизации привело на Востоке к тому, что под его сильное культурное влияние попала Япония. Впоследствии (с XVI в.) она изолировалась от остального мира, прежде всего от европейской цивилизации, вплоть до середины XIX столетия, когда активно началась ее модернизация и индустриализация.

В Латинской Америке цивилизация майя получила наибольшее развитие в период с III по X в., а ацтеков и инков — к XV в. В экваториальной Африке одно из наиболее ранних королевств образовалось в Гане примерно в V в. На севере Африканского континента, в Мали, в XIV в. сформировался центр торговли и образования. В регионе осуществлялся интенсивный обмен золотом, соли, хлопка, кожи, железа и меди. В целом же африканские государства сформировались после X в., но потом, начиная с XVI в., они оказались в сильной зависимости от европейцев, которые ввели работорговлю и тем самым открыли новую и жестокую страницу африканской истории.

Западная Европа практически в течение 1000 лет (примерно с 500-го по 1500 г.), несмотря на этнические и лингвистические различия населявших ее народов, развивалась на основе единых христианских принципов. Папа Римский во многом играл роль арбитра в территориальных и прочих спорах феодалов. Тем временем в ряде стран к началу XVI в. стала в очередной раз укрепляться королевская власть, которая представляла угрозу для власти Папы. Одновременно зародилось движение, направленное и против самой католической церкви. Западная Европа вступила в эпоху Реформации. Начало ей положило выступление М. Лютера в Германии в 1517 г. Сторонники Реформации выступили против католической церкви с ее жесткой иерархической структурой, правом на земельные богатства и т.п. Реформация заложила основы протестантизма.

Европейцы вновь обратились к классической культуре Древней Греции и Древнего Рима. Итальянские города-государства эпохи Ренессанса заново открыли для себя многие принципы международных взаимоотношений, принятые в Древней Греции, в том числе и принцип силы. Это нашло отражение в работах мыслителей того времени (прежде всего Н. Макиавелли) и сказалось на построении международных отношений. В Италии первые внешние представительства, ставшие прообразами дипломатических миссий, появились в XIV в.

С эпохи Ренессанса и Реформации, примерно с XV—XVI вв., Европа стала доминирующим регионом в мире. В этот период истории географические открытия, а также общий уровень хозяйственного развития привели к захвату европейскими странами новых территорий. Португальский мореплаватель Васко да Гама в конце XV в. достиг Индии, и Португалия объявила об открытии морского пути из Европы в Южную Азию. Туда устремились голландцы, которые впоследствии основали на юге Африки поселения, чтобы они снабжали водой и продовольствием направляющиеся в Азию корабли. Началось формирование европейских поселений в районе нынешнего Кейптауна.

После открытия Христофором Колумбом Америки в середине XV в. началось ее освоение. Первоначально лидерами в этом оказались Португалия и Испания, Франция и Англия им уступали, но затем направились на Американский континент, выбрав северо-западный маршрут. На завоеванных территориях за пределами Европы распространялись и складывающиеся на Европейском континенте политические институты и процессы.

Большое значение для Европы имело формирование капитализма. С его зарождением началась новая, индустриальная, эпоха в развитии человечества, которая сделала возможным создание централизованного государства в качестве основы политического устройства мира. Так, именно в Европе зародилась политическая модель, которая затем, вследствие колонизации европейцами народов на других континентах, стала общемировой. В связи с этим иногда говорят о вестернизации политической системы мира при ее развитии.

1.2. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА И ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕНТРИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МИРА

В раздробленной Европе к середине XVII в. усилили свой контроль над отдельными территориями князья, которые добились независимости от Папы Римского и власти императора. В Европе велись междоусобные войны. Наиболее масштабной оказалась Тридцатилет-

няя война, в которой участвовала по разным причинам, в том числе религиозным, династическим, территориальным, значительная часть европейских государств. Подписание после ее окончания Вестфальского мира в 1648 г. стало важнейшей в историческом развитии вехой, которая ознаменовала собой формирование новой политической системы. В основу была положена *идея национального государства* (государства Вестфальской системы). Эта возникшая в Европе модель политического устройства распространилась потом на другие континенты, став действительно мировой. За более чем 350-летнюю историю (что по сравнению с возрастом человечества является небольшим периодом) она получила дальнейшее развитие и сохранилась до наших дней.

Правда, в иных частях земного шара государства оказывались порой «не совсем такими», как в Европе. Они представляли собой зачастую не результат исторического развития, а лишь итог колониальных завоеваний, с произвольно установленными границами, сложным переплетением местных традиций и социальной организации жизни с привносимым извне. Все это дало о себе знать в XX в.

Вестфальский мир включил в себя два мирных договора, о которых в течение нескольких лет велись переговоры в двух городах — Мюнстере и Оснабрюке (Вестфалия). Они были подписаны в 1648 г. соответственно между Священной Римской империей германской нации и Францией в Мюнстере, а также между Священной Римской империей германской нации, с одной стороны, и Швецией, протестантскими германскими княжествами — с другой, в Оснабрюке. Вестфальский мир закрепил за Францией, Швецией с их союзниками немалые территориальные приобретения и право вмешательства в дела империи. Голландия и Швейцарская конфедерация получили признание в качестве суверенных государств, а за германскими князьями были признаны права суверенных государей. Таким образом, Священная Римская империя германской нации превратилась в конгломерат почти 300 независимых государств. Вестфальский мир признавал также религиозные права и свободы за лютеранами и кальвинистами. Иногда к нему относят и мирный договор от 30 января 1648 г. между Голландией и Испанией, который завершил их Восьмидесятилетнюю войну (боевые действия между ними с 1625 г. принято рассматривать одновременно как части Тридцатилетней и Восьмидесятилетней войн).

Новая политическая система возникла не на пустом месте. Ее подготовило историческое развитие Европы XV—XVI вв. Поэтому «корнями» она уходит к отношениям между территориями еще со времен Древней Греции, Римской империи, а также к политическим тра-

дициям итальянских городов позднего Средневековья. Признав в качестве ключевого принцип национального (государственного) суверенитета, Вестфальский мир положил начало новой системе отношений, которая впоследствии получила название *Вестфальской*, или *государственно-центристской*, модели (системы) мира.

Принцип национального суверенитета предполагал, что каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории, определяет внутреннюю и внешнюю политику. Однако не только политикой ограничивалась его власть. Фактически, как заметил П. Тейлор, государство получило также власть в определении экономической, социальной и культурной стратегии. Данное право власти уважалось другими государствами, которые не вмешивались во внутренние дела соседей. В целом в основе идеи национального государства, обладающего суверенитетом, были четыре главные характеристики:

- 1) наличие территории;
- 2) наличие населения, проживающего на данной территории;
- 3) легитимное управление населением;
- 4) признание другими национальными государствами.

При отсутствии хотя бы одной из названных характеристик государство перестает существовать или становится резко ограниченным в своих возможностях (например, если оно не признается другими государствами). Признание государств стало особенно актуальным в последнее время. В случае если большинство стран мира отказывается признать то или иное государство, оно в современных условиях неизбежно сталкивается с экономическими и политическими трудностями.

Создатели Вестфальского мира, как отмечает Жан-Мари Гуэнно, хорошо понимали, что формируемый ими миропорядок не может строиться на ценностных ориентирах, в частности на религии. Ценности не подлежат обсуждению, и по ним не делают уступок. Именно поэтому, и это было действительно прогрессивным решением, основой государственно-центристской модели мира стали национальные интересы, по которым возможен поиск компромиссных решений. Суверенные национальные государства взаимодействовали между собой, образуя систему международных отношений, которая охватывала различные сферы: политическую, военную, экономическую, правовую, социальную, культурную и т.п.

Впоследствии стала выстраиваться система внутри- и межгосударственных отношений с присущими ей механизмами и аппаратом управления, политическими и правовыми нормами, а национальное государство превратилось в единицу построения политической системы мира, с четким разделением на внутреннюю и внешнюю политику.

Соответственно, стали складываться и социальные науки. Политология, социология, уголовное право, административное право занимались анализом функционирования государства, в то время как международные отношения, международное право, международные экономические отношения — изучением взаимодействия государств на мировой арене.

Взаимодействие государств на международной арене отчасти упорядочивалось через их союзы, которые по ряду параметров согласовывали свои внешнеполитические действия. При заключении Утрехтского мира (1713), который положил конец борьбе за испанское наследство, между Францией и Испанией, с одной стороны, и коалицией государств во главе с Великобританией — с другой, впервые появляется термин «баланс сил», получивший широкое распространение в политической лексике второй половины XX в.

Роль Великобритании, которая в свое время первой включилась в промышленную революцию, возросла в конце XVIII — начале XIX в. Соперником Великобритании выступила Франция. Одновременно Испания, Швеция, Нидерланды стали терять былую мощь. Зато усилились Пруссия и Россия, которые стали важнейшими участниками международных отношений.

Последовавшие за французской революцией наполеоновские войны закончились поражением Франции. Венский конгресс в 1815 г. подвел им итог и восстановил нарушенный принцип национального суверенитета. В рамках Вестфальской модели мира сложилась система международных отношений, получившая название «Европейский концерт», или *Венская система международных отношений*.

Венская система международных отношений основывалась на общем согласии наиболее могущественных европейских монархий (великих держав, включая Россию) относительно территориального и политического статус-кво в Европе; возможности коллективного вмешательства в дела тех государств, которым угрожают революции; требования дипломатических консультаций по территориальным и прочим проблемам.

Интенсивным захватом колоний великими державами характеризовался конец XIX в. Мир фактически оказался поделенным между ведущими европейскими странами.

На мировую арену в начале XX столетия вышли новые государства. Это прежде всего США (они стали мировым экономическим лидером), а также Япония, Германия, Италия. С этого момента Европа перестала быть единственным континентом, где формировались новые мировые государства-лидеры.

Двумя мировыми войнами ознаменовалось XX столетие. Первая (1914–1918) закончилась поражением Германии и ее союзников. В Версале в июне 1919 г. был подписан мирный договор, зафиксировавший новые территориальные границы Германии. Составной частью Версальского мирного договора был Устав Лиги Наций — межправительственной организации, который определил в качестве основных целей развитие сотрудничества между народами, гарантии их мира и безопасности. Первоначально его подписали 44 государства. США не ратифицировали этот договор и не вошли в число членов Лиги Наций. Изначально не вошли в нее СССР, Германия.

Одной из ключевых в создании Лиги Наций была *идея коллективной безопасности*. Предполагалось, что государства имеют законное право противостоять агрессору. На практике, как известно, это не удалось сделать, и мир был ввергнут в новую мировую войну. Лига Наций фактически прекратила существование в 1939 г. (с началом Второй мировой войны), хотя формально была распущена в 1946 г. Однако многие элементы структуры и процедуры, а также основные цели Лиги Наций унаследованы Организацией Объединенных Наций (далее — ООН).

Завершение формирования системы международных отношений после окончания Первой мировой войны произошло на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг., созванной по инициативе США. Она зафиксировала новую расстановку сил в Тихоокеанском регионе. Сама же система международных отношений, образованная между двумя мировыми войнами, получила *название Версальско-Вашингтонской, или межвоенной*. Как и «Европейский концерт», она находилась в рамках Вестфальской модели (политической системы) мира и стала первой системой международных отношений, вышедшей за пределы одного континента и охватившей мир в целом.

Версальско-Вашингтонская система международных отношений, сформированная в значительной степени под влиянием политических и военно-стратегических идей стран-победительниц, игнорировала интересы побежденных, а также вновь образованных стран (в Европе возникло девять новых государств). В результате она оказалась противоречивой и нестабильной. Как следствие, не удалось избежать развязывания Второй мировой войны.

Окончание Второй мировой войны дало начало новой системе международных отношений — *Ялтинско-Потсдамской (послевоенной)*, которая, как и предыдущие, явилась частью Вестфальской системы мира. Ее основу заложили договоренности стран — победительниц во Второй мировой войне, оформленные на Ялтинской и Потсдамской конференциях.

Международные отношения после Второй мировой войны развивались сложно и противоречиво. Положительным моментом было создание ООН, цели которой были направлены прежде всего на поддержание мира и развитие сотрудничества между странами.

Важнейшей вехой послевоенного периода явилось подписание в 1975 г. Хельсинкского заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее — СБСЕ, впоследствии ОБСЕ). Заговорили о разрядке международной напряженности.

Однако наряду с сотрудничеством послевоенный период ознаменовался новым типом конфронтации. Мир оказался фактически расколотым на два блока, образованных на основе военно-политического превосходства двух сверхдержав — СССР и США над остальными странами, что определялось прежде всего наличием ядерного оружия, гарантировавшего многократное взаимное уничтожение.

Система международных отношений, связанная с противостоянием двух блоков, получила название *биполярной*. Гонка вооружений, ее ограничение, проблемы военной безопасности были центральными вопросами международных отношений. В целом же жесткое соперничество двух блоков, которое не раз грозило вылиться в новую мировую войну, получило название *холодной войны*. Опаснейшим моментом в истории послевоенного периода был Карибский (Кубинский) кризис 1962 г., когда США и СССР всерьез обсуждали возможность нанесения ядерного удара.

Оба противостоящих блока имели военные союзы — Организацию Североатлантического договора (НАТО), образованную в 1949 г., и Организацию Варшавского договора (ОВД) — в 1955 г. Понятие «баланс сил» стало одним из ключевых элементов Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Мир оказался «поделенным» на зоны влияния между двумя блоками. За них и велась ожесточенная борьба.

Важнейшим моментом в развитии политической системы мира стало крушение колониализма. Почти весь Африканский континент освободился от колониальной зависимости в 1960-е гг. Вестфальская модель организации внутри- и внешнеполитической жизни достигла своего расцвета: на основе ее принципов и норм (по крайней мере, с формальной точки зрения) строились вновь образованные государства.

Развивающиеся страны впервые начали оказывать влияние на мировые политические процессы. Они вступали в ООН, а в 1955 г. образовали Движение неприсоединения, которое по замыслу создателей должно было противостоять двум противоборствующим блокам.

Одновременно эти страны пытались привлечь внимание к своему бедственному экономическому положению, выступая в ООН и связанных с ней организациях с общих позиций. Например, на 1-й сессии Конференции ООН по торговле и развитию в 1964 г. 77 стран, или так называемая «Группа 77», заявили о том, что они совместно, с помощью многосторонней дипломатии, будут добиваться решения наиболее важных международных экономических проблем. В эту группу к 1990-м гг. входило уже 130 государств.

Распадом СССР и военно-стратегического блока ОВД, а также кардинальными переменами в странах Восточной Европы и государствах бывшего СССР ознаменовались конец 1980-х — начало 1990-х гг. На этих территориях образовался ряд независимых государств. Россия стала правопреемницей СССР в Совете Безопасности ООН. Вместе с этими изменениями мир вступил в новую стадию развития, связанную с окончанием холодной войны.

Как отмечает М.М. Наринский, следует иметь в виду, что bipolarность Ялтинско-Потсдамской системы не была абсолютной, так как СССР и США не могли контролировать всех участников и все происходящее на международной арене.

Сначала события, связанные с распадом СССР, окончанием холодной войны, во многих странах, прежде всего западных, были восприняты с воодушевлением и даже романтизмом. В США появилась статья Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?» (1989). В ней автор предрекал торжество демократии, отсутствие силовых методов разрешения споров в мире, а также вооруженных конфликтов, и в этом смысле — конец истории. Работа Ф. Фукуямы вызвала большой резонанс в мире.

Затем в начале 1990-х гг. последовал всплеск конфликтов, причем в спокойной, казалось бы, Европе (что вызвало особую озабоченность и европейцев, и американцев). Это породило прямо противоположные настроения. Сэмюэл Хантингтон в 1993 г. в статье « Столкновение цивилизаций » выступил с противоположных Ф. Фукуяме позиций, предсказывая конфликты на цивилизационной основе. Эта статья также получила широкое обсуждение в различных странах. В дальнейшем, когда число вооруженных конфликтов пошло на спад, наметилось прекращение огня и в Европе, идея С. Хантингтона о цивилизационных войнах стала забываться. Однако всплеск жестоких и демонстративных террористических актов в различных частях земного шара, за которыми стояла крайне радикальная исламистская организация «Аль-Каида», заставил многих, особенно журналистов, вновь заговорить о ней.

Вообще мир после окончания холодной войны оказался сложным и малопонятым, а система международных отношений, сформирован-

ная после окончания холодной войны, не получила общепринятого названия, хотя было предпринято немало попыток выделить ее основу. Например, указывалось на односторонность в действиях США, что особенно проявилось при вторжении в Ирак в 2003 г. Появился даже термин, характеризующий внешнюю политику Соединенных Штатов, — *унилатерализм*. Однако ни само явление, ни термин не охватывали всей сложности и основных сущностных параметров происходящих политических процессов.

И все же при всей неопределенности современного политического мира можно сказать, что четко прослеживаются взаимообусловленность и взаимовлияние одних территориальных образований (государств, регионов, мегаполисов и т.п.) на другие, одних проблем (экономических, политических, экологических, военно-политических, культурных и т.д.) на другие, поэтому политическая практика все жестче требует целостного, комплексного подхода. Политические последствия действий на международной арене часто оказываются намного более широкими и глубокими, чем первоначально ожидалось. Следовательно и анализ мировой политики должен исходить из этой реальности. Именно поэтому так важно определить основные сущностные характеристики современной политической системы мира и ответить на следующие вопросы.

1. Претерпевает ли Вестфальская модель принципиальные изменения? Если да, то в чем?
2. Как должны действовать государства, международные организации?
3. Какова роль неправительственных организаций, транснациональных корпораций (далее — ТНК) в современных политических процессах?
4. Что стоит за процессами глобализации и регионализации мира, его демократизации и распространением терроризма?

Эти и многие другие вопросы составляют суть мировой политики как науки, одна из специфических черт которой определяется ее направленностью в будущее, поиском ответов на те вопросы, которые человечеству еще предстоит решить.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чем проявлялись основные этапы и черты политического развития мира до формирования системы национальных государств?
2. Как можно охарактеризовать важнейшие параметры Вестфальской модели мира?

3. Каковы главные параметры системы международных отношений в Европе, получившей название «Европейский концерт»?
4. Что представляют собой основные черты и этапы развития Версальско-Вашингтонской системы международных отношений?
5. Какими особенностями характеризуется Ялтинско-Потсдамская система международных отношений (как она изменялась)?
6. В чем состоит суть дискуссий по основным проблемам политического развития мира после окончания холодной войны?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Мировая политика: повестка дня на завтра (виртуальный круглый стол) / Полис. 2005. № 4.
2. *Наринский М.М.* История международных отношений 1945—1975. М. : РОССПЭН, 2004.
3. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
4. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

События, происходящие на международной арене, необходимо подвергать теоретическому осмыслению, поскольку сами по себе факты лишь свидетельствуют о случившемся, но не объясняют, почему то или иное событие произошло. Понимание и объяснение событий важно не только для исследователей, но прежде всего для тех, кто работает в практической сфере, так или иначе связанной с международным взаимодействием, — для политиков, дипломатов, бизнесменов, журналистов и т.п. Именно на основе такого объяснения можно давать оценки и делать прогноз относительно тенденций дальнейшего развития: согласно выражению известного психолога К. Левина, нет ничего практичнее хорошей теории. Правда, как иронично было замечено впоследствии, проблемой остается как раз поиск такой теории. Но это уже задача исследователей.

Теоретические подходы на протяжении истории развивались и изменялись, оказывая влияние друг на друга. Первоначально осмысление международных отношений проходило в рамках различных научных дисциплин, прежде всего — истории.

Насыщенность XX столетия событиями (две мировые войны, создание оружия массового поражения, холодная война, развитие международного терроризма и т.п.) стимулировала развитие теории и в области международных исследований. Кроме того, потенциал самой научной мысли в социальных науках XX в. способствовал более полному теоретическому пониманию происходящего на мировой арене. По этим причинам теории международных отношений и мировой политики получили в XX в. бурное развитие, прежде всего в США, что, правда, дало основание С. Хоффманну, получившему образование в Париже, но затем переехавшему в Америку, с достаточной долей сарказма назвать их «американским обществоведением».

Международные отношения крайне сложны и многоаспектны, поэтому не существует какой-либо единой теории, которая могла бы

объяснить все многообразие международной реальности. Принято выделять следующие теоретические подходы в исследованиях международных отношений и мировой политики в качестве основных: *реализм* (в современном варианте он представлен главным образом неореализмом), *либерализм* (сегодня это в своей основе — неолиберализм), *неомарксизм* и *постмодернизм*. Дискуссии между представителями этих школ дают возможность лучше понять смысл происходящего на мировой арене.

2.1. РЕАЛИЗМ И НЕОРЕАЛИЗМ

Теоретическая школа политического реализма, или просто **реализма**, восходит своими истоками к работам таких авторов, как Фукидид, Н. Макиавелли, Т. Гоббс и др. Среди ее представителей следует прежде всего назвать Э. Карра, Дж. Кеннана, Г. Моргентау, Р. Нибура, К. Томпсона.

Реализм — один из старейших теоретических подходов в международных исследованиях, требующий максимально точно и «реалистично» (отсюда и название подхода) описывать международные отношения, т.е. исследовать то, что есть, а не то, что предпочтительно или, возможно, появится в будущем. Возник реализм как теоретическое направление в первой половине XX столетия в западной научной традиции первоначально в качестве критики моралистического и утопического подхода в политике, игнорирующего реалии силовых отношений на международной арене. В этом смысле к реалистам, хотя и условно, поскольку речь идет не о национальном государстве, можно отнести таких древнекитайских авторов, как Сунь-цзы с его работой «Искусство войны».

Данное направление исходит из эгоистичной природы человека, которая, согласно представлениям работающих в этой парадигме авторов, остается неизменной. Реалисты рассматривают государства в качестве «единиц» анализа и видят международные отношения как достаточно хаотичное взаимодействие государств на мировой арене, выступающей в виде «поля» острого противоборства. Согласно метафоре А. Уолферса, одного из теоретиков реализма, государства, взаимодействуя, сталкиваются, подобно бильярдным шарам. В этом смысле международные отношения представляют собой, по выражению Т. Гоббса, «войну всех против всех». Отсюда эти отношения описываются реалистами как анархические.

Критики упрекают реалистов в том, что они не видят возможности упорядочить международные отношения. Однако это не так. Хаотичное взаимодействие, согласно представлениям реалистов, регули-

руется различными договорными отношениями. И здесь надо отдать должное А. Уолферсу за подробную теоретическую разработку проблем межгосударственного сотрудничества. Тем не менее сами государства, согласно реалистам, действуют на мировой арене, исходя из трех гоббсовских мотивов:

- 1) достижения и обеспечения безопасности государства;
- 2) удовлетворения экономических требований политически значимых слоев населения;
- 3) повышения престижа государства.

Справедливости ради надо отметить, что такой акцент на государстве как «единице» анализа был характерен не только для исследователей международных отношений. Сама политическая практика в рамках государственно-центричной модели мира предполагала, что за точку отсчета должно быть взято государство. Кроме того, период формирования современных социальных наук (конец XIX — начало XX в.), как замечает Й. Фергюсон, был периодом расцвета государства. Поэтому и социология, и политология, и экономика, а также другие дисциплины восприняли так называемую *этатистскую установку* (этатизм), взяв за «точку отсчета» именно государство.

Существование государств и самой системы международных отношений, по мнению реалистов, зависит от четкого следования национальным интересам: это является одним из ключевых понятий в теории реализма. Национальные интересы, как утверждают реалисты, имеют объективный характер, поскольку определяются такими объективными факторами, как традиции, неизменная природа человека, географические условия и т.п. В рамках реализма оказывается проблемой то, как определять эти интересы и чем обусловлены различия в их восприятии со стороны конкретных политиков. Например, какая внешняя политика отвечает национальным интересам России? Очевидно, мнения аналитиков будут различными. То же самое можно сказать о любой другой стране.

Действуя на международной арене и следуя своим интересам, государства должны исходить из оценки своих возможностей. И потому еще одной важной категорией в реализме выступает «сила», или «могущество».

Другим, не менее важным понятием в реализме является «национальный суверенитет». Это краеугольный камень международного права, который, с одной стороны, дает государствам свободу поведения, но с другой — не освобождает их от ответственности за предпринимаемые действия.

Реалисты учитывают значимость политического действия с моральной точки зрения, а также неизбежное противоречие между по-

литическим действием и моральным предписанием. Они подчеркивают, что ни одно государство не обладает монопольным правом на добродетель, на определение того, «что хорошо, а что плохо» в моральном отношении. Именно концепция национального интереса предотвращает злоупотребления такого рода.

Самым эффективным средством сохранения мира является, по мнению реалистов, баланс сил, возникающий не только из столкновения национальных интересов, к обеспечению которых стремятся государства, но и из единства культур, взаимного уважения прав друг друга и согласия относительно основных принципов. Не случайно известный французский теоретик, представитель реалистской школы Р. Арон определил международные отношения как «область дипломатов и солдат».

Переживший в США после прихода нацистов к власти Г. Моргентау, чьи взгляды в значительной степени сформировались под воздействием историков конца XIX — начала XX в., которые занимались анализом государств и их взаимодействием, выступил со своеобразным манифестом классического реализма, сформулировав шесть его основных принципов. Он писал, что внешняя, как вообще любая, политика является борьбой за власть. И какими бы ни были ее цели, в них всегда присутствует в качестве основного мотива стремление к власти.

Реализм доминировал в 1940—1970-е гг., отражая реалии Второй мировой, а затем и холодной войны. Потом ему на смену пришел неореализм. На первый план в исследованиях того периода выходили взаимодействие и соперничество государств на мировой арене. Все остальное оказывалось вторичным. По этой причине, анализируя межгосударственное взаимодействие, реалисты особое внимание уделяли военной сфере.

В целом выделяют следующие основные положения классического реализма:

- международные отношения представляют собой взаимодействие государств, которые являются однородными по своей сути, унитарными участниками и которые, как и люди, эгоистичны в своих устремлениях;

- взаимодействие государств осуществляется хаотичным образом, так как не существует «надгосударственного властного центра». В результате международные отношения являются анархическими;

- стремление к могуществу, в частности к военному превосходству, которое гарантирует безопасность государств, — главный мотив их деятельности;

- государства прежде всего исходят из своих интересов. При этом они могут учитывать моральные соображения, однако ни одно госу-

дарство не обладает правом на определение того, «что такое хорошо и что такое плохо». Именно категория «интереса» предохраняет от злоупотреблений спекуляциями на морали;

- политическая реальность отличается от экономической: для политики главное — власть, для экономики — богатство;

- в мире международных отношений, где доминирует силовой фактор, государства всегда должны быть в полной готовности.

В качестве одного из направлений реализма в послевоенный период возник подход, получивший название «реалполитик», хотя сам термин был введен в оборот немецким публицистом Людвигом фон Рошау еще в XIX в. Данный подход основан на предпосылке, что государства должны готовиться к войне для сохранения мира. В более мягком варианте реалполитик подразумевает политический принцип, согласно которому особое внимание следует уделять действительным интересам соперника, а не тому, что он декларирует, быть готовым применить даже силу, но только в том случае, когда исчерпаны все прочие варианты воздействия.

Многие процессы, происшедшие в мире, и особенно в Европе, в 1950—1960 гг., плохо поддавались объяснению в рамках классического реализма. Речь прежде всего идет о развитии торговли, сотрудничества, интеграционных процессах. В ответ на требования времени изменился и сам реализм. **Неореализм**, или **структурный реализм**, сформировался к концу 1970-х гг. Классиком этого подхода является К. Уолтц. Его работа «Теория международной политики» стала основополагающей на новом этапе развития реалистской парадигмы. В рамках неореализма работают и такие известные исследователи, как Р. Гилпин, Б. Бузан.

Неореализм сохранил многие положения классического реализма, прежде всего определение государства в качестве ключевого элемента построения международных отношений. Оставаясь основными и самостоятельными единицами анализа международных отношений, государства стали рассматриваться неореалистами не только сами по себе, но и с учетом тех структур, которые они образуют, в том числе союзов и межправительственных организаций (отсюда и другое название данного направления — структурный реализм). Эта система международных отношений во многом определяет внешнюю политику отдельных государств.

Категория силы также сохранилась в неореалистском подходе в качестве ключевой, но стала включать в себя не только военное превосходство, хотя это осталось важнейшим. Американский исследователь К. Уолтц сравнивал международные отношения с рынком, где го-

сударства, подобно фирмам, действуя в своих интересах, конкурируют с одними и сотрудничают с другими. Однако основной акцент в неореализме делается на конфликт и конкуренцию. В этом отношении весьма показательным замечание К. Уолтца. Он пишет, что, когда страны сотрудничают и получают некую общую прибыль, они задаются вопросом, как ее разделить. При этом они вынуждены решать не только то, получают ли прибыль вообще, но и кто именно получит больше.

Государства действуют на международной арене, согласно неореалистам, в зависимости от своей мощи. Одновременно сохраняется и понятие «баланс сил», который, по их же мнению, позволяет удерживать участников от применения силы в международных отношениях. Различают *простой баланс сил*, известный как биполярная система, и *сложный баланс сил*, предполагающий несколько силовых центров (многополярная, или многополюсная, система).

Неореалисты внесли существенный вклад в понимание взаимодействия государств на мировой арене. Так, Б. Бузан говорит о формировании в современном мире «зрелой анархии», которая поддается регулированию. Роль регулятора, по его мнению, играют западные демократические страны, выступающие гарантом международной безопасности.

Свои научные построения К. Уолтц основывал на методе дедукции, полагая, что необходимо прежнее размышление реалистов превратить в научную теорию. Он исходил из того, что индуктивное построение предшествующих теорий, базирующееся на систематическом наблюдении, охватывало только видимые связи. По мнению К. Уолтца, систему международных отношений нельзя объяснить, основываясь только на характеристиках, присущих отдельным участникам или группе участников. Поэтому значимым шагом в развитии теории неореализма было положение, согласно которому решающее значение в современных международных отношениях имеет глобальный уровень, т.е. сама система международных отношений. Она и «задает» распределение возможностей (в первую очередь военных) среди государств. Тем не менее К. Уолтц вовсе не отрицает необходимость изучения отдельных стран для понимания международных отношений.

Он сформулировал три основных принципа структуры международных отношений (структурная триада К. Уолтца). Согласно *первому принципу*, государства в международных отношениях руководствуются мотивом выживания. Исследователь считает, что государства могут иметь множество различных целей. Однако основой для их достижения является выживание. *Второй принцип* заключается в определении участников международных отношений, которыми для К. Уолтца

остаются только государства. Он отмечает, что негосударственные участники (например, ТНК) только тогда будут играть решающую роль в системе международных отношений, когда смогут догнать и перегнать сверхдержавы по наличию полномочий и властных возможностей. Государства подвергаются влиянию и принуждению системы международных отношений, но они наделены правом решать, как будут действовать в этих условиях. Наконец, *третий принцип* состоит в том, что государства не однородны, а обладают разными возможностями, или потенциалом. Они пытаются увеличить его, что может привести (и приводит) к изменению структуры международных отношений.

Много внимания К. Уолтц уделял анализу баланса сил, рассматривая его в качестве одного из основных понятий в теории международных отношений. Он исходит из того, что ядерное оружие является важнейшим фактором, который обеспечивает баланс сил в мире. При этом его распространение не дестабилизирует систему международных отношений, а, напротив, укрепляет ее, так как обеспечивает гарантии против вооруженных конфликтов в силу эффекта устрашения.

В последние годы внутри реалистской школы появился *неотрадиционный*, или *неоклассический, реализм* как реакция на структурный реализм. Представители этого течения выступили с идеей возвращения к истокам реализма и необходимости изучения внешней политики государства, которая, как пишет Ф. Закария, скорее может быть объяснена, если анализировать поведение отдельного государства, а не структуру международных отношений в целом. Неоклассический реализм не отвергает того, что было сделано структурными реалистами, — он меняет акценты, возвращаясь вновь к проблеме внешней политики государства и уделяя внимание важности учета внутривнутриполитических факторов, а также личностных особенностей политических лидеров. Представители этого течения подчеркивают роль активного начала в международных отношениях в противовес неореалистам, у которых структуры оказались самодовлеющими. Неоклассический реализм получает распространение в США в самом конце XX — начале XXI в.

Наконец, некоторые авторы выделяют *постклассический реализм*. Вслед за Дж. О'Хаганом П.А. Цыганков относит к этому направлению С. Хантингтона, выступившего с концепцией столкновения цивилизаций. С реализмом С. Хантингтона сближает особое внимание именно к конфликту, а не к сотрудничеству, подчеркивание стремлений участников мировой политики к властным полномочиям с тем, чтобы лучше реализовывать свои интересы, а также восприятие международной среды как анархичной.

В целом за последние годы реализм в различных своих модификациях получает развитие и продолжает оставаться одним из важнейших теоретических направлений современности.

2.2. ЛИБЕРАЛИЗМ И НЕОЛИБЕРАЛИЗМ

Теоретическая школа **либерализма**, будучи также одной из старейших в теории международных отношений, по основным позициям противоположна реализму. Исследователи, работающие в рамках данной парадигмы, основывают свои теоретические воззрения на работах Дж. Локка, И. Канта, Ж.-Ж. Руссо, Дж. С. Милля, А. Смита, Д. Рикардо.

Либеральный подход в теории международных отношений дважды за свою историю пережил периоды подъема — в начале и конце XX в. Либерализм во многом связан с именем 28-го президента США Вудро Вильсона, провозгласившего открытость внешнеполитической деятельности и дипломатии, а также ориентацию во внешней политике на демократические принципы, сотрудничество и мораль.

В либерализме начала XX столетия прослеживается три течения. *Первое течение либерализма* связано с теми надеждами, которые возлагались на возможности правового регулирования международных отношений. В Гааге прошли две конференции — в 1899 и 1907 гг., по результатам которых был подписан ряд многосторонних соглашений в области законов и обычаев войны. Первая конференция была созвана по инициативе России, и в ее работе приняли участие 27 государств. Здесь принято три конвенции: о мирном решении международных столкновений; о законах и обычаях сухопутной войны; о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г. о раненых и больных. В конференции 1907 г. участвовали 44 государства (в том числе все участники первой — 1899 г.). На ней принято 13 конвенций, в частности о мирном решении международных столкновений; об открытии военных действий; о законах и обычаях сухопутной войны и др. Несмотря на то что это не предотвратило начало Первой мировой войны, оптимизм в отношении возможности правового регулирования возродился вновь после ее окончания.

Второе течение либерализма было ориентировано в значительной степени на то, чтобы упорядочить анархию в международных отношениях через международные организации. Реализация идеи коллективной безопасности и создание Лиги Наций были приоритетным направлением.

Наконец, представители *третьего течения либерализма* делали акцент на разоружении. Их идеи, в частности, нашли воплощение на

Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. представителей Бельгии, Великобритании, Голландии, Китая, Португалии, США, Франции и Японии, посвященной ограничению морских вооружений, а также ряду тихоокеанских и дальневосточных вопросов.

В отличие от реалистов у либералов прямо противоположный взгляд на природу человека. Они подчеркивают его стремление к сотрудничеству, миру, ориентацию на справедливость и мораль (по этой причине данный подход называют идеализмом). Пожалуй, единственное, в чем совпадают воззрения реалистов и либералов на природу человека, заключается в его рациональности: действуя по тем или иным побуждениям (эгоистическим, согласно реалистам, или общечеловеческим, согласно либералам), человек в любом случае ведет себя разумно. Этот пункт вызвал впоследствии критику представителей других теоретических направлений, которые указывали на возможность импульсивного, иррационального поведения. Кроме того, большинство реалистов (исключение составляют те, кто придерживается неоклассического подхода) и представителей либерализма видят мир целостно, т.е. исходят из позиций холизма.

Либералы подчеркивали необходимость развивать ценности, направленные на объединение человечества, формировать антивоенные установки, продвигать идею свободной международной торговли, выступали за «открытость дипломатии». Государства, как они полагали, не ориентируются только на максимизацию краткосрочной прибыли. Большие выгоды дает продолжительное взаимовыгодное сотрудничество.

Выделяют следующие основные положения классического либерализма:

- человек по своей природе не является агрессивным — он нацелен на сотрудничество;
- война является проблемой, которую можно решить только совместными усилиями;
- международное сообщество должно осознать, что необходимы международные институты, способные предотвратить вооруженный конфликт;
- государства должны реформировать свои политические системы с тем, чтобы демократическое правление внутри каждой страны способствовало установлению мира и развитию сотрудничества на планете;
- на международной арене действуют не только силовые факторы, но и другие, такие как экономика и мораль.

После окончания холодной войны, во время которой в теоретической области международных отношений господствовали реалисты

и неореалисты, вновь наступает эпоха либеральной школы. Это направление, как и реализм, преобразуется в **неолиберализм** с учетом новых реалий. Известные его теоретики Р. Кеохейн и Дж. Най писали, что между странами существует множество связей и отношений, в которых сила или могущество представляет собой недейственный или несущественный инструмент реализации политики. Поэтому фактор вооруженной мощи, согласно неолиберальному подходу, не столь значим, как полагают неореалисты. Воздействие посредством вооруженных сил на других участников международного общения, считают неолибералы, становится слишком дорогим и в прямом и в переносном смысле. Более эффективными средствами влияния являются экономические и правовые рычаги. В связи с этим неолибералы особо подчеркивают взаимосвязь политики и экономики, а также уменьшение в конце XX столетия в мировой политике такого фактора, как военная сила.

Государства в неолиберальном подходе, хотя и рассматриваются как главные участники (акторы) на мировой арене, но далеко не единственные. Отмечается, что наряду с ними в современном мире действуют межправительственные организации: *универсальные* (ООН), *региональные* (в частности, ОБСЕ), *организации, специализирующиеся по сферам деятельности* (в торговле, например, Генеральное соглашение по торговле и тарифам, далее — ГАТТ, преобразованное затем во Всемирную торговую организацию, далее — ВТО), а также *неправительственные организации*, прежде всего международные — правозащитные, экологические, феминистские и др., не принадлежащие государству и не ориентированные на получение прибыли. Кроме того, активными участниками международного взаимодействия являются ТНК и внутригосударственные регионы различных стран.

Неолиберализм имеет множество форм и направлений, которые, с одной стороны, в значительной степени пересекаются, с другой — иногда рассматриваются как самостоятельные теоретические школы. К их числу относится концепция транснациональных отношений, предложенная Р. Кеохейном и Дж. Наем в работе «Власть и взаимозависимость: мировая политика в переходный период», впервые вышедшей в 1977 г. и выдержавшей третье издание в 2000 г. В ней подчеркивается роль *негосударственных акторов* (активных участников мировой политики, влияющих на политическую систему мира и тенденции ее развития) в современном мире, признается многообразие акторов, видов и каналов взаимодействия между ними, а следовательно, и необходимость отказа от анализа государства как единственного участника международного взаимодействия. Вместо термина «международные отношения», который подразумевал лишь межгосударственное взаи-

модействие, исследователи вводят другой, более широкий — «транснациональные». По этой причине данное теоретическое направление получило название *транснационализма*.

Поскольку неолiberaлы особое внимание обращают на множественность участников современных мировых процессов, данное теоретическое направление имеет и другое название — *плюрализм*. Активное подключение новых (нетрадиционных) акторов к международным отношениям имеет, согласно неолiberaлам, ряд следствий. С одной стороны, государства «делятся» частью своих властных полномочий, «передавая» их другим участникам, с другой — они могут приобретать новые функции власти, например связанные с координацией усилий разных акторов на мировой арене или разработкой новых правил взаимодействия. Стирается грань между внешней и внутренней политикой. Мир становится все более сложным.

Еще одним направлением в работах Р. Кеохейна и Дж. Ная стало выдвижение *концепции комплексной взаимозависимости*. В соответствии с ней в мире существует множество каналов связи, на основе которых строится политика, в том числе неформальные отношения между политическими элитами, связи между правительственными и неправительственными структурами и т.п. Причем отдельно называются внутрисударственные структуры (например, внутрисударственные регионы, города и т.п.). Нарушение одних связей и отношений влечет за собой целую цепочку последствий по принципу «эффекта домино» практически для всех участников международного взаимодействия. В исследованиях, проводимых в рамках теории комплексной взаимозависимости, анализируется, например, насколько государства при разработке концепции национальной безопасности учитывают взаимозависимость, методы, которыми она усиливается, и т.п.

2.3. НЕОМАРКСИЗМ

Кроме двух названных теоретических школ — реализма и либерализма и современных их вариантов — неореализма и неолиберализма довольно распространенным является **неомарксистский** подход, подчеркивающий экономическое неравенство в современном мире и расслоение населения планеты по экономическому параметру, которое, если говорить о сегодняшнем дне, происходит не по линиям границ национальных государств, а главным образом по оси «Север—Юг». В рамках неомарксизма в научный оборот введены понятия «страны третьего мира» (развивающиеся государства) и «страны второго мира» (социалистические).

Как следует из самого названия подхода, концептуальные истоки неомарксизма находятся в работах К. Маркса. Представителями этой теории являются И. Валлерстайн, А. Г. Франк, Р. Кокс.

Мир-системная теория — один из наиболее известных вариантов неомарксизма. Исходит она из следующих положений. *Во-первых*, мир делится не только на государства, но и на более важные, как они считают, структурные единицы — классы. Появление же государств было необходимым для перехода к мировой экономической системе (мир-экономике) и ее победы над мир-империями прошлого. *Во-вторых*, в настоящее время существует только одна мир-экономика — капиталистическая. Развитие капитализма прошло ряд циклов экспансии и стагнации, которые начинаются с его зарождения в Европе. Сначала они охватывали относительно небольшую европейскую территорию, а потом распространились на весь мир. В результате развития капитализма произошло расслоение стран в зависимости от экономических показателей на три части: центр (ядро), периферию, полупериферию. Оказавшиеся в центре страны имеют значительно более высокий жизненный уровень и доминируют над остальными.

Представители мир-системной теории исходят из того, что развитие ядра осуществляется за счет остальных стран. Это ведет, по их мнению, к конфликтам. В мир-системной теории подчеркивается продолжающаяся борьба между империалистическими странами (странами ядра), но отмечается, что их общие цели, обусловленные принадлежностью к «одному клубу», доминируют в их отношениях с периферией, где они имеют доступ к дешевым ресурсам, рабочей силе, рынкам сбыта.

При этом периферия и полупериферия пытаются сопротивляться, поднимая различного рода восстания. В сборнике трудов «Окончание мира, каким мы его знали. Социальная наука XXI века» (2000) И. Валлерстайн пишет, что лидеры Октябрьской революции рассматривали себя как тех, кто организовал первую пролетарскую революцию в современной истории. Это было одно из первых, возможно, наиболее драматических национально-освободительных восстаний на периферии и полупериферии мир-системы. Вообще, мир-системная теория обращает особое внимание на поляризацию, проходящую сегодня по линии «богатый Север — бедный Юг» и ведущую к потенциальным конфликтам.

Теория зависимости является несколько иным вариантом неомарксизма. В отличие от мир-системной теория зависимости делает акцент не столько на историческом развитии мира и его циклах, сколько на его современном состоянии. Представители этого теоретического

подхода (в частности, А. Франк) вслед за неолибералами отмечают бурное развитие экономики в мире во второй половине XX столетия. Однако неомарксисты более пессимистичны, поскольку, согласно их точке зрения, экономически менее развитые страны находятся в зависимости от более развитых. Последователи теории зависимости подчеркивают, что экономическая развитость или отсталость не являются естественными этапами развития человечества, которые присущи всем государствам, а возникли в результате неравноправных межгосударственных отношений. В течение долгого времени происходило перераспределение прибавочного продукта от периферии (колоний и полукolonий) в пользу центра — метрополий. В итоге этот процесс привел к «зависимой отсталости» периферии («Юга»), которая могла бы успешно функционировать, будь она ориентирована на собственное развитие.

Сегодня развитые страны продолжают эксплуатировать развивающиеся, но используют не силовое, а экономическое принуждение, что является по сути новой формой колониализма — *неоколониализмом*. Поэтому в развивающихся странах наблюдается феномен «двухуровневой экономики». Он порождается взаимодействием развитых стран с развивающимися, вследствие чего происходит неравномерное развитие экономики последних: одни отрасли в них становятся суперсовременными, с открытыми границами, процветающими и конкурентоспособными, в то время как другие остаются традиционными с отсталыми способами производства. Все это влечет за собой социальную и политическую нестабильность в развивающихся странах.

Наконец, в рамках неомарксизма получила развитие *школа Грамши* (или итальянская школа), носящая имя итальянского теоретика марксизма, а также основателя и руководителя итальянской коммунистической партии А. Грамши. Один из ключевых моментов в ней — положение о «мировой гегемонии». Основывается она сильным государством, которое фактически навязывает другим мировой порядок. К нему примыкают другие, в результате чего образуется «исторический гегемонный блок». По мере роста противоречий внутри блока может произойти его крушение. Примерами лидеров таких блоков служат: во второй половине XIX в. — Великобритания, а во второй половине XX в. — США.

2.4. ПОСТМОДЕРНИЗМ И ДРУГИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ТЕОРИИ

Постмодернизм в теории международных отношений возник в 1980-е гг.: с одной стороны как реакция на классические теории (нео-

либерализм и прежде всего неореализм), с другой — под влиянием неомарксизма в поисках иной теоретической альтернативы. Французский философ Ф. Лиотар ввел в научный оборот термин «постмодернизм», определив его как скептицизм в отношении концепций, основанных на рационалистических подходах и претендующих на истинное объяснение реальности.

На развитие постмодернизма существенное влияние оказали происшедшие в мире за предыдущее десятилетие процессы, которые сложно было объяснить с традиционных теоретических позиций неореализма и неолиберализма: нефтяной кризис 1970-х гг. и деятельность стран — экспортеров нефти, валютные потрясения, расширение пропасти между богатым «Севером» и бедным «Югом». В повестке дня появились и так называемые «конфликты малой интенсивности», которые с трудом вписывались в противостояние двух сверхдержав.

Постмодернизм крайне разнообразен по теоретическим схемам, которые в нем используются, а также по направленности и авторам. Исследователи, работающие в рамках постмодернистской парадигмы, например, Дж. Д. Дериан, К. Т. Сйоландер, отмечают, что мир слишком сложен и многомерен, чтобы при анализе его упрощать, как это делают классические теории, являющиеся рационалистическими (исходящими из рационального поведения участников), прежде всего реалистская и либеральная парадигмы. В целом своей задачей постмодернисты считают уменьшение пропасти: с одной стороны, между философскими представлениями, с другой — наблюдениями и данными из социальной практики, с третьей — социальной практикой как таковой. Они пытаются также выйти за пределы противопоставления теории международных отношений и политологии путем обращения к таким более общим философским категориям, как справедливость, ценности и т.п.

Постмодернистский подход, по мнению Дж. Д. Дериана, не стремится отразить реальность мировой политики в зеркале интеллектуального анализа. Рационалисты ждут, когда научный прогресс позволит им найти правильный метод, мечтая о том, чтобы зафиксировать, упростить реальность, свести ее к одному, в то время как любой взгляд на мир, согласно постмодернистам, является ограниченным самой «точкой отсчета». Теория же, как замечает Р. Кокс вслед за Ю. Хабермасом, всегда существует для кого-то и для каких-либо целей.

Постмодернисты критикуют реалистов, заявляя, что невозможно неким объективным образом выявить государственные интересы. Более того, не существует универсальных интересов. Вообще, они склонны к тому, чтобы рассматривать государство скорее как «фик-

цию». Они поясняют, что это некое понятие, используемое исследователями для обозначения группы людей, что порой и приводит к заблуждениям. Например, в реалистской концепции Советский Союз рассматривался в качестве целостного участника международных отношений. На самом деле, как подчеркивают постмодернисты, это не так. Именно поэтому реалисты и были так озадачены распадом СССР.

Представители постмодернизма выступают с идеями о «деконструкции» ключевых понятий в международных отношениях (таких как «государство», «международная система» и др.) через анализ текстов и выявление скрытого там содержания.

Критика классических подходов — одно из важнейших направлений в постмодернизме (не случайно, одно из направлений в постмодернизме получило название критической теории), хотя не исчерпывает его.

Пожалуй, наиболее популярным течением начиная с 1990-х гг. становится *социальный конструктивизм*, рассматривающий мировую политику как некий социальный конструкт. Конструктивисты подчеркивают, что мир постоянно меняется и сами люди вызывают эти изменения, создавая новые институты, отношения и т.п. В свою очередь вновь созданное начинает оказывать влияние на своих создателей и т.д. Конструктивисты призывают особое внимание уделять социальным, этническим, религиозным и другим группам, изучать, как они определяют свою идентичность, свои интересы и т.д.

Вообще, замечает один из наиболее заметных теоретиков конструктивизма А. Вендт, конструктивизм нельзя в полном смысле этого слова назвать теорией международных отношений; этот подход стремится лишь к тому, чтобы выявить различия и относительность тех или иных качеств мировой политики. Конструктивизм, скорее, предлагает определенным образом взглянуть на предметную область мировой политики.

Несмотря на критику классических школ международных отношений, конструктивисты в какой-то мере попытались преодолеть жесткое противостояние неореализма и неолиберализма путем подчеркивания важности не только реальности как таковой, но восприятия и понимания этой реальности.

Еще одно важное положение в конструктивизме: его представители в отличие от неореалистов и неолибералов, которые просто рассматривают государства в качестве акторов на международной арене, задаются вопросом, как и почему они таковые. Государства, согласно конструктивистам, являются главными акторами, однако во внешней среде их взаимодействие происходит на основе разработанных ими же

правил, что и порождает некий социальный конструкт. В этом проявляется стремление конструктивистов подчеркнуть активное, деятельностное начало в мировой политике.

Некоторые представители конструктивизма сосредоточивали внимание на том, как с помощью языка (понятий) люди конструируют политический мир, в котором живут, и как порождаемые ими же конструкты влияют на их политическое поведение. Необходимо, как отмечают представители этого течения, обращать основное внимание на исследование текстов, скрытый в них смысл.

Другие конструктивисты меньше внимания уделяют собственно языковым конструктам. Их больше интересует, например, как государственные интересы воспринимаются и формируются правительством, различными негосударственными структурами и т.п. Так, если небольшое государство выступает в качестве посредника в конфликте с крупными державами, то это не может не сказываться, согласно конструктивистскому подходу, на его самовосприятии (в частности, как активного действующего участника международного взаимодействия), что в дальнейшем, вероятно, проявится и в других ситуациях.

Критикуя классические школы теории международных отношений, прежде всего реализм, конструктивисты подчеркивают, что ряд внешнеполитических действий в современном мире плохо объясняется ими. Описывая конструктивизм, Дж. Гольдштейн задает вопрос: что заставило США в 1990-е гг. посылать войска в Сомали — страну, которая в стратегическом плане не представляет для них особого интереса? С точки зрения реализма данный факт сложно объяснить. Одно из конструктивистских объяснений этих действий связано с попыткой США построить новые правила международного поведения, обеспечивающие гуманитарные гарантии населению.

Конструктивисты подчеркивают двоякую функцию международных институтов: *регулятивную* и *формирующую*. Первая обеспечивается нормами и процедурами, вторая — позволяет создавать нечто новое. Для пояснения важности различия этих функций порой прибегают к метафоре шахматной игры, где правила (регулятивная функция) достаточно жесткие, тем не менее есть огромный простор для творчества (созидательная функция).

Наряду с несомненными положительными моментами, которые конструктивизм внес в развитие теории международных отношений, он, как и любой подход, имеет свои ограничения. Конструктивистская картина мировой политики оказывается крайне мозаичной, и трудно определить, как различные ее части соотносятся друг с другом. Впрочем, данный упрек можно отнести к любому постмодернистскому направлению.

Еще один подход, который порой ассоциируется с постмодернизмом, хотя сегодня все чаще рассматривается в качестве самостоятельного, — феминизм в международных исследованиях.

Феминизм возник во многом изначально как критический подход в международных исследованиях 1960-х гг., выступив с возражениями против классических теорий осмысления международной сферы. Однако в теории международных отношений он примерно до 1980-х гг. оставался на периферии, а гендерные различия, т.е. связанные с социальными аспектами пола, игнорировались. Представители феминизма обратили внимание на то, что все существующие теории международных отношений основаны на видении мира мужчинами и не учитывают восприятие женщин, а также их вклад (статус, роль, систему убеждений, мировосприятие и т.п.) в политическое его развитие. Статья одной из наиболее известных представительниц данного направления Э. Тикнер, опубликованная в 1997 г., так и называется — «Вы просто не понимаете: сложные взаимоотношения феминизма и других теоретических направлений в международных исследованиях». Взяв в качестве примера проблемы безопасности, Э. Тикнер показывает, что, если в реалистской парадигме, которая в наибольшей степени отражает мужскую позицию, безопасность определяется в военно-политических терминах как обеспечение сохранности границ от внешнего вторжения и целостности государства, то в феминизме безопасность понимается гораздо шире — как защита от любого насилия.

Сам феминизм неоднороден и делится на несколько ветвей (течений). Дж. Гольдштейн выделяет три.

Дифференциальный феминизм подчеркивает роль женщины в мировой политике именно в этом, как женщины, качестве. Он исходит из наличия существенных гендерных различий, поэтому женщины и мужчины просто не могут делать одинаково одну и ту же работу. Часть представителей данного течения объясняют гендерные различия биологическими причинами, но большинство — социальными.

Возражая особенно против (нео)реалистской парадигмы, они вслед за либералами указывают на важность взаимозависимости государств, соблюдения прав человека, ограниченности силовых методов. Однако у дифференциального феминизма есть претензии и к (нео)либералам, которых они упрекают в том, что государство как единое образование по-прежнему рассматривается главным актором на мировой арене, тем самым сохраняя принципы андроцентристского мира. Вообще идея множественности акторов, как и другие представления (нео)либералов, не учитывает особенностей женщин. Вместе с тем, по мнению представителей данного теоретического течения, опросы об-

ественного мнения показывают устойчивые различия в подходах к мировой политике мужчин и женщин. Так, женщины в среднем примерно на 10% менее склонны поддерживать военные акции.

Дифференциальный феминизм подчеркивает, что женщины в политике могут и должны играть особую роль, в частности быть больше вовлечены в посредничество в конфликтных ситуациях, при принятии решений и т.п.

Вторая ветвь феминизма, согласно Дж. Гольдштейну, — **либеральный феминизм**. Его сторонники скептически относятся к идеям дифференциального феминизма и делают акцент на равноправии мужчин и женщин в политике, отмечая, что различия между полами порождены во многом стереотипами восприятия, а по сути очень невелики. Когда женщина профессионально занимается международными отношениями, она ведет себя точно так же, как и мужчина, считают либеральные феминисты и приводят исторические примеры. Проблема не в том, что женщины по-другому воспринимают мир, а в том, что они ограничены в своих возможностях быть вовлеченными в мировую политику. И примеров здесь множество. Так, по данным Дж. Сигера, в 1995 г. на Генеральной Ассамблее ООН делегации различных стран мира были представлены на 80% мужчинами, а руководители делегаций — мужчины вообще составляли 97%.

Задача как раз и состоит в том, чтобы вовлечь женщин в мировую политику. Но делать это не потому, что у них иное восприятие мира. Просто в противном случае политика лишается множества талантливых и инициативных людей. При этом представители данного течения указывают на необходимость исследования социальных ролей женщин — как политических деятелей, как участников международных переговоров и т.п.

Казалось бы, дифференциальный и либеральный феминизм исходят из принципиально разных позиций. Однако это не так. Дж. Гольдштейн объясняет это следующим образом. Предположим, что способность выполнять ту или иную деятельность в среднем у мужчин и женщин действительно различна. Допустим, что с одним из видов работы лучше справляются женщины. Однако существуют мужчины, которые способны выполнить ее намного лучше, чем в среднем женщины. Иными словами, существование среднегрупповых (в данном случае гендерных) различий вовсе не распространяется на всех индивидов данной группы. Что касается подходов дифференциальных феминистов и либеральных феминистов, то первых больше интересует, насколько две кривые расходятся, а вторых — насколько они пересекаются.

Наконец, третье течение в феминизме — **постмодернистский феминизм**. Его сторонники, соглашаясь с представителями других феминистских течений в отношении критики прежде всего (нео)реализма, возражают им по целому ряду вопросов. Они указывают представителям дифференциального феминизма, что вряд ли следует столь явно прославлять и восхвалять женщин. Они приспосабливаются к миру, выстраиваемому мужчинами, не всегда лучшим с моральной точки зрения образом, но страдают оба пола. Кроме того, вряд ли существует фиксированное биологически или социально обусловленное мужское или женское начало. Скорее, подчеркивают они, речь должна идти о взаимосвязи гендера и властных полномочий. Постмодернисты также выступают против попыток либеральных феминистов включить женщин в мировую политику. По их мнению, это означает опять-таки принятие существующего мира.

Большое значение представителями данного течения придается вопросам *деконструкции текстов*. Они отмечают, например, что ядерные бомбы, сброшенные американцами на Хиросиму и Нагасаки, носили мужские имена: «толстяк» и «малыш». В отправленной шифротелеграмме после нанесения ударов говорилось, что это мальчик. Предполагалось, что, если бы ядерная бомба не сработала, сообщили о девочке.

Следует заметить, что феминизм крайне разнороден и нет общепринятой классификации в отношении существующих в нем течений: выделяется, например, радикальный феминизм, постмарксистский феминизм и т.д. Кроме того, феминизм как теоретическое направление в международных отношениях связан с рядом феминистских движений, выступающих за разоружение, права женщин и т.д.

2.5. ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И СПЕЦИФИКА НЕКОТОРЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ

К отдельным теориям международных отношений и мировой политики следует отнести те, которые не претендуют на то, чтобы охватить все основные аспекты международной сферы, как пытаются сделать классические теории, или сформулировать исследовательские принципы, как постмодернистские направления. Эти теории ограничиваются анализом какой-либо одной области или типа ситуаций, поэтому их много, и они нередко развиваются исследователями, работающими в различных теоретических парадигмах.

Теория международных режимов нашла отражение в работах Дж. Рагги, С. Д. Краснера, Р. Кеохейна. Под *международными режимами* понимаются принципы, нормы, правила и процедуры принятия

решений, в отношении которых ожидания участников мирового сообщества в той или иной сфере международных отношений и мировой политики совпадают. Например, в области тарифов и торговли, финансовой политики, использования морского дна, космоса и т.п. Режимы могут охватывать различное число государств, а сами страны присоединяться или, наоборот, выходить из того или иного режима.

Примерами международных режимов служат Всемирная торговая организация (далее — ВТО), режим нераспространения ядерного оружия, режим запрещения химического оружия и т.д. Все они основаны на определенных международных договорах и предполагают принципы и нормы их выполнения. Режимы могут быть региональными и глобальными, в значительной степени институционализированными, как, например ВТО, или не иметь соответствующих институтов и быть достаточно неформальными, но в любом случае они предполагают согласие государств, которые в них участвуют. В связи с тем что режимы ориентированы прежде всего на сотрудничество, в теоретическом плане они особенно привлекают внимание неолибералов. В то же время неореалистов интересует, какова роль государственной мощи при разработке и продвижении режима.

Теория демократического мира разрабатывается такими авторами, как М. Дойль, Б. Рассетт. Исследователи обращают внимание на то, что современные либерально-демократические государства в силу общих политических принципов не склонны вступать в войну друг с другом для достижения своих целей и выбирают мирные средства для разрешения противоречий.

Теорию демократического мира, как и теорию международных режимов, можно условно отнести к неолиберализму, хотя многие авторы выделяют их в самостоятельные направления. Аргументом здесь является то, что, например, представители демократического мира в значительной степени ориентированы на государственно-центристскую модель, поскольку рассматривают лишь внешнюю политику государств, и это сближает их с неореалистами. Подробнее теория демократического мира рассматривается в главе 6.

Другое направление в теории — **геополитика**, напротив, близка к (нео)реализму, особенно в том, какое значение придается мощи государства. Основоположником геополитики принято считать Ф. Ратцеля, само же понятие «геополитика» появилось позднее в работах Р. Челлена, а Х. Маккиндеру принадлежит разработка теории хартленда (хотя не он ввел этот термин), суть которой заключалась в том, что в истории происходит конфронтация морских и континентальных держав и, как он видел в начале XX столетия, преимущества приобретают

последние. И реалисты, и геополитики придают большое значение силовому фактору в политике, а также природным ресурсам.

Одновременно геополитика включает в себя ряд положений, выходящих за рамки, связывающие ее с реализмом. Так, абсолютизация географического фактора, отражающая представления конца XIX — начала XX в., когда зарождалась геополитика, в более поздний период, т.е. в момент формирования и развития реализма, исчезает в рамках последнего. Мощь государства, национальные интересы понимаются реалистами значительно шире. В реализме нет элементов мистики, которые проявляются в ряде работ геополитиков, а также элементов идеологии, что и дало возможность использовать геополитику в Германии на службе агрессивным целям Третьего рейха.

Все это позволяет рассматривать геополитику как самостоятельное направление теоретической мысли. Чтобы избежать, с одной стороны, идеологического «наполнения» дисциплины и ее ассоциаций с фашистской Германией, с другой — географического детерминизма классической геополитики, ряд исследователей предпочитают использовать термин «политическая география» как более нейтральный. В самом общем виде *политическая география* определяется как научная дисциплина, которая занимается изучением влияния географического фактора на политику. Существуют и возражения. В частности, указывается, что политическая география — это другая дисциплина, являющаяся отраслью географической науки. Дискуссии по этому вопросу продолжаются.

К отдельным теориям относится большая **группа теоретических направлений, связанных с изучением проблем мира**. Теоретические поиски при изучении проблем мира шли на стыке многих наук — психологии, международных исследований, этнологии, политологии, права, социологии и т.д. Это повлияло на теоретические подходы, которые также порой ориентированы на различные дисциплины. Например, ряд теорий, объясняющих различие в восприятии сторон в конфликте, базировались на психологических подходах. В то же время неоднократно предпринимались попытки разработать междисциплинарную теорию войны и мира. Среди тех, кто одним из первых стал работать в междисциплинарной сфере, был К. Райт. Он придавал большое значение правовому регулированию международных проблем, показывая при этом, как изменяется и развивается международное право, с тем чтобы адаптироваться к меняющимся условиям. Вместе с тем, выступая с реалистских позиций, К. Райт считал, что государство не откажется от применения силы во внешней политике. Он одним из первых

указал на то, что международный конфликт не однороден во времени: в нем выделяется несколько фаз.

Кроме междисциплинарности исследования проблем мира характеризуются прикладной направленностью. Многие исследователи сами участвовали в урегулировании конфликтов в качестве экспертов в официальных делегациях, а также на неофициальном уровне организовывали различные рабочие встречи или семинары между противоборствующими сторонами с тем, чтобы сблизить их позиции. Широкую известность приобрели, например, семинары Дж. Бертона, Г. Келмана и др. в конце 1960-х — начале 1970-х гг., в основу которых была положена идея необходимости воздействия на конфликт на уровне масс и выявления того, что лежит за внешней стороной конфликта, а затем попыток определения возможных путей разрешения противоречий.

Существует множество теорий по ведению переговоров, которые отчасти могут быть отнесены к направлению по изучению проблем мира. Это касается переговоров по урегулированию конфликтов.

Большая группа отдельных теорий разрабатывается в области принятия внешнеполитических решений. Как и в исследованиях проблем мира, здесь сам объект изучения предполагает междисциплинарное взаимодействие. В качестве примера частной теории можно привести теорию рационального выбора. Согласно данной теории, лица, принимающие решения, ведут себя крайне рационально, взвешивая все положительные и отрицательные стороны имеющихся альтернатив.

Наконец, для ряда теорий отправной точкой служит не предметная область, а тип или класс ситуаций. Обычно эти теории в значительной степени формализованы и часто предполагают использование математического аппарата. К их числу относится, например, теория игр. В наиболее простом варианте она направлена на анализ взаимодействия двух сторон, у которых существуют два варианта поведения: вести себя кооперативно или конкурентно. Участники заранее информируются о том, какие последствия будут в случае конкурентного или кооперативного поведения обеих сторон (дается матрица исходов). Но участники, делая свой выбор, не знают о выборе другого.

В зависимости от того, как задается матрица исходов, различают игры с нулевой суммой, когда выигрыш одного участника равен проигрышу другого; игры с ненулевой суммой и игры с отрицательной суммой. В последнем случае в проигрыше оказываются оба.

Модель теории игр лежит в основе целого класса международных ситуаций — гонки вооружения, конфликтного противостояния и т.п. Американский экономист Т. Шеллинг в 1960-х гг. во многом за-

ложил концептуальные основы изучения поведения с помощью теории игр, а в 2005 г. он совместно с израильским ученым Р. Ауманном, которому принадлежит заслуга в разработке математического аппарата, стал лауреатом Нобелевской премии по экономике.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы основные положения реализма?
2. В чем неореализм стал продолжением реализма?
3. Какие положения неореализма можно определить как новые по сравнению с реалистской теорией?
4. В чем состоит суть либерализма?
5. Каковы основные течения в неолиберализме?
6. Какие основные положения неомарксизма можно выделить в исследованиях международных отношений?
7. Каковы причины появления постмодернизма (назовите его основные направления)?
8. Что такое частные теории в международных исследованиях?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Т.А., Лебедева М.М.* «Женщина-невидимка» в мировой политике: уроки для России. Предисловие к русскому изданию // Тиктер Дж.Э. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / пер. с англ. ; под ред. Д.И. Польвянного. М., 2006.
2. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М. : Аспект Пресс, 2001.
3. Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей / под ред. М.М. Лебедевой, П.А. Цыганкова. М. : Московский общественный фонд, 2001.
4. *Моргентау Г.* Международная политика // Антология мировой политической мысли : в 5 т. Т. 2. М. : Мысль, 1997.
5. Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса, С. Смита. М. : Гардарика, 2002.
6. *Тюлин И.Г.* Внешнеполитическая мысль современной Франции. М. : Международные отношения, 1988.
7. *Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Социология международных отношений. М. : Аспект Пресс, 2006.
8. *Цыганков П.А.* Эволюция западных теоретических подходов к исследованиям международных отношений / под ред. А.В. Торкунова. М. : Просвещение, 2004.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МИРА

Изначально Вестфальская система предполагала лишь государства в качестве транснациональных акторов (далее — ТНА), т.е. активно действующих и формирующих тенденции развития за пределами национальных границ. В современном мире наряду с государствами такими ТНА стали межправительственные организации, неправительственные организации (далее — НПО), города, внутригосударственные регионы и др.

3.1. ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МИРА

Согласно международному праву, все государства обладают суверенитетом и равны между собой. Однако, как нередко шутят политологи, перефразируя известное выражение Дж. Оруэлла, все государства, безусловно, равны, но некоторые из них «равнее».

Действительно, государства различаются по многим параметрам, в том числе политическому влиянию, военной мощи, экономическому потенциалу, размерам территории, географическому положению и т.п. Многие из этих параметров взаимосвязаны.

В период холодной войны распространенным было выделение сверхдержав (СССР, США), крупных государств (Франция, Канада и др.), малых (например, Марокко, Лихтенштейн). После окончания холодной войны подобная классификация стала утрачивать смысл. Все более значимым становится экономический фактор. Всемирный банк, или Международный банк реконструкции и развития, выделяет три основные категории государств в зависимости от валового внутреннего продукта (далее — ВВП) на душу населения в год:

- с низким уровнем доходов (765 дол. США и ниже);
- средним (от 766 до 9385 дол. США), эта группа часто разбивается на две подгруппы;
- высоким уровнем доходов (выше 9386 дол. США).

Примерно 40% государств с населением более 55% всей численности людей на Земле попадают в первую категорию, в то время как государства с высоким уровнем доходов составляют примерно 15%. Большинство стран с высоким уровнем доходов являются членами международной Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР).

Сегодня государства претерпевают серьезные изменения. Продолжается процесс формирования новых государств. Интенсивный процесс возникновения новых государств прошел в 1960-х гг. как следствие крушения колониальных империй. Этот процесс в конце XX в. обусловлен во многом дезинтеграцией бывших социалистических стран (СССР, бывшей Югославии, Чехословакии). Более 20 новых государств вновь появилось в 1990-х гг.

Некоторые государства, независимо от того, когда возникли (следует иметь в виду, что вообще большинство современных государств было образовано только в XX столетии), порой оказываются крайне слабыми. Для них часто характерны развал политических институтов, законодательной системы, межобщинные конфликты, проявления национализма. Примерами могут служить Сомали, Афганистан, Руанда и др. В литературе такие государства получили название *несостоявшихся*. Будучи слабыми, они создают и угрозу стабильности для других, являются реальными или потенциальными очагами конфликтов, на их территории нередко базируются террористы, наркодельцы, распространяется незаконная торговля оружием.

Многие авторы обращают внимание на то, что современное государство не может достаточно эффективно действовать в сфере охраны окружающей среды, обеспечения экономического роста и в других областях. Наряду с государством этими вопросами активно начинают заниматься межправительственные и неправительственные организации, различного рода движения и т.п. Они играют все более активную роль на мировой арене, воздействуя на международную среду и ограничивая деятельность государств. В современном мире государства вынуждены все более считаться, с одной стороны, с международными организациями и институтами (в результате происходит ограничение суверенитета «сверху»), с другой – со своими же внутригосударственными регионами, мегаполисами, которые активно выходят на международную арену, развивая торговые, культурные и другие отношения (ограничение суверенитета «снизу»). Кроме того, государства вынуждены принимать во внимание нужды, интересы других участников международных политических процессов – ТНК, НПО и т.д.

Тем не менее вряд ли целесообразно говорить о слабости государства как такового и угрозе «исчезновения» государства. Государ-

ство продолжает сохраняться, поскольку существуют государственные границы; количество государств становится не меньше, а больше; расширяются их функции в экономической и социальной сферах; увеличиваются возможности воздействовать на своих граждан с помощью электронных средств; государства сами активно создают международные институты и режимы; наконец, нет такого актора, которому могут быть переданы властные полномочия государства, и т.п. Кроме того, государство приобретает ряд возможностей, которыми не обладало ранее. Например, используя современные технологии (пластиковые карты, сотовые телефоны и т.п.), можно довольно легко отслеживать передвижения граждан. Поэтому скорее речь должна идти об изменении содержания национального суверенитета.

В связи с изменением содержания суверенитета встает проблема идентичности. Мир, заключенный в Европе после Тридцатилетней войны и положивший начало системе национальных государств, как замечает М. Малица, привнес в жизнь нечто новое, а именно — чувство принадлежности к той или иной стране. Размывание государственной идентичности происходит в конце XX в. Английская исследовательница С. Стрэндж указывает на то, что государства уже не могут требовать к себе такой лояльности, которая превышала бы ее в отношении граждан к семье, фирме и т.п. Исключение составляют лишь некоторые государства. В этом плане ее точку зрения разделяют А. Дьекофф и К. Жаффрело, говоря об ослаблении связей гражданина с его государством.

Ослабление «национальной» идентичности нередко сопровождается формированием ее в ином качестве — корпоративной, региональной, национальной, а в некоторых случаях и глобальной (космополитической) — и идет весьма противоречиво. По этой причине целый ряд исследователей говорит о потере идентичности, появлении «расщепленной» самоидентификации, что на психологическом уровне ведет к неуверенности, сомнениям. В связи с этим А. Франк пишет, что «наша психика и даже тело, похоже, все больше и больше основываются на расколотой и мозаичной самоидентификации. В нашей душе борются разные пласты лояльности: к семье, этнической группе, нации, церкви, ТНК, к той или иной организации, вероятно, даже к институтам, опирающимся на общечеловеческие идеалы гуманизма».

Государство остается основной формой политической организации современного общества, главным актором на мировой арене. Но одновременно оно изменяется и развивается, адаптируется к новым условиям и приспособливает их к себе. Не исчезает, а лишь видоизменяется и наполнение понятия «национальный суверенитет». Основная проблема заключается в том, по какому пути пойдет это

развитие, как государство будет взаимодействовать с другими участниками мировой политической системы, которые все отчетливее заявляют о себе.

3.2. МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МИРА

Первые межправительственные организации (далее — МПО) появляются в XIX столетии. Они возникли первоначально для осуществления сотрудничества в экономической сфере. После победы над Наполеоном создается Постоянная комиссия по судоходству на Рейне, затем возникают и другие, в том числе Международный телеграфный союз, Всемирный почтовый союз и т.п.

Межправительственные организации создаются государствами на основе международных договоров (именно поэтому они рассматриваются в справочной литературе в разделах международного права) для реализации общих целей и действуют согласно уставным документам. Одновременно МПО являются источником развития международного права через создание правовых норм и процедур взаимодействия на мировой арене. Межправительственные организации предполагают институционализацию (в том числе наличие штаб-квартиры, аппарата и т.п.) и создание механизмов реализации своих целей. Членами межправительственных организаций являются государства, которые входят в них на добровольной основе.

Действительный расцвет международных организаций приходится на XX столетие, особенно на вторую его половину, когда количество МПО, число членов в них, сферы и активность их деятельности резко возросли, охватив весь мир и спектр международной проблематики. В начале XXI в. насчитывалось около 250 МПО.

Стремительное развитие международных организаций во второй половине XX столетия обусловлено рядом причин. Среди основных можно назвать следующие четыре причины.

1. Вторая мировая война привела к осознанию опасности конфликтов и необходимости создания системы, способствующей их предотвращению. Один из путей — создание международной организации, которая занималась бы этими вопросами. Сохранение мира и предотвращение войн были главными целями при создании ООН.

2. Мировое разделение труда, усиление и развитие контактов требовали формирования на международном уровне организаций, которые обеспечивали бы сотрудничество и служили его проводниками. В этой связи появилось множество соответствующих МПО на глобальном и региональном уровнях.

3. Возникновение глобальных проблем (экологических, голода и т.п.), которые не могли и не могут быть решены в рамках одной страны или группы стран, поставило вопрос о координации усилий.

4. Для ряда государств, особенно образованных вновь после крушения колониальной системы, совместная деятельность в международных организациях позволяла ставить и решать волнующие их вопросы, тем самым усиливая свое влияние на развитие мировых политических процессов.

Межправительственные организации представляют собой важнейший фактор современной мировой политики. Они могут быть универсальными. И членом их в принципе может стать любое государство мира. Цели таких организаций ориентируются на широкий спектр международной проблематики, включая политические, экономические, военные, социальные и другие вопросы. Примерами универсальных организаций служат Лига Наций и ООН. Эмблемы некоторых МПО приведены на рис. 3.1.

ООН

СНГ

МЕРКОСУР

Рис. 3.1. Эмблемы некоторых межправительственных организаций

Другой тип международных организаций также предполагает множественность целей, но членство в них достаточно жестко ограничено тем или иным параметром, часто — географическим положением. К ним относятся, например, Африканский союз (далее — АС), Организация американских государств (далее — ОАГ). Однако географический фактор не является единственным параметром для формирования межправительственной организации с универсальными целями, но ограниченным членством. Так, Содружество объединяет большинство государств, ранее входивших в состав Британской империи, а «Большая восьмерка» — наиболее экономически и политически влиятельные страны мира.

Межправительственные организации, которые создаются для решения конкретных вопросов в той или иной области, т.е. имеют спе-

циальные цели, иногда называют *функциональными межправительственными организациями*. Многие из них созданы ООН и являются ее специализированными учреждениями. Например, Международная организация труда (МОТ), возникшая в 1919 г. еще при Лиге Наций, Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ), Международная организация гражданской авиации, Международное агентство по атомной энергии (далее — МАГАТЭ) и др. Часть функциональных организаций действует на основе межправительственных соглашений вне рамок ООН: Международная организация уголовной полиции (Интерпол) и др.

Одни МПО имеют неограниченное членство, другие — ограниченное (в частности, региональная экономическая организация, объединяющая часть стран Латинской Америки, МЕРКОСУР).

В целом же большинство МПО имеют специальные цели и ограниченное число участников (табл. 3.1). По оценкам Ч. Кегли и Ю. Уиткопфа, количество таких организаций составляет 72% всех МПО.

Таблица 3.1

Классификация МПО в зависимости от целей и членства

Вид целей	Универсальное членство	Ограниченное членство
Множественные	Лига Наций, ООН	ОАГ, АС, СНГ «G-8»
Специальные	МВФ, ВОЗ, МОТ	МЕРКОСУР

Следует отметить, что подобная классификация все же относительна, так как по мере функционирования МПО ее цели могут меняться. Например, Европейский союз (далее — ЕС) первоначально возник в целях экономического сотрудничества ряда европейских стран и даже имел другие названия. Однако впоследствии цели данной организации стали расширяться и включать в том числе координацию внешнеполитических действий. В результате ЕС фактически преобразовалась в организацию с множественностью целей.

Первоначально при зарождении МПО и даже в середине XX столетия при стремительном росте их численности большинство политиков и исследователей предполагали, что они станут своеобразными «проводниками» политики государств, которые их создавали. Однако постепенно становилось очевидным, что эти организации начинают играть вполне самостоятельную роль и уже сами оказывают значительное влияние как на международные отношения в целом, так и на своих создателей. При этом интересы самих МПО нередко перестают быть тождественными интересам государств-учредителей. О влиянии МПО

на современные политические процессы в мире говорит отмечаемый, в частности В.Г. Барановским, факт, который заключается в том, что такие организации занимаются разработкой и осуществлением международно-правовых норм. Ими потом в своей деятельности руководствуются государства.

Еще одним моментом, свидетельствующим о достаточной «самостоятельности», «нетождественности» межгосударственных организаций государственным акторам, является то, что деятельность МПО все более ощутима в современных условиях. И само участие в межгосударственных организациях выступает в качестве признания авторитета государств на международной арене.

Может произойти и другое, что «разведет» интересы государства и МПО. По мере расширения состава членов МПО интересы государств-создателей размываются интересами новых членов. Или, в другом случае, в результате усиления влияния одного из членов организации МПО все в большей степени начинает реализовывать его интересы в ущерб интересам других своих членов.

Тот факт, что международные организации, с одной стороны, создаются государствами, а с другой — играют достаточно самостоятельную роль на мировой арене, делает вопрос об их отнесении к государственным акторам неоднозначным. Американские ученые Ч. Кегли и Ю. Уитткопф без каких-либо оговорок рассматривают их как государственных акторов, другие авторы считают, что их следует отнести к негосударственным. Согласно К. Арчеру, последние выдвигают следующие аргументы:

- ряд МПО допускает участие в качестве членов территории, которые не являются суверенными государствами. К таким организациям относятся, например, Международный телекоммуникационный союз, Всемирная метеорологическая организация;

- некоторые МПО имеют структуры, совместные с неправительственными организациями;

- межправительственные организации образуются на основе решений исполнительной власти государства. Другие же ветви власти государства в этом процессе не участвуют.

В принципе, наверно, не столь важно, относить или нет МПО к государственным акторам, более существенным является то, каковы их функции. Ученые-международники Р. Кеохейн и Ст. Хоффманн выделяют шесть основных функций, которые выполняют или могут выполнять современные МПО. Назовем их.

1. Через МПО государство осуществляет политическое влияние на международные процессы.

2. Межправительственные организации служат местом согласования интересов различных государств путем переговоров.

3. Одни международные организации используются для ослабления других или взаимодействия с ними.

4. Межправительственные организации используются государствами для информирования других о своих намерениях и целях.

5. Документы, принимаемые МПО, служат некими ориентирами для государств, которые входят в них, для выработки собственной политики.

6. Межправительственные организации формируют и базисные принципы, из которых исходят государства в дальнейшем.

Необходимо отметить, что МПО, как и другие акторы международного взаимодействия, развиваются и видоизменяются. Особенно интенсивно это происходит со второй половины XX столетия в связи с процессами трансформации, которые претерпевает мир. Деятельность МПО в период холодной войны отражала ее реалии и во многом была ориентирована на решение проблем, связанных с обеспечением безопасности, поддержанием мира между государствами, сотрудничеством в экономической и социальной областях, гуманитарной помощью, правами человека и т.п. При этом одной из основных заслуг международных организаций, прежде всего ООН, было то, что они совместно с другими участниками международных отношений не допустили третьей мировой войны.

Вслед за крушением биполярной системы из повестки дня многих МПО было исключено идеологическое противостояние между Востоком и Западом. Вместе с тем МПО столкнулись с новыми реалиями. Они обусловлены как новыми международными проблемами, так и вопросами развития самих международных организаций. Последнее обусловлено тем, что происшедшие и происходящие в мире изменения требуют изменения в самих организациях. Некоторые исследователи, может быть и в слишком заостренной форме, ставят вопрос о том, насколько адекватно МПО, созданные в период холодной войны и действующие на основе относящихся к тому периоду документов, могут реагировать на новую ситуацию в мире.

3.3. РАЗЛИЧНЫЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МИРА

Негосударственные акторы на мировой арене являются еще в большей степени, чем МПО, разнородными: с различными интересами, целями, порой противоречивыми и даже несовместимыми, раз-

ной направленности, численности и т.п. В связи с этим их классификация крайне затруднена.

Среди негосударственных акторов, оказывающих наибольшее влияние на мировую политику, обычно выделяют:

- международные неправительственные организации;
- транснациональные корпорации;
- внутригосударственные регионы;
- этнические и религиозные движения;
- террористические организации.

Международные неправительственные организации (далее — МНПО) или часто просто неправительственные организации, весьма активны и влиятельны в современном мире. К ним относят организации, которые не учреждены на основании межправительственных соглашений и действуют не только в рамках одного государства (поэтому их иногда называют еще транснациональными). Это могут быть профессиональные организации (например, Международная ассоциация политических наук, Международная организация журналистов); спортивные (Международный Олимпийский комитет, Международная теннисная федерация); религиозные (Всемирный совет церквей); экологические (Гринпис); гуманитарные (Международный Красный Крест) и др. Членами МНПО могут быть как национальные неправительственные организации или ассоциации, так и частные лица. Действуют МНПО по своим учредительным документам. При этом их деятельность не направлена на извлечение прибыли. По формальным признакам к НПО можно отнести прямо противоположные организации, например террористические и пацифистские. Чтобы избежать такой путаницы, предлагается различать организации, имеющие конструктивные цели и деструктивные цели (террористические, экстремистские). Понятно, что термин «деструктивные цели» может быть неоднозначным, тем не менее в этом случае скорее следует говорить о неправительственных образованиях.

Первые международные неправительственные организации возникли в XIX в., но проявление их реального влияния на мировые политические процессы и численный рост приходится, как и МПО, на вторую половину XX столетия. В этот период также увеличивается число людей, вовлеченных в деятельность НПО, расширяется география, где работают НПО, а также спектр вопросов, которыми они занимаются (рис. 3.2).

Современные МНПО оказывают существенное влияние на общественное мнение. Однако этим их деятельность не ограничивается.

Неправительственные организации являются значимой политической силой, выступая часто против ядерных испытаний, захоронения ядовитых отходов (например, Гринпис), за сохранение мира и прекращение гонки вооружений (Пагуошское движение), защиту прав женщин (феминистские движения) и т.п. Их деятельность способствует созданию новых международных режимов, разработке новой повестки для решения глобальных проблем и демократизации мира.

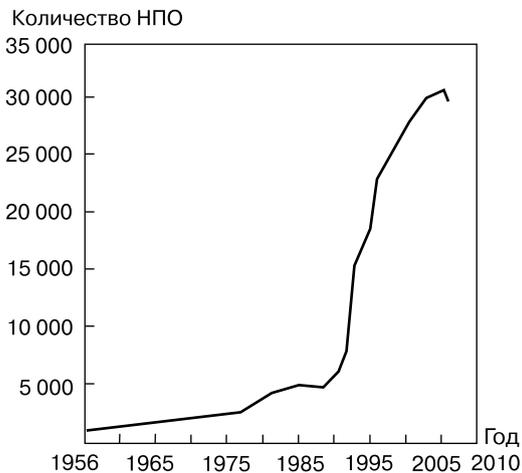

Рис. 3.2. Рост количества НПО в мире

Многие неправительственные организации пользуются значительной поддержкой населения, что позволяет им действовать весьма эффективно. Одна из важнейших заслуг НПО на международной арене состояла в том, что при подготовке Устава ООН в 1945 г. *Rotary Club* и Международный Красный Крест добились включения в него ст. 71, в которой сказано, что Экономический и Социальный Совет ООН уполномочивается консультироваться с НПО.

Вместе с тем вследствие крайней их разнородности деятельность НПО может порой носить весьма противоречивый характер. Они нередко вступают в отношения конкуренции как между собой, так и с государственными структурами.

Следующий значимый актор мировой политики — **транснациональные корпорации** (используется и другой термин — мультинацио-

¹ См.: *Kegley Ch.W. World Politics: Trend and Transformation. Eleventh Edition. Belmont: Tomson Higher Education, CA, 2007.*

нальные или межнациональные корпорации). Большинство авторов употребляют данные термины как синонимы.

Транснациональные корпорации представляют собой бизнес-структуры, деятельность которых в значительной степени распространяется на несколько стран. В отличие от международных организаций ТНК работают с целью извлечения прибыли.

Количественный рост ТНК, как и упомянутых других участников, также приходится на вторую половину XX в. и продолжает увеличиваться. По оценкам ООН, в конце прошлого столетия в мире насчитывалось более 75 тыс. ТНК.

Рост ТНК стимулируется развитием транснациональных банков (далее — ТНБ), которые осуществляют финансовые операции по всему миру. Транснациональные банки делают капитал крайне мобильным, предоставляя возможность быстрого развития ТНК. Если к тому же принять во внимание крупнейшие финансовые биржи, то в целом можно говорить о финансовых институтах в современном мире как международных политических акторах.

Очевидно, что, обладая таким финансовым, кадровым и прочим потенциалом, а также действуя по всему миру, ТНК и ТНБ не могут не оказывать существенного влияния на политические процессы. Транснациональные корпорации активно вовлекаются во внутривнутриполитические процессы стран, в которых действуют, и в международную деятельность. Так, когда на предприятии филиала *Ford* в одной из латиноамериканских стран начиналась забастовка рабочих, представители государственных структур обратились к руководству с просьбой об увольнении зачинщиков, чтобы предотвратить беспорядки в будущем. Предприятие не сделало этого, решив, что в его интересах провести переговоры с рабочими. Для этих целей оно выступило инициатором создания первого в стране автомобилестроительного профсоюза, который стал основой формирования политической партии.

Финансовые рычаги, которыми располагают ТНК, позволяют им порой действовать весьма эффективно и на международной арене: инвестиции в экономические проекты дают возможность в ряде случаев предотвратить развитие конфликта. Известна и своеобразная посредническая деятельность ТНК. Например, в 1970-х гг., когда в мире разразился топливно-энергетический кризис, правительства стран ОПЕК получили финансовую поддержку от ряда ТНК, что способствовало более гибкой их позиции на переговорах со странами Запада.

Однако деятельность ТНК имеет и оборотную сторону. Широко известна роль компании *International Telephone and Telegraph* (далее — *ITT*) в событиях в Чили в начале 1970-х гг. Желая сохранить свои ин-

тересы на рынке телекоммуникационных услуг в Чили, *ИТТ* пыталась предотвратить избрание марксистски ориентированного С. Альенде в качестве президента путем финансирования его оппонентов. Затем, когда он все же был избран, *ИТТ* стала оказывать давление на правительство США с целью подрыва чилийской экономики. В итоге президент С. Альенде был свергнут в результате военного переворота.

Одновременно с другими акторами самостоятельные шаги на мировой арене предпринимают **внутригосударственные регионы** (административно-территориальные образования государства — кантоны, федеральные земли, штаты и т.п.). К регионам можно отнести и крупнейшие города. Именно в мегаполисе можно обнаружить многие феномены и тенденции мировой политики: в мегаполисе происходит выработка политического курса, в нем работают государственные учреждения, в том числе парламент, правительство, министерства; обычно в мегаполисах находятся штаб-квартиры МПО, регистрируются и функционируют НПО, базируются ТНК и т.д. Именно мегаполис оказывается в центре крупнейших политических событий и процессов, подвергается атакам террористов, сталкивается с проблемами экологии, проявлением национализма и т.п. С правовой точки зрения они не могут вести самостоятельную внешнеполитическую деятельность, хотя сохраняют внешние связи в области культуры, торговли, науки и т.п. Тем самым эти территориальные образования занимаются международной деятельностью.

Обычно регионы и мегаполисы проявляют наибольшую активность в экономической сфере, поэтому рассматриваются порой как аналоги корпораций, которые конкурируют между собой. Успех же их конкуренции зависит от ряда факторов, в том числе развития инфраструктуры, научно-технического и трудового потенциала, политики местных властей и т.п. В современных условиях инфраструктура нередко складывается так, что связи близлежащих регионов и мегаполисов соседних стран оказываются более тесными, чем региональные внутри государства. Например, северные области Италии интенсивнее сотрудничают с прилегающими кантонами Швейцарии, чем с южными областями своей страны.

В современном мире экономические, финансовые и другие вопросы тесно переплетаются с политическими. В результате внутригосударственные регионы и мегаполисы, все активнее действуя, и в политическом плане на международной арене становятся самостоятельными акторами.

Внутригосударственные регионы и мегаполисы играют все более значимую роль в европейском строительстве, что привело даже к появлению такого понятия, как «Европа регионов».

Однако в автономизации внутригосударственных регионов и мегаполисов существуют свои «подводные камни». Неконтролируемая регионализация ослабляет центральные власти, создает опасность неравномерного развития государства, ведет к развитию конфликтных ситуаций.

В последнее время обращается внимание и на то, что деятельность внутригосударственных регионов на мировой арене может вести к парадоксальному, на первый взгляд, процессу — ослаблению демократии в стране. Дело в том, что регионы тех или иных стран могут управляться коррумпированными, авторитарными властями. Тогда их «уход» из-под контроля центральных властей ведет к усилению негативных процессов на местном уровне. И все же самостоятельность регионов в целом ряде случаев способствует их динамичному развитию за счет привлечения иностранных инвестиций, создания рабочих мест и т.п.

В Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г. сказано, что «субъекты Российской Федерации развивают свои международные связи в соответствии с Конституцией РФ, Федеральным законом от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ „О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации“ и другими законодательными актами. Министерство иностранных дел Российской Федерации и другие федеральные органы исполнительной власти оказывают содействие субъектам Российской Федерации в осуществлении ими международного и внешнеэкономического сотрудничества при строгом соблюдении суверенитета и территориальной целостности России».

Этнические и религиозные движения также активно выходят на мировую арену в качестве самостоятельных акторов. Эти движения характеризуются большим разнообразием и по целям, и по методам, и по численности. Этнические движения часто образуются группами коренного населения, которое проживало на той или иной территории задолго до образования государства. Этних людей объединяет также общность культуры, языка, принадлежность к одному этносу. Часто они образуют движения для борьбы за свои права вплоть до формирования собственного государства. Методы, используемые этническими движениями, могут быть различны, начиная от парламентских методов борьбы, заканчивая вооруженными и террористическими действиями. Религиозные движения как политический актор на мировой арене представляют собой объединение людей в группы на религиозной основе для реализации политических целей. Они могут быть политически влиятельными и за счет этого ресурса достигать своих целей, а могут использовать насильственные методы, смыкаясь тем самым с террористическими организациями. Один из примеров такой ради-

кальной религиозной организации Аум Синрикё, применившая нервно-паралитический газ в токийском метро в 1995 г.

Наконец, еще один актер на мировой арене, который в полный голос заявил о себе 11 сентября 2001 г., — **террористические организации**. Несмотря на то что терроризм известен человечеству давно, именно в настоящее время он приобрел глобальный характер.

Кроме названных, в качестве самостоятельных акторов можно выделить отдельных людей (например, лидер террористической организации «Аль-Каида» У. Бен Ладен), а также средства массовой информации (СМИ) (такие как *CNN*, «Аль-Джазира», ставшая известной во многом за счет действий террористов, и др.), которые оказывают сильнейшее влияние на сознание людей, формируют отношение к политическим событиям. Современные средства связи позволяют им делать это очень быстро и часто в режиме реального времени, охватывая при этом различные страны.

На мировой арене появляются и акторы, которые описываются К. Зегберсом как гибридные образования. Они представляют собой соединение государственных и негосударственных структур. Эти гибридные образования действуют в различных областях, прежде всего в бизнесе, где транснациональная компания имеет смешанный (государственный и частный) капитал. Существуют гибридные образования и в СМИ.

3.4. ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МИРА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX — НАЧАЛО XXI В.)

Вестфальская система представляет собой не только набор принципов, не только совокупность международных договоров (к ним еще надо добавить совокупность государств, режимов, институтов и т.д.). Главное — это прежде всего система, которая упорядочивает все эти элементы и формирует целостность. Вестфальская система развивалась и усложнялась на протяжении более трех с половиной веков.

Вестфаль начался в Европе. В этом смысле это европоцентристская модель. С самого начала он не был не только глобальной, но даже общеевропейской системой его можно было назвать лишь условно. Интересно, что государства, находящиеся за пределами Вестфальской системы, рассматривались по-другому, не так, как «собратья» по системе. И внутри Вестфальской системы, и за ее пределами велись войны, но это были «разные» войны. Было два разных мира: «мир Вестфалья» и мир «вне Вестфалья». В невестфальском мире были свои правила.

Существовали ли, кроме Вестфальской системы, попытки создания иных политических систем, включающие в себя внутри- и внешнеполитические правила и принципы функционирования? Конечно, причем, как реальные, так и идеальные, с разной степенью свободы отдельных частей и жесткости правил. Это и Древняя Греция с ее городами-полисами, и Римская империя, и мусульманский халифат, и т.д. Везде принципы были различны. Были и проекты, которые так и остались нереализованными, например анархистский. Коммунистическая же модель при попытке ее воплощения в конечном итоге осталась в рамках Вестфальской модели. Но только Вестфальская модель дожила до наших дней и охватила весь мир. Иными словами, на сегодняшний день только Вестфальский проект стал глобальным. Почему? Можно предположить: важным моментом здесь стало то, что Вестфальская система допускала, что «другой», кто войдет в нее, может быть очень по-разному организован — это его «суверенное право». Своеобразная толерантность Вестфальской системы к внутренней организации своих структурных элементов и позволила на равных объединить такие разные современные образования, как государства ЕС и, например, Судан; США и Иран и т.п. Конечно, здесь есть проблемы.

Современный кризис или эрозия Вестфальской системы проявляется не в том, что правила или принципы не соблюдаются (они, конечно, и раньше не всегда соблюдались), а в том, что их становится сложно соблюдать, а порой — бессмысленно. Если воспользоваться метафорой, то, наверное, невозможно найти человека, который бы не нарушал правил дорожного движения. Свидетельствует ли это об эрозии этих правил? Нет, конечно. Но, если вдруг все начнут не соблюдать правила: переходить улицу на красный свет, ездить по тротуарам, не пропускать машины скорой помощи и т.п., потому что соблюдать их оказывается невозможно, то тогда действительно люди столкнутся с эрозией, кризисом правил дорожного движения. С Вестфальской системой именно это и происходит. Становится сложно соблюдать правила. Ситуация в мире и отдельных странах все больше напоминает «игру без правил», в которой не понятно, как надо действовать. Условия принятия решений и поведения все чаще оказываются неопределенными и непредсказуемыми. Становится невозможно планировать деятельность, поэтому будущее как бы перестает существовать.

Во второй половине XX столетия произошли три важных события.

Первое связано с крушением колониальной системы, в результате чего в единой политической системе мира, основанной на принци-

пах национального суверенитета, которые были заложены мирными договорами 1648 г., оказались очень разнородные государства. Разумеется, в Вестфальской системе государства никогда не были однородными. Однако в XX столетии ко всем прочим параметрам разнородности (размер территории, экономическое развитие и т.п.) прибавилось одно различие — в отношении к самой Вестфальской системе, — ставшее глобальным. На расслоение государств во второй половине XX в. по этому параметру обращает внимание, в частности, Дж. Поджи. Внутри этой системы стали формироваться и функционировать:

- государства, ориентированные, преимущественно на вестфальские межгосударственные отношения, признающие и отстаивающие принцип национального суверенитета (государства модерна);

- государства, которые в пределах интеграционных процессов в значительной степени перераспределили свой суверенитет в рамках наднациональных и внутринациональных институтов (государства постмодерна);

- государства традиционной культуры, строящие свои отношения в значительной степени на довестфальских принципах (родоплеменных и т.д.). Ранее многие эти государства были колониями и не выступали самостоятельно на мировой арене (государства премодерна). К этой же категории следует отнести несостоявшиеся государства, государства непризнанные или частично признанные — все они оказываются вне Вестфальской системы.

В результате в единой политической системе оказались принципиально различные государства. И эти различия увеличиваются. Исследуя современные государства, правда, несколько в ином ракурсе, А.Ю. Мельвилл пришел к выводу о «разбегающейся политической вселенной».

Второе важное событие конца XX в. заключается в активном выходе на мировую арену негосударственных транснациональных акторов — НПО, ТНК и т.д. На этот факт еще в начале 1970-х гг. обратили внимание Р. Кеохейн и Дж. Най, которые писали об изменении политической системы мира, основанной на принципах Вестфалия, где единственным актором было государство. В дальнейшем активность ТНА сопровождалась:

- увеличением количества каждого из них на мировой арене (так, наблюдается резкий рост числа НПО — более 30 тыс., ТНК — более 70 тыс. и т.д.);

- вовлечением множества людей в транснациональные отношения;

■ расширением географии своей деятельности. В настоящее время различные ТНА действуют фактически по всему миру;

■ охватом практически всех сфер деятельности, включая сферу безопасности, которая традиционно была государственной. В качестве примера можно привести деятельность НПО по борьбе за запрет на использование противопехотных мин или деятельность частных военных компаний (в том числе *Blackwater*) в зонах конфликта;

■ появлением новых акторов, которые становятся транснациональными. В частности, приобретают собственные очертания в качестве ТНА «глобальные СМИ», т.е. СМИ, ориентированные на всемирную, главным образом англоязычную, аудиторию. К их числу относятся, например, *CNN*, *Sky News* и другие каналы. Именно сетевая организация, по мнению О.В. Зегонова, позволяет такого рода СМИ несмотря на различия и конкуренцию действовать как единый актор мировой политики, формируя глобальную повестку дня;

■ гибридизацией акторов, невозможностью жесткого разделения на государственные и негосударственные акторы, созданием различного типа партнерства государства и бизнеса, НПО и государства, бизнеса и НПО и т.п.;

■ пересечением функций акторов, так как каждый из них, расширяя свои традиционные функции, начинает заниматься «не своим делом»: государство — бизнесом, НПО — безопасностью и т.п. Если ранее, например, внутригосударственные регионы стремились оказывать влияние лишь на внутривнутриполитические процессы своей страны, а международные организации — на вопросы, которые ограничивались внешнеполитической сферой (что казалось логичным), то теперь это не так. Межправительственные организации и институты все активнее вмешиваются в такие внутривнутриполитические вопросы, как урегулирование внутригосударственных конфликтов (в частности, НАТО, ОБСЕ, ООН), соблюдение прав человека, определение финансовой политики государств (Международный валютный фонд, далее — МВФ) и т.п. А внутригосударственные регионы стремятся к внешней сфере деятельности порой наравне с государствами, что нередко вызывает обеспокоенность и растерянность центральных властей.

Наконец, *третьим* важнейшим моментом, повлиявшим на политическое развитие мира во второй половине XX столетия, стала научно-техническая революция. В результате ее слабому государству или даже небольшой группе людей оказывается под силу нанести ущерб другим, который ранее могли осуществить только ведущие государства-лидеры. Современный мир оказался зависимым от поведения не только сильных, но и слабых.

3.5. РАЗНОРОДНОСТЬ АКТОРОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МИРА

В современную Вестфальскую систему входят не только государства, различающиеся по отношению к самой системе, но и другие разнообразные акторы, у которых нет «общего знаменателя», подобного тому, который был найден в 1648 г. и позволил «убрать» (пусть, порой лишь внешне) этнические, религиозные и иные противоречия, приведя все к одному измерению — национальному суверенитету.

Задача поиска «общего знаменателя» осложняется тем, что современные ТНА крайне разнообразны по многим параметрам. Прежде всего среди этих параметров следует назвать ресурсы. Если экономический показатель является ведущим для ТНК, ТНБ, то другие акторы, обладая значительно меньшими экономическими и финансовыми возможностями, оказываются политически влиятельными. Например, ресурсом может быть политический голос государства при принятии решений в ООН или другой МПО. Для многих МНПО ресурсом выступает обладание информацией «с мест», наличие определенных знаний и умений (в частности, представители Красного Креста, организации «Врачи без границ» имеют соответствующие знания и умения в медицинской сфере, которые крайне важны в условиях конфликта), а также доверие населения.

Виды ресурсов трудно сопоставимы, а значит, и последствия их различных сочетаний оказываются трудно просчитываемыми.

Следующим параметром различий для ТНА служит тип их внутренней структурной организации. Если для государств всегда характерна так называемая *вертикаль власти*, то для негосударственных участников Т. Риссе определяет два возможных варианта внутренней организации — иерархическую (т.е. по тому же принципу, что и государства) и сетевую.

Надо заметить, что рассмотрение социальной организации в терминах «иерархии» и «сети» (демократии) является довольно условным. В реальной ситуации, пожалуй, вряд ли в чистом виде можно встретить оба эти типа. Та же вертикаль государственной власти может выстраиваться более жестко, и тогда человечество сталкивается с авторитарными режимами, или менее жестко — с множеством согласований (демократические государства). Поэтому скорее следует говорить о доминировании иерархических или, напротив, демократических связей и отношений. Например, преимущественно по сетевому принципу построено значительное количество НПО.

Негосударственные акторы очень разнообразны по своим целям. Их усилия могут быть направлены как на создание какого-либо про-

дукта (причем этот продукт также различен — товары, услуги, знания, новые связи и отношения и т.д.), так и на разрушение имеющегося (ряд антиглобалистских движений, террористические организации). Кроме того, цели негосударственных ТНА различаются и по временному параметру. Если государства обычно действуют, исходя из того, что они «существуют вечно» (т.е. для них нет ограничения по времени), то другие акторы могут изначально ставить себе «пределы существования». Так, при строительстве финансовых пирамид их создателям очевидно, что сроки должны быть ограничены. В этой связи встает вопрос об ответственности (политической, правовой, моральной) негосударственных акторов за свою деятельность.

Отдельно стоит вопрос о взаимодействии различных ТНА. Часто можно наблюдать сотрудничество государств и негосударственных ТНА. Например, при урегулировании внутривнутриполитических конфликтов привлекаются международные НПО, бизнес-структуры. Здесь интересы многих участников нередко совпадают. Так, государства могут быть заинтересованы в снижении напряженности в конфликтной точке, поскольку конфликт угрожает перекинуться и на их территорию. В свою очередь для бизнеса конфликтная область — препятствие для ведения дел, зона нарушения транспортных коммуникаций, повышение политических рисков на близлежащих территориях. Для ряда НПО урегулирование конфликта отвечает их уставным документам. Разумеется, одновременно могут существовать бизнес-структуры, группы интересов в государстве, для которых развитие конфликта, напротив, является выгодным.

В целом в результате взаимодействия происходит развитие не только многосторонней дипломатии, подразумевающей включение более двух государств в решение проблемы, но и многоуровневой дипломатии, когда вопрос решается при взаимодействии различных государственных и негосударственных акторов. Например, НПО в ряде случаев оказываются более гибкими и менее бюрократизированными структурами, чем государственные. В отличие от официальных посредников НПО в большей степени ориентированы на работу с массами и порой получают информацию, которой нет у официальных посредников, представляющих государства и МПО. Одновременно их слабой стороной оказывается то, что, действуя на уровне отдельных общин, НПО нередко с трудом видят целостную картину конфликта. Кроме того, вовлечение в конфликтное урегулирование слишком большого числа НПО порождает трудности, связанные с их взаимодействием, выработкой единой программы. Здесь официальная дипломатия государств и МПО оказывается эффективнее.

3.6. СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Система международных отношений (далее — система МО) представляет собой характер отношений между ведущими государствами. На протяжении всего периода существования Вестфальской политической системы сменяются различные системы МО («Европейский концерт», Версальско-Вашингтонская и др.), но все они базируются на Вестфальской системе. К сожалению, эти системы часто рассматриваются как варианты трансформации Вестфальской системы. Подобная подмена особенно распространена в российских исследованиях. В случае отождествления понятий «политическая система современного мира» (Вестфальская система) и «система международных отношений» дискуссия уходит в сторону, а именно в обсуждение системы (систем) МО: ее (их) стабильности, полярности, легитимности, лидерства государств и т.д.

Разумеется, все вопросы, связанные с системой МО, требуют исследований, поскольку государства остаются ключевыми акторами мировой политики. Безусловно, очень важно понимать, как формируется лидерство государств, что и как позволяет государству сегодня определять тенденции мирового политического развития и т.п. Существенным является и то, насколько государства сближаются и (или) отдаляются друг от друга и по каким параметрам. Вместе с тем важно проводить различия между системой МО и политической системой мира как таковой. Если этого не делать, Вестфальская система вообще исчезает из научного фокуса, что ведет лишь к анализу межгосударственных взаимодействий и не исчерпывает всей сложности современной мировой политики.

Тем не менее характер структуры межгосударственных отношений в тот или иной период развития является важным показателем.

Выделяются различные варианты межгосударственных отношений, которые обычно интерпретируются в терминах «полюсности» (полярности), хотя, как отмечает Э.Я. Баталов, точнее было бы говорить о центричности системы МО.

Однополярная система теоретически может быть представлена в двух вариантах: 1) гегемония одного государства; 2) мировая федеральная система. Обычно рассматривается первый вариант, когда речь идет об однополярности. Гипотетический вариант мировой федеральной системы обсуждается значительно реже.

Для **однополярного мира** характерно, что центральная (основная) власть устанавливает «правила игры» и доминирует, используя военные и экономические рычаги. Она также разрешает споры между

«подчиненными» и препятствует «подчиненным» в их стремлении обрести независимость.

Биполярная система предполагает достаточно враждебные отношения между двумя полюсами, сформированными наиболее могущественными странами.

Многополярная система предусматривает несколько центров силы, между которыми устанавливается равновесие. Государство-полюс в этой системе стремится к усилению собственной позиции или, по крайней мере, недопущению ее ослабления, а также противодействует любому другому участнику, который рвется в лидеры.

Обсуждением конфигурации (полярности) системы МО и ее устойчивости занимаются исследователи, работающие в рамках реалистской парадигмы. При этом из их поля зрения выпадает тот факт, что большинство государств оказывается вне «центров» силы, но они входят в единую Вестфальскую систему, предполагающую равенство государств. Как быть с этим противоречием? Представляется, что сегодня рамки реалистской парадигмы (с любыми приставками и прилагательными — «нео», «постклассический» и т.п.) оказываются слишком узкими для того, чтобы понять и описать то, что происходит в политической сфере на глобальном уровне. Неадекватность теоретической модели ведет к практическим ошибкам, цена которых может быть особенно высокой. Так, научно-технические инновации дают сегодня возможность любому государству, не являющемуся центром и не входящему в тот или иной блок, нанести непоправимый урон всем остальным.

Наконец, следует обратить внимание еще на одну тенденцию, связанную с дроблением ресурсного потенциала, что позволяет государству становиться полюсом образования, инновационным лидером, не будучи центром силы. Тенденция дробления ресурсного потенциала нашла отражение и в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г., где говорится, что «на передний план в качестве главных факторов влияния государств на международную политику, наряду с военной мощью, выдвигаются экономические, научно-технические, экологические, демографические и информационные. Все большее значение приобретают: уровень защищенности интересов личности, общества и государства; духовное и интеллектуальное развитие населения; рост его благосостояния; сбалансированность образовательных, научных и производственных ресурсов; в целом уровень инвестиций в человека; эффективное использование механизмов регулирования мировых рынков товаров и услуг, диверсификации экономи-

ческих связей; сравнительные преимущества государств в интеграционных процессах. Экономическая взаимозависимость государств становится одним из ключевых факторов поддержания международной стабильности. Создаются предпосылки для становления более кризисоустойчивой международной системы». Все это делает систему МО гораздо более сложной.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что характеризует современные государства как участников международного взаимодействия в мире?
2. В чем состоит проблема национального суверенитета?
3. Какова роль межправительственных организаций как международных акторов?
4. Как проявляется противоречивость в деятельности ТНК на международной арене?
5. Какова роль международных неправительственных организаций и внутригосударственных регионов на мировой арене?
6. Что понимается под международной деятельностью внутригосударственных регионов и мегаполисов?
7. Как влияют изменения в количестве и характере участников международного взаимодействия на политическую структуру мира?
8. Какие основные явления свидетельствуют о трансформации политической системы мира?
9. Что представляет собой система международных отношений и в чем состоит ее отличие от политической системы мира?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Барабанов О.Н., Фельдман Д.М.* Если Вестфаль и болен, то этот болен скорее жив, чем мертв // Международные процессы. 2007. № 3 (15), сентябрь — декабрь. [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/fifteen/011.htm>
2. *Грум Дж.* Растущее многообразие международных акторов // Международные отношения: социологические подходы / под ред. П.А. Цыганкова. М. : Гардарика, 1998.
3. *Караганов С.А.* Новая эпоха / Россия и мир. Новая эпоха. М. : ГУ-ВШЭ, Совет по внешней и оборонной политике, 2008.
4. *Лебедева М.* Что угрожает Вестфалю? // Международные процессы. 2008. № 3. [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/sixteenth/015.htm>
5. *Лебедева М.М.* Политическая система мира: ее размывание и поиск решений / Современные глобальные проблемы мировой политики направления / под ред. М.М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2009.

6. *Лебедева М.М.* Такие разные государства // «Приватизация» мировой политики / под ред. М.М. Лебедевой. М., 2008.
7. Мировая политика / под ред. С.В. Кортунова. М. : ГУ-ВШЭ, 2007.
8. *Панова В.В.* «Группа восьми»: модели реформирования и возможности для трансформации роли Европейского союза / В.В. Панова, П.И. Хайнал // Вестник международных организаций. 2009. № 2 (24).
9. «Приватизация» мировой политики / под ред. М.М. Лебедевой. М. : Голден-Би, 2008.
10. *Фергюсон Й.* Глобальное общество в конце двадцатого столетия // Международные отношения: социологические подходы / под ред. П.А. Цыганкова. М. : Гардарика, 1998.

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

4.1. ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ КАК НАУКИ

Мировая политика — относительно новая научная дисциплина. Ее формирование происходит во второй половине XX столетия в США прежде всего в рамках неолиберального исследовательского подхода и нередко связывается с журналом «Международная организация», а также вышедшей в 1972 г. работой под редакцией Р. Кеохейна и Дж. Ная «Транснациональные отношения и мировая политика».

Журнал «Международная организация» стал издаваться с конца 1940-х гг. Первоначально сотрудничавшие с этим журналом авторы занимались такими достаточно традиционными вопросами, как деятельность ТНК, финансы, торговля в мире и т.п. Развитие этих исследований привело к необходимости изучения международной системы в целом, взаимосвязи экономических и политических процессов, взаимодействию внутренней политики с международной экономической средой. Рассматривая экономические отношения в международной системе, аналитики сначала ориентировались на постулаты реализма. Однако вскоре убедились, что в этих рамках сложно объяснить многие процессы политико-экономического развития мира после Второй мировой войны.

Все эти исследования проходили в годы холодной войны, когда большинство западных специалистов в области международных отношений уделяли мало внимания изучению политических аспектов экономических процессов. Видя в коммунизме основную угрозу, они сосредоточились на исследовании вопросов обеспечения безопасности или так называемой *политике высокого уровня*. Проблемы экономики в тот период уходили на второй план, получив название *политики низкого уровня*. Надо сказать, аналогичные исследовательские приоритеты были и в советской науке.

Тем временем *экономический фактор* становился все более значимым. Происходит возрождение экономик ряда европейских стран, а также Японии, которые были разрушены в период Второй мировой

войны. Обостряется проблема растущей экономической пропасти между развитыми и развивающимися странами и т.п. Одним из наиболее ощутимых признаков роста экономической составляющей для определения положения государства в мире стал энергетический кризис 1973—1974 гг. Тогда Организация стран — экспортеров нефти (далее — ОПЕК) ограничила ее добычу. Огромный военно-политический потенциал США оказался бессильным что-либо сделать. Понадобились переговоры со странами ОПЕК, чтобы путем взаимных уступок урегулировать проблему.

Одновременно в 1970-е гг. исследователи, которые занимались изучением международных отношений, вообще обратили внимание на возрастание роли экономического фактора в мире. В последующие годы активно проводятся исследования, развивается научная область, получившая название международной политической экономики (далее — МПЭ).

Другим важным направлением, как отмечают П. Катценштейн, Р. Кеохейн и С. Краснер, стали проводимые политологами *исследования по выявлению взаимосвязи между внутренней политикой разных стран и МПЭ*. Вопросы, которые изучались, были ориентированы на определение детерминант внешней экономической политики государств и стратегий различных корпораций. Большинство работ были эмпирически ориентированы. В них анализировались конкретные случаи, которые имели место в странах Латинской Америки и других регионах. Исследования показали, что внутривнутриполитическая организация государства оказывает существенное влияние на его экономическое поведение как на национальном, так и наднациональном уровне.

В рамках политологии были выявлены также иные важные закономерности. Например, публичная политика стала рассматриваться как результат столкновения групп, имеющих различные интересы. Для того чтобы реализовывать их, группы формируют коалиции. Причем они не постоянны, а меняются в зависимости от конкретных обстоятельств. Большое значение для развития исследований в этой области имела появившаяся в 1971 г. работа Г. Аллисона, посвященная принятию решения в Кубинском кризисе. В ней автор показал, что государство не является однородным. Его политика может быть понята, если рассматривать ее как взаимодействие и конкуренцию различных структур внутри государства. В этом смысле национальный интерес формируется посредством компромиссных решений различных групп, а не бывает изначально заданным.

Существенный вклад в понимание взаимодействия внешне- и внутривнутриполитических факторов внес Р. Патнэм, разработав двухуров-

невую модель принятия внешнеполитических решений и показав, что международные договоры, которые заключает государство, служат своеобразным «двойным компромиссом»: во-первых, между государствами, подписывающими договор, и во-вторых, внутри каждого из них. Потому что для выработки позиции на переговорах необходимы согласования, например между различными ведомствами, ведущими политическими партиями на подготовительных этапах определения позиции и после подписания договора, особенно если он требует ратификации.

Еще одним направлением исследований, которое оказало огромное влияние на формирование мировой политики как научной дисциплины, было *изучение международных институтов*. Работы по европейской интеграции, ставшие вызовом реализму, вышли в 1960-х гг. В этих работах делались попытки не только описать деятельность международных организаций, но и провести их сравнительный анализ.

Наконец, существенный вклад в формирование мировой политики внесли теоретические исследования, связанные с выявлением транснациональных отношений, констатацией факта множественности акторов мирового политического взаимодействия.

Таким образом, мировая политика возникла на стыке исследований, прежде всего в областях:

- международной политической экономии;
- теории международных отношений, ориентированной главным образом на неолиберализм;
- анализа международных организаций;
- политологии, где особенно важны были исследования по сравнительной политологии.

Однако мировую политику как научную дисциплину нельзя считать достижением одних неолибералов. Другие, так называемые структурные, теории международных отношений — неореализм и неомарксизм, которые рассматривают международную реальность на основе выделенных структурных единиц анализа, также внесли свой вклад. Неореалисты, прежде всего К. Уолтц, одними из первых заговорили о политической системе мира, в которую они включили государства и образуемые ими структуры, в том числе союзы и МПО. При этом К. Уолтц использовал термин «международная политика». Впрочем, и понятие «мировая политика» довольно привычно для неореалистов. Оно присутствует в названиях книг, например таких классиков неореализма, как Г. Бул и Б. Бузан.

Неомарксисты, прежде всего И. Валлерстайн и его коллеги, говорят о мир-системе. Для них термин «мировая политика» не характе-

рен, однако, как и неореалисты, неомарксисты подчеркивают целостность политического мира на глобальном уровне. При этом периферия и полупериферия пытаются сопротивляться, поднимая различного рода восстания. Одновременно неомарксисты, как неолибералы, отмечают связь внешней и внутренней политики. Их также сближает идея относительной прозрачности национальных границ, хотя очевидно, что природа этой прозрачности видится по-разному.

Современная мировая политика — интенсивно развивающаяся научная дисциплина, которая охватывает весь спектр международной проблематики, включает в себя анализ государственных и негосударственных ТНА. При этом одну из центральных для нее проблем составляют вопросы, связанные с тенденциями мирового развития и анализом политической системы мира.

Часто понятия «мировая политика» и «международные отношения» используются как синонимы, хотя в первом случае акцент делается обычно на глобальных проблемах, вопросах развития мировой политической системы в целом, деятельности негосударственных акторов; во втором — на межгосударственных, прежде всего двусторонних отношениях (например, российско-американских).

В целом же водораздел между изучением международных отношений и мировой политики в значительной мере определяется тем, насколько связанные с негосударственным взаимодействием процессы включаются в научное рассмотрение. «Мировая политика» как исследовательская область изучает наряду с государствами и других акторов, действующих на мировой арене. Такое понимание соотношения мировой политики и международных отношений приводится, например, в американском словаре по международным отношениям Г. Эванса и Дж. Ньюхэма, где сказано, что в отличие от международных отношений термин «мировая политика» не относится исключительно к межгосударственным отношениям.

В использовании терминов в той или иной стране имеются и традиции. Так, во Франции термин «международные отношения» употребляется в качестве названия научной и учебной дисциплины, хотя в последние годы появляется и название «Мировая политика». При этом часто подчеркивается, что в современных условиях международные отношения выходят за рамки межгосударственных.

В научной литературе, если речь идет об исследованиях, часто употребляется относительно нейтральный термин «международные исследования», который обычно включает в себя и мировую политику и международные отношения.

4.2. РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Мировая политика как научное направление, подобно культуре, техническим инновациям, принадлежит, разумеется, человечеству. В этом смысле не может быть «особого» российского пути и не существует «российской мировой политики», другое дело специфика развития национальных исследований по мировой политике и их вклад в общемировую науку.

Российские исследования мировой политики имеют два взаимопересекающихся и взаимосвязанных источника: международные отношения и политическая наука (политология).

Международные отношения в России оформились в самостоятельную научную дисциплину позднее, чем это произошло на Западе, хотя еще в 1920-е гг. в Москве был создан Институт мирового хозяйства и мировой политики, который долгое время возглавлял академик Е.С. Варга. К тому же отечественные исследования обладают целым рядом специфических особенностей. Эти особенности обусловлены историческим и политическим развитием страны.

Прежде всего отечественные исследования по международным отношениям были *сильно ориентированы на историческое, а не на политологическое знание*. Позднее в них, кроме истории, стали включать экономические, правовые, другие аспекты. Многое для создания отечественной дисциплины по международным отношениям было сделано институтами Академии наук, вузовской наукой. Значительным стимулом к развитию исследований по международным отношениям в стране стала развернутая в 1969 г. на страницах журнала «Мировая экономика и международные отношения» дискуссия, в которой внимание было обращено на вопросы теории и методологии.

Тем не менее международные отношения довольно долго рассматривались в отечественной науке, скорее, как многодисциплинарная, чем междисциплинарная область, или как «сумма» различного рода, прежде всего межгосударственных, отношений. Это нашло отражение в определениях самого понятия.

По тому же принципу строилась в основном и академическая наука. Институты Академии наук СССР были образованы фактически по принципу предметных областей. Это стимулировало развитие науки как таковой. В то же время практически не было институтов, изначально ориентированных на проблему (например, исследования проблем мира). Их отсутствие ограничивало связь науки и практики, а также междисциплинарности. Если не брать во внимание некоторые исключения, то такие институты начали появляться только с конца 1980-х гг.

Другая особенность отечественных исследований была в *теоретико-методологических основах исследований*, которые представляли собой не просто марксизм-ленинизм, как принято считать, а своеобразный симбиоз марксизма-ленинизма и реализма. Это сосуществование двух парадигм было весьма противоречивым: с одной стороны, во главу угла ставились национальные интересы, с другой — требование пролетарского интернационализма. Одним из первых проявлений этого противоречия стал эпизод с закрытием в 1947 г. Института мирового хозяйства и мировой политики. Считается, что Е.С. Варга был обвинен в буржуазно-реформистском уклоне, а институт закрыт, поскольку исследования Е.С. Варги экономики капитализма противоречили марксистско-ленинским представлениям о загнивании капитализма. Отчасти это так, но была и другая сторона. Она проясняется в связи с публикацией предсмертных писем Е.С. Варги спустя 25 лет в журнале «Полис», в которых он обвиняет Сталина в недостаточном проявлении пролетарского интернационализма. Очевидно, что возникло противоречие между своеобразным, хотя и ограниченным классовыми рамками, «транснационализмом» (что вытекало из требований пролетарского интернационализма, кстати, не случайно в названии института именно «мировая политика»), с одной стороны, и государственным центризмом — с другой. В дальнейшем это противоречие прослеживается и в международной практике, и в международных исследованиях советского периода. В то же время по мере укрепления СССР в качестве сверхдержавы усиливается (нео)реалистская ориентация в исследованиях международных отношений, не случайно неомарксизм был практически неизвестен в Советском Союзе.

Следующая характеристика, на которую обращает внимание, в частности, И.Г. Тюлин, состоит в том, что становлению единой науки международных отношений мешало также традиционное для советского общественнознания разделение ее на «университетскую» и «академическую». При этом взаимодействие между специалистами вузов и учеными академических институтов было крайне незначительным.

Теоретические вопросы анализа международных отношений в отечественных работах изучались недостаточно, исследования западных авторов в этой области оказывались на периферии научного интереса. Правда, и здесь были исключения, например: проведенные в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР работы под руководством В.И. Гантмана по анализу западных теоретических подходов; изучение кризисных ситуаций в Институте США и Канады АН СССР; исследования переговорного процесса в Московском государственном институте международных отношений

(МГИМО) и ряде других учебных, а также исследовательских центров. Но все же основное внимание отечественных специалистов в области международных отношений уделялось военно-политической области и двусторонним отношениям.

Наконец, еще одной особенностью развития международных исследований в стране было их *сосредоточение в Москве*, т.е. там, где находились внешнеполитические учреждения и ведомства. Это, конечно, обеспечивало довольно тесную связь с практикой, но не давало возможности развиваться международным исследованиям в других городах.

Политология стала вносить свой вклад в развитие мировой политики в России относительно недавно — с конца 1990-х гг. по той простой причине, что ранее в стране этой дисциплины как таковой не было. Кроме того, если в западных университетах международные отношения, как правило, находятся на факультетах политических наук, то в России они чаще образовывались на базе исторических факультетов, что увеличивало и так существующие различия между политологией и международными исследованиями.

В целом за последние годы произошел огромный скачок в развитии международных исследований и мировой политики, в частности в России. Это отражают следующие признаки:

- развитие и разработка основных направлений мировой политики;
- появление кафедр и факультетов, аналитических центров, причем не только в Москве, но и в других регионах;
- создание профильных журналов;
- чтение курсов по мировой политике (включение их в образовательный стандарт по направлению и специальности «Международные отношения», а также политологии);
- выход в свет учебной и учебно-методической литературы;
- институционализация дисциплины (появление профессионального сообщества, включение его в международные структуры, проведение конференций, семинаров и т.п.).

В международных исследованиях большое внимание уделяется межгосударственному взаимодействию, и государственно-центристская парадигма до сих пор явно доминирует в российской науке. Не случайно в конце XX — начале XXI столетия в России издано больше научной и учебной литературы по геополитике (одному из направлений, в которых четко прослеживается ориентация на государственно-центристскую модель мира), чем исследований по международным режимам, институтам, деятельности НПО на мировой арене и т.п. Причин такого положения несколько. Из них следует выделить истори-

чески традиционную ориентацию России на создание и развитие сильного централизованного государства, что не могло не отразиться на исследованиях. К этому необходимо добавить обусловленные событиями последних лет психологические причины — потерю статуса великой державы по окончании холодной войны.

4.3. УРОВНИ АНАЛИЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мировая политика охватывает очень широкий круг проблем и участников международного общения и взаимодействия. Перед исследователем всегда стоит вопрос: как объяснить то или иное явление, обусловленное целым рядом факторов, имеющее к тому же множество аспектов? Воспользуемся примером Б. Бузана, который пишет, что причины начала Второй мировой войны можно искать и в стремлении к реваншу Германии, и в слабости Франции, и в личностных особенностях Сталина или Гитлера, и в нестабильности системы международных отношений конца 1930-х гг. в целом. Иными словами, объяснение любому событию в международной жизни может быть найдено на уровне и отдельных политических деятелей, и государств, и всей мировой системы. В связи с этим возникает методологический вопрос о том, как выявлять причинно-следственные связи.

Сама идея различения уровней анализа возникла в конце 1950-х гг. под влиянием сциентизма в международных исследованиях. Сциентистская ориентация требовала более четкого осознания исследователями взаимоотношений между отдельными элементами и системой как таковой. Термин «уровни анализа» стал широко использоваться благодаря статье Дж. Д. Сингера «Проблема уровней анализа в международных отношениях», опубликованной в 1961 г. Он выделил два уровня — международную систему в целом и уровень отдельного государства. Однако основной вклад в разработку проблемы системы и отдельных ее элементов еще раньше, в 1954 г., внес работой «Человек, государство и война» К. Уолтц. Правда, он говорил не об уровнях анализа, а об образах, которыми оперирует исследователь.

В настоящее время, как правило, различают три уровня анализа:

- 1) уровень индивида;
- 2) уровень отдельного государства;
- 3) глобальный уровень.

Уровень индивида предполагает анализ индивидуальных особенностей людей, вовлеченных в политический процесс на мировой арене. Большинство исследований в этой области ведется в рамках политической психологии, где выделяются исследования политической элиты и масс. При изучении политической элиты большое внимание

уделяется личности политических деятелей. Для этого при описании психологических портретов используются исторические, психоаналитические и другие методы. Другое направление анализа политической элиты состоит в анализе процесса принятия решения. Так, О. Холсти замечает, что на развитие событий 1914 г., приведших к Первой мировой войне, сильнейшее влияние оказал такой фактор, как стресс.

На уровне **анализа отдельного государства** исследуются, например, процессы принятия политических решений, но уже с точки зрения не психологических особенностей, а того, каков в той или иной стране механизм принятия решений. Большое значение для исследования уровня отдельных государств имеют сравнительно-политологические работы.

На уровне политических масс исследуются также такие вопросы, как восприятие других народов, установки, ценности, представления, существующие в обществе и касающиеся международной сферы. Большое внимание в этих работах обращается на формирование восприятия в условиях конфликта, в том числе и на стремление к упрощению информации, которое ведет к тому, что все многообразие действительности укладывается в рамки полярных представлений.

Глобальный уровень анализа является, пожалуй, наиболее сложным. Он предполагает изучение как взаимодействия государств, так и негосударственных участников мировой политической системы. При этом последняя рассматривается как некая целостность. Выявляется роль отдельных структурных элементов в формировании и функционировании этой системы, рассматриваются вопросы сотрудничества и конкуренции различных акторов, определяются тенденции развития самой системы.

Другие важные для международных исследований компоненты — данные и выбор метода. Мировая политика использует всевозможные данные получения информации и самый широкий набор методов исследования.

Принято различать первичные и вторичные данные. К *первичным* обычно относят такие, как заявления и выступления политических деятелей, официальные документы и прочие источники информации: статистические данные, исторические факты и т.п. К *вторичным* принадлежат материалы, основанные на первичных данных и отраженные в научных публикациях.

Методы исследования в мировой политике, а также международных отношениях нередко подразделяют на две группы: качественные и количественные.

Качественные методы предполагают использование аналитических процедур для изучения тех или иных фактов, процессов и т.п. При этом исследователи, использующие качественные методы анализа (традиционалисты), основываются на разных методологических и теоретических подходах. Ранее эти методы часто назывались *историко-описательными*, предполагающими обращение к историческому знанию, а также *интуитивно-логическими*, т.е. ориентированными на научный труд в виде эссе. Тем не менее и сегодня они довольно широко используются в мировой политике и международных отношениях.

Количественные методы появились в международных исследованиях позднее качественных (по этой причине ученых, которые пользовались ими, называли модернистами) и предназначались для выявления тех или иных числовых параметров. Их применение было особенно популярно в 1960-е гг. В то время к исследованию общественных наук и международных отношений в частности было привлечено много математиков: тогда казалось, что такой подход позволит избежать субъективизма в исследовании.

Особое внимание исследователи, которые используют количественные методы, обращают на такой критерий, как *валидность*, т.е. определение того, действительно ли метод позволяет получить ту информацию, которая необходима. Еще одним значимым параметром при выборе метода является его *надежность*. Она предполагает, что и при использовании этого метода другим исследователем будут получены аналогичные результаты.

Для исследования мировой политики используют также *статистические методы*. Например, с их помощью можно определить, кто в основном совершал террористические акты в европейских странах и США — иммигранты или граждане этих стран.

Наиболее распространены среди количественных методов исследования контент- и ивент-анализ.

Контент-анализ, введенный Г. Лассуэлом, представляет собой изучение текста с точки зрения частоты появления в нем тех или иных ключевых слов и словосочетаний. Проанализировав таким образом статьи, опубликованные в одной из газет, Г. Лассуэл показал ее профашистскую ориентацию, что послужило поводом для судебного разбирательства вопроса о закрытии газеты.

При использовании контент-анализа важен правильный выбор ключевых слов. Ограничение на использование контент-анализа накладывает проблема контекста. Если статья, выступление, документ и тому подобные тексты написаны так называемым эзоповым языком,

где значимы не столько сами слова, сколько контекст, то они сложно поддаются исследованию с помощью контент-анализа.

Ивент-анализ ориентирован на выявление частоты появления определенных событий. Как и в случае с контент-анализом, первоначально определяют критерии, по которым учитываются и классифицируются события. Иными словами, выявляются некие аналоги «ключевых слов», характеризующие частоту, интенсивность, продолжительность события (например, конфликтных отношений). Далее определяют динамику развития процесса. Используя ивент-анализ, можно, в частности, проследить динамику уступок на переговорах, определить, с какой скоростью они делаются, кто из участников первым идет на компромиссные решения и т.п.

Менее распространено, по сравнению с предыдущими методами, *когнитивное картирование*. В его основе лежат представления, согласно которым для понимания поведения крайне важно знать, как человек воспринимает и организует полученную информацию. В международных исследованиях данный метод ориентирован на изучение так называемой *естественной логики*, прежде всего политических деятелей. Суть заключается в том, что на основании текстов выступлений выявляются ключевые категории, которые использует тот или иной политик, и между ними определяются причинно-следственные связи.

Существуют и другие количественные методы анализа. В целом же они довольно трудоемки. Это с самого начала ограничивало их применение. Внимание к количественным методам вновь было привлечено в 1990-е гг. в связи с широким внедрением компьютерной техники, позволяющей до определенной степени решить проблему трудоемкости работ и дать быструю количественную оценку.

Тем временем в русле качественных методов стали внедряться процедуры, предусматривающие некие формализованные моменты, но с точки зрения не столько количественных оценок, сколько организации исследования. При его проведении в ряде случаев стали учитываться требования, предъявляемые к организации работы, формулированию, обоснованию гипотезы, что типично для естественных наук.

Развитие получили ситуационные анализы, представляющие собой семинары экспертов, на которых проводится анализ ситуации, выявляются ключевые моменты, а также составляются прогнозы относительно возможных сценариев дальнейшего развития. Ситуационные анализы нашли широкое распространение, особенно в научно-практических организациях и учреждениях.

Ситуационный анализ по сути является частным случаем такой аналитической процедуры, как анализ конкретных ситуаций, предусматривающей применение теоретических положений при исследовании

конкретных событий на мировой арене. Если ситуационный анализ ориентирован на прогноз, то при анализе конкретных ситуаций обычно возможные сценарные варианты развития событий не рассматриваются.

В настоящее время в международных исследованиях широко применяются методы смежных научных дисциплин — социологии, политологии, психологии и др. Так, довольно распространенным является метод интервью, применяемый в социологических исследованиях.

В арсенале качественных методов остаются и такие традиционные методы, как изучение документов, свидетельств, статистических данных, аналитических материалов.

Сближение двух групп методов — количественных и качественных — сделало разделение «логико-описательного» и «историко-интуитивного» подходов устаревшим. В настоящее время дихотомия методов «количественные — качественные» в целом в международных исследованиях снята. Соответственно и разделение исследователей на модернистов и традиционалистов также осталось в прошлом.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие основные научные дисциплины внесли вклад в формирование мировой политики (в чем он состоял)?
2. Каково соотношение предметных областей мировой политики, сравнительной политологии и международных отношений?
3. Какие основные характеристики определяют мировую политику как научную дисциплину?
4. Какие тенденции проявились в развитии теории международных отношений в 1990-е гг.?
5. Как происходил процесс развития российских международных исследований? Каковы их основные этапы, обсуждаемые проблемы?
6. На основе чего в мировой политике выделяются уровни анализа (какие здесь существуют подходы)?
7. В чем состоит проблема метода в международных исследованиях?
8. Что понимается под количественными и качественными методами в мировой политике и международных отношениях (почему говорят об условности их различения)?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бориштолец К.П.* Методы политических исследований. М. : Аспект Пресс, 2005.
2. *Лебедева М.М.* Мировая политика: политическая реальность и предметное поле дисциплины // Мировая политика в условиях кризиса / под ред. С.В. Картунова. М., 2010.

3. Мировая политика: повестка дня на завтра (виртуальный круглый стол) // Полис. 2005. № 4.
4. Тюлин И.Г. Исследование международных отношений в России: вчера, сегодня, завтра // Космополис. Альманах. М. : Полис, 1997.
5. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М. : Гардарики, 2002.

Раздел II

ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРА В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В.

В современной мировой политике наблюдается множество процессов и тенденций развития. Тем не менее выделяется три из них: глобализация, интеграция и демократизация, а также три противоположных: изоляционизм, дезинтеграция, авторитаризм. Развиваются эти процессы неравномерно и нелинейно, а их переплетение порождает новые явления. Так, глобализация по-разному охватывает различные территории, а также разных акторов. В результате мы сталкиваемся со своеобразной «мозаичностью» развития мира.

Можно спорить о проблемах глобализации, но то, что из двух направлений развития — глобализации и изоляционизма — изоляционизм явно не является основной тенденцией мирополитического развития, пожалуй, не вызывает сомнений. Несмотря на множество различных попыток (успешных или нет) оградиться от тех или иных негативных воздействий глобализации (распространение наркотиков, незаконная торговля оружием, распространение болезней и т.п.), изоляционизм не может рассматриваться в качестве ведущей тенденции развития.

5.1. ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация — одно из наиболее обсуждаемых в последние годы явлений в современном развитии мира и в то же время, пожалуй, из наименее строго определяемых. Одним из первых к исследованию проблем глобализации обратился Р. Робертсон, использовав слово «глобальность» в названии своей работы «Обсуждая глобальность». Впрочем, в области экологии и технологических дисциплин заговорили о глобализации раньше — еще в 1960-х гг., хотя и в иных терминах. Термин в широком научный оборот вошел в 1990-х гг.

Существуют различные точки зрения относительно сути глобализации. В одних исследованиях акцент делается на экономических ее аспектах, в других — на формировании единого информационного пространства, в третьих — на развитии общих стандартов. Последнее

относится прежде всего к организации производства, быта, социальной жизни и т.п. В связи с этим как метафора получило распространение выражение «макдоналдизация мира» (от названия сети быстрого питания *McDonald's*), под которым понимается некая стандартизация и «конвейерность» процессов при организации экономической и социальной жизни. Из универсальных блоков, как из кубиков *lego*, складываются различные виды продукции, имеющие в конечном виде огромную вариативность. Ярким примером такой «макдоналдизации» является мебель, предлагаемая шведской компанией *IKEA*.

Существуют и скептические оценки глобализации. Так, М. Весес исходит из того, что глобализация вовсе не новое явление. На самом деле процессы, получившие это название, связаны с усложнением мира и существовали всегда. Однако, по его мнению, глобализация привлекает столь пристальное внимание, поскольку с ее помощью либо пытаются доказать существование новых угроз, либо, напротив, предрекают процветание человечества. Сходных позиций придерживается А.И. Уткин, который пишет, что глобализация является политически востребованной концепцией.

Понимание глобализации различается в зависимости от теоретических позиций авторов. Реалисты, признавая наличие существенных изменений в современном мире, рассматривают глобализацию скорее как процесс эволюционного развития мира, а не как качественный скачок в его преобразовании. Неомарксисты видят в современных процессах заключительную стадию развития капитализма, порождающую все большую поляризацию мира по экономическому параметру, а как следствие — и политическую нестабильность. Для большинства исследователей, придерживающихся неолиберальной традиции, глобализация — это качественно новый этап развития политической структуры и мира, а также человеческой цивилизации в целом.

Существует и еще один срез в восприятии процесса глобализации, связанный с политической практикой, который носит оценочный характер в рамках дихотомии «хорошо — плохо». С одной стороны, это порождает множество движений, условно объединенных понятием «антиглобалисты» (они часто выступают с крайне радикальных позиций против развития глобализационных процессов, а также институтов, которые наиболее тесно с ними связаны, в частности МВФ, ВТО). С другой стороны, это, хотя и в менее выраженном виде, движения сторонников глобализационных процессов, например пользователей Интернета и т.п.

Такое разнообразие мнений и позиций относительно глобализации обусловлено сложностью, комплексностью процессов, широтой охвата сфер человеческой деятельности и взаимоотношений.

Возвращаясь к научному осмыслению такого явления, как глобализация, остановимся на трех ее измерениях, которые выделяет Б. Бади:

- 1) постоянно идущий исторический процесс;
- 2) гомогенизация и универсализация мира;
- 3) размывание национальных границ.

Если взять первое из названных измерений — **постоянно идущий исторический процесс**, можно заметить, что в истории развития человечества действительно наблюдается тенденция все большего расширения пространства, на котором происходит интенсивное взаимодействие: от отдельных деревень, городов, княжеств к государствам, регионам и, наконец, через эпоху великих географических открытий к миру в целом.

Тем не менее процесс глобализации сложный и неоднозначный. В историческом развитии он шел нелинейно и вовсе не предполагал присоединение новых периферийных территорий к некоему неизменному центру. Так, Дж. Модельски на примере развития городов Древнего мира показывает «пульсирующий» характер этого процесса. Он выделяет две фазы, каждая протяженностью в тысячелетие: *централизации*, когда формируются центральные зоны мировой системы, и *децентрализации*, если периферия становится главенствующей. В результате происходит смена мест в системе «центр — периферия». Близкие к идее «пульсации» представления содержатся и в работе П. Кеннеди, когда он говорит о расцвете и закате великих держав.

Если экстраполировать выводы Дж. Модельски на дальнейшее историческое развитие, то можно предположить, что подобная «пульсация» проходит не только по территориальному основанию, но, что особенно важно, и по тому, на основе какого содержательного аспекта формируются центр и периферия. В истории таким содержательным основанием были, в частности, религия, идеология, экономическое развитие.

Более спорным является второе измерение процесса глобализации, которое выделяет Б. Бади: **универсализация и гомогенизация мира**. В рамках этого подхода строились различные предположения относительно создания глобальной деревни — универсальной общности всех живущих на Земле людей или всемирного правительства, которое регулировало бы весь комплекс взаимоотношений между странами и народами. Иными словами, предполагалось формирование некоей всемирной конфедерации.

Эти образы, идеи и гипотезы широко используются в журналистике и популярной литературе, отражая представление о том, что все люди на Земле объединены единой судьбой, и это стало возможным

благодаря распространению универсальных культурных образцов, развитию технологий — в первую очередь транспортных, информационных и коммуникационных, мировой торговой и финансовой систем, объединяющих всех людей во взаимосвязанное и взаимозависимое сообщество.

Универсализация и гомогенизация мира рассматриваются порой и как его вестернизация. В этом случае имеется в виду, что все большее распространение получают характерные для западной цивилизации ценности и нормы поведения. Действительно, многие типы поведения, производства, потребления, возникшие на Западе, потом становятся привычными для других стран и культур. Более того, в этих странах они нередко воспринимаются как присущие именно им. В связи с этим забавный пример приводит ведущий обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Т. Фридман. Маленькая японская девочка, впервые попав в США, воскликнула: «Мама, смотри, у них тоже есть *McDonald's!*».

Подобных фактов можно привести множество. Однако необходимо учитывать, что за внешней универсализацией скрываются более сложные процессы.

Во-первых, каждая культура по-своему воспринимает и усваивает нормы, присущие другим культурам. На этот факт обращают внимание многие исследователи, занимающиеся анализом влияния культур. Образцы поведения западной цивилизации в различных регионах мира (в том числе в сфере потребления), будучи включенными в другой культурный контекст, имеют порой совсем иной смысл, иногда противоположный исходному. За внешним тождеством следования западным типам поведения могут скрываться совершенно разные вещи: например, стремление быть «как все» в США или казаться инакомыслящим, скажем, в ряде арабских стран. Вообще внешние формы всегда имеют свое наполнение в культурах вследствие весьма сложных переплетений того, что привнесено извне, с имеющимися традициями и нормами. Подчеркивая специфику каждой культуры, Т. де Монбраль считает, что глобализация вовсе не подразумевает унификацию и стандартизацию. «Ведь и конструкторы автомобиля не стремятся создать универсальную „мировую“ машину, способную удовлетворять всем вкусам. Это нереально. К примеру, продукция одной и той же французской фирмы *Danone* в Париже рассчитана на вкусы парижан, в Санкт-Петербурге — петербуржцев, а в Шанхае — китайцев. Различия во вкусах, как и в менталитете, никогда никуда не исчезнут». Другое дело, что модификации модели автомобилей или, скажем, йогурта, ориентированные на разных потребителей, «собираются» из набора единых структурных компонентов.

Во-вторых, сама западная цивилизация неоднородна. В этом смысле универсализации мира по типу плавильного котла, о котором довольно много говорили в отношении американской культуры, не происходит. Кстати, сегодня в США все чаще используют метафору «салата», подчеркивая тем самым сохранение самобытности каждого народа.

В-третьих, необходимо иметь в виду, что далеко не всегда распространяются именно западные культурные формы. Существует и обратный процесс, который проявляется в интересе Запада к восточным религиям, африканской культуре и т.п. Поэтому вряд ли правомерно говорить о глобализации как о вестернизации мира.

Сказанное, однако, не исключает процессов, связанных с объединением человечества в единое целое, т.е. того, что В.Б. Кувалдин называет *мегаобществом*. «Речь идет о создании глобального сообщества, в рамках которого существующие ныне национально-государственные образования выступают в качестве более или менее самостоятельных структурных единиц». Однако при этом не исчезают различия между составными частями этого нового образования. Более того, по каким-то параметрам дифференциация может усилиться.

Наконец, последний из названных Б. Бади аспектов (или измерений) глобализации — **размыwanie государственных границ**, пожалуй, в наибольшей степени ее отражает. Это проявляется в интенсификации и увеличении объемов различного рода обменов и взаимодействия за пределами государственных границ, причем во всех областях. Как следствие, один из наиболее важных результатов — формирование мирового рынка товаров и услуг, финансовой системы, мировой сети коммуникации. В связи с этим иногда употребляется понятие «трансграничное взаимодействие», или «трансграничные процессы».

Если говорить о сферах развития трансграничных процессов, то сначала границы национальных государств оказались наиболее прозрачными в области экономики на Европейском континенте, когда восстановление экономик различных государств, разрушенных Второй мировой войной, потребовало тесного сотрудничества. Затем этот процесс перекинулся на социальные, политические, культурные, иные отношения, а также другие регионы.

Вопросы: насколько прозрачны границы; какие страны в первую очередь включены в этот процесс; какие последствия он имеет и пр. — остаются дискуссионными. Тем не менее ряд исследователей, в частности П. Катценштейн, Р. Кеохейн и С. Краснер, видят в процессе транспарентности границ суть самой глобализации. Эту точку зрения разделяют многие авторы.

Прозрачность межгосударственных границ сделала мир взаимозависимым. Именно по этой причине некоторые ученые, особенно работающие в рамках неоллиберализма, связывают глобализацию с взаимозависимостью, когда, по определению Дж. Ная, участники или события в различных частях системы воздействуют друг на друга. Близкое понимание содержится в работах Э. Гидденса, который говорит об интенсификации социальных отношений, связывающих удаленные друг от друга точки так, что происходящее в одном месте обуславливается событиями совсем в другой части, и наоборот. Сходной точки зрения придерживается Г.Г. Дилигенский, отмечая, что «именно взаимозависимость различных обществ, ее возрастание, а вовсе не нивелировка мира на всех „этажах“ общественной действительности образуют суть глобализации».

Прозрачность, или транспарентность, межгосударственных границ, вызванная глобализацией, перевернула прежние представления о безопасности, конфликтах, их урегулировании, дипломатии и других базовых проблемах классических исследований по международным отношениям. Но главное, везде она стерла существовавшие ранее жесткие барьеры между внешней и внутренней политикой.

Открыв межгосударственные границы, глобализация облегчила и деятельность новых, негосударственных акторов на мировой арене: ТНК, внутригосударственных регионов, НПО, тем самым стимулируя их активность и количественный рост. Но здесь есть обратное влияние: сами негосударственные акторы стимулируют развитие глобализации и прозрачность границ. Впрочем, сделав границы государств прозрачными, глобализация одновременно открыла двери для непрозрачной деятельности, так как глобализируется не только бизнес, в отношении которого не возникает вопросов, но наркоторговля, торговля оружием и т.п.

Глобализация затрагивает все сферы жизни. Американский журналист и социолог Т. Фридман отмечает, что глобальная международная система в целом формирует как внутреннюю политику, так и международные отношения, охватывая рынки, национальные государства, технологии в тех масштабах, которых не было никогда ранее.

5.2. ПРОЯВЛЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В общественных науках первыми о глобализации широко стали писать экономисты, которые обратили внимание на факт формирования фактически единого мирового рынка. Согласно МВФ, глобализация как раз и представляет собой возрастающую интеграцию рынка товаров и услуг, а также капитала. Глобальная экономика, по мнению

М. Кастельса, «это экономика, в которой национальные экономики зависят от деятельности глобализационного ядра. Последнее включает в себя финансовые рынки, международную торговлю, транснациональное производство, в определенной степени науку и технологию и соответствующие виды труда. В целом можно определить *глобальную экономику* как экономику, чьи основные компоненты обладают институциональной, организационной и технологической способностью действовать в качестве целостности в реальном времени или в избранном времени в планетарном масштабе».

Как отмечает Т. Маккьюэн, в первые 15–20 лет после Второй мировой войны основные показатели международной торговли были примерно на уровне 1930–1940-х гг., однако не достигали уровня 1914 г. Ситуация резко изменилась в начале 1970-х гг. Если импорт развитых капиталистических стран в период 1880–1972 гг. составлял от 10 до 16% валового национального продукта (далее – ВВП), то в течение 1973–1987 гг. этот показатель достиг 22%. По оценкам российских исследователей Института мировой экономики и международных отношений РАН, в период до 2015 г. среднегодовые темпы мирового экспорта увеличатся до 7%. Особенно велика при этом будет роль экспорта прямых инвестиций, который, по данным того же института, возрастет к этому времени приблизительно в 3 раза.

Транснациональные корпорации и банки во многом являются проводниками глобализации. Профессор В.М. Кулагин отмечает, что «еще в 1878 г. американская фирма по производству швейных машинок *Zinger* открыла завод-филиал в Шотландии. Сегодня корпорация *Coca-Cola* имеет производственные мощности в десятках стран всех регионов мира. Это, что называется, простая „интернационализация“ производства. Но все более широкий круг составляют корпорации глобального транснационального „гражданства“, капитал которых привлечен от вкладчиков из разных стран; заводы и фабрики разбросаны по многим государствам и нередко меняют свое местоположение в зависимости от мировой конъюнктуры; сбытовая сеть охватывает различные континенты, а менеджмент по существу космополитичен. „Глобальные фабрики“ производят все большее число „глобальных товаров“ — от компьютеров до зубной пасты, национальную принадлежность которых невозможно определить».

Глобализация финансовой сферы означает резкое возрастание роли и централизацию финансовых рынков путем интеграции денежных потоков. Они с легкостью перемещаются по миру с помощью компьютерных сетей. Ежедневный объем транзакций составляет около 1 трлн дол. В связи с этим, как образно заметил Р. О’Брайен, для фи-

нансизма глобализация означает «конец географии». Ключевую роль начинают играть такие финансовые центры, как Лондон, Нью-Йорк, Токио. Они способствуют усилению централизации в области финансов. При этом финансовые рынки навязывают свои правила поведения как государствам, так и отдельным политическим деятелям.

Чем объясняются все эти процессы в области финансов? Исследователи, согласно Ч. Кегли и Ю. Уитткопфу, выделяют три ключевых фактора, способствующих глобализации финансов. *Первый фактор* связан с нефтяным кризисом 1973–1974 гг., за которым последовало резкое увеличение финансовых потоков, что стимулировало значительное увеличение инвестиций и введение новых управленческих процедур в финансовый менеджмент. *Второй фактор* — внедрение в сознание и практику в 1970–1980-х гг. идеи так называемой «дерегуляции рынка», согласно которой его эффективность возрастает, если в него не вмешивается правительство. Наконец, *третий фактор*, повлиявший на глобализацию финансов, — повсеместное внедрение компьютерных технологий в эту область, что позволило резко увеличить финансовые транзакции (взаимодействие) и контакты за пределами национальных границ.

Одновременно с глобализацией торговли и финансов глобализируется рынок труда. Здесь вновь огромную роль играют ТНК. Так, в период 1985–1995 гг., по оценкам Всемирного банка, транснациональными корпорациями было создано более 8 млн рабочих мест, из них 5 млн — в развивающихся странах. При этом все более отчетливо начиная с 1970-х гг. прослеживается тенденция к разделению труда во всемирном масштабе. Известный американский экономист Л. Туроу на страницах журнала «Мировая экономика и международные отношения» приводит характерный пример существующих глобальных производственных связей. По его мнению, «товары могут создаваться в любом месте мира, в зависимости от того, где их производство обойдется дешевле, и сбываться там, где их удастся продать по наивысшей цене. Производственные цепочки могут приобретать глобальный масштаб. Например, акселерометр (миниатюрный полупроводниковый чип, используемый в качестве сенсора в автомобильных подушках безопасности) может быть разработан в Бостоне, собран и испытан на Филиппинах, упакован на Тайване и вмонтирован в автомобиль фирмы BMW в Германии для того, чтобы эта машина была успешно продана в Бразилии».

Разделение труда сопровождается жесткой конкуренцией, что заставляет производителей постоянно искать новые резервы для того, чтобы их продукция оставалась на рынке. Значительно возросла миг-

рация рабочей силы. Например, число иммигрантов в Европе в начале 1990-х гг. было около 5%, в Германии — около 7%. Правда, к середине 1990-х гг. в странах «Севера» потребность в неквалифицированных рабочих упала на 20%. Этому способствовала и политика ряда европейских стран, которые были обеспокоены порождаемыми приезжими проблемами, в том числе криминализацией ситуации в районах, где компактно проживают неквалифицированные иностранные рабочие, и ростом националистических настроений в европейских странах.

Глобальное развитие экономики не могло не сказаться на других — социальной и даже психологической — сферах. В связи с этим интересны данные, приводимые Дж. Роурке и М. Бойером. Например, Япония в 1997 г. 84% своего экспорта направляла в западные страны и получала от них 71% импорта. В то же время проведенный в Японии социологический опрос, в процессе которого респондентов просили ответить на вопрос, считают ли они свою страну частью «западного мира» или «группы азиатских государств», показал следующее. Частью «западного мира» считают свою страну 40,1% опрошенных, а частью «группы азиатских государств» — 33,7%. Не дали четкого ответа 26,2% опрошенных. Иными словами, экономические связи влекут за собой и соответствующую идентификацию.

Глобализация способствует развитию в мире демократических процессов. Открывая границы, она предоставляет людям широкие возможности для выражения своего мнения и общения друг с другом, тем самым прямо или косвенно влияя на политику. Так, информационный обмен в глобальной сети Интернет в целом ряде случаев оказывается сам по себе ценным. В результате, например, начали формироваться своеобразные «глобальные клубы по интересам», нередко весьма влиятельные, в том числе и в политической сфере. Одновременно бурное развитие рынка в эпоху глобализации способствует распространению демократических ценностей и институтов.

Развитие СМИ — также факт проявления глобализации. События, на которых делают акцент, формируют общественное мнение фактически по всему миру. Это в свою очередь ведет к тому, что национальные правительства и международные организации оказываются вынужденными реагировать на освещаемые в СМИ события. Данный феномен получил название эффекта *CNN*, по имени телекомпании, которая осуществляет передачу новостей 24 ч в сутки во многих странах мира. На эти новости нередко ссылаются национальные телевизионные компании. Так, бомбардировки Ирака в 1991 г. мир наблюдал «с картинки» *CNN*.

Все большее распространение имеет *MTV* — канал, ориентированный на молодежь. В целом же несомненно, что обладающая почти 800 млрд дол. всемирная телекоммуникационная индустрия является проводником идей, информации и воздействует на сознание в планетарном масштабе.

Глобализация проявляется и в других сферах. В качестве примера можно привести эпизоотию ящура в начале 2001 г. Вспыхнув в Великобритании, она перекинулась на другие страны. Только Аргентина, где были зарегистрированы лишь отдельные случаи ящура, потеряла, по сообщениям средств массовой информации, около $\frac{2}{3}$ своего импорта мяса.

Глобальные проблемы (борьба с терроризмом и голодом, с болезнями, экологические, разоруженческие и многие другие) приводят к необходимости совместных усилий по их решению. В координации деятельности, поиске решений возникающих перед человечеством новых проблем и вызовов, их реализации также проявляется глобализация современного мира. Все это дало основание Генеральному секретарю ООН Кофи Аннанду в выступлении на саммите в апреле 2000 г. в Нью-Йорке заявить, что в 1945 г. основатели ООН создали открытую и базирующуюся на сотрудничестве систему международного мира. «Она работала и сделала возможным появление глобализации. В результате этого человечество сейчас живет в глобальном мире. Реагирование на этот сдвиг — вот центральная задача, стоящая сегодня перед мировыми лидерами».

5.3. РАЗВИТИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ — ВЕДУЩИЙ ФАКТОР ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Политическое развитие мира так или иначе всегда было связано с научно-техническим прогрессом, который на протяжении истории не только обеспечивал экономический и социальный рост, но и фактически формировал политическую систему мира. В статье «Повторные размышления лоббиста», опубликованной в 1999 г., Ф. Фукуяма писал, что индустриальная эпоха — эпоха паровоза, железных дорог, заводов — сделала возможным веберовское централизованное государство.

Научно-техническое развитие конца XX столетия резко изменило облик привычной государственно-центристской модели мира. На смену индустриальной эре, с ее заводами, паровозами и ориентацией на естественные ресурсы (газ, нефть, зерно, лес и т.п.), пришла другая эпоха, в которой доминирующими становятся, с одной стороны, высокие технологии и связанные с ними информационные, ком-

муникационные отрасли; с другой — биотехнологии; центральным же ресурсом — знания. Все это в целом Л. Туроу назвал «искусственными интеллектуальными отраслями», а Дж. Розенау не без пафоса заметил, что именно высокие технологии «спустили с поводка» процессы глобализации.

Как следствие таких изменений, в странах ОСЭР более 50% ВВП создается именно в наукоемких областях. В связи с этим в США появился даже термин «новая экономика», обозначающий отрасли, ориентированные на наукоемкие, высокотехнологичные отрасли производства.

Информационно-коммуникационные технологии открывают широкие возможности для взаимодействия между отдельными людьми, профессиональными группами, союзами, объединениями путем интенсификации общения. По данным журнала *Economist*, 100 млн новых абонентов ежегодно подключаются к сети мобильных телефонов. Профессор В.Г. Хорос приводит цифры, относящиеся к развитию обычной телефонной сети: если «четверть века назад система спутниковой связи принимала 240 одновременных разговоров через Атлантику, то сегодня — 120 тыс., причем стоимость разговора уменьшилась в 10 раз». Резко увеличилась и скорость передачи сообщения. В ежегодном докладе Программы развития ООН в 1999 г. приводятся такие данные: документ доходит из Мадагаскара до Кот-д'Ивуар почтой за пять дней (стоимость 75 дол.), по факсу — за 30 мин (стоимость 45 дол.), по электронной почте — за 2 мин (стоимость 0,2 дол.).

Интенсификация общения при все большей прозрачности межгосударственных границ ведет к ограничению возможностей создания и функционирования авторитарных режимов, что способствует в целом демократизации, а также децентрализации мира, так как сеть не предполагает некоего единого управляющего центра. Но одновременно усиливается и взаимозависимость мира. В результате утрачивают прежний смысл такие ключевые понятия государственно-центристской модели мира, как территория и расстояние. С одной стороны, территория расширяется за пределы национальных границ, открывая возможности быстрой связи и взаимодействия для людей из разных стран, с другой — сужается, охватывая через Интернет отдельные корпоративные или иные группы. Возникают новые общности и формы идентичности, которые далеко не всегда совпадают с национальными или иными географическими границами. Эти группы все активнее становятся участниками международных отношений.

В современном мире возникают даже виртуальные государства. Исследователи Й. Фергюсон и Р. Мэнсбах приводят пример «Свобод-

ной бирманской коалиции», которая находится лишь в киберпространстве и предлагает свою поддержку, трудно достижимую географически.

Высокие технологии воздвигают преграды на пути изоляционизма. Все труднее становится изолировать государство от информации «извне», хотя некоторые страны это и пытаются делать, ограничивая доступ в Интернет за счет контроля над провайдерами. Такая политика становится все дороже и в прямом и переносном смысле.

Информационные и коммуникационные технологии с огромной скоростью завоевывают мир. Так, по оценкам официальных источников США, в 1998 г. число пользователей Интернета удваивалось каждые 100 дней, в результате 100 млн человек были подключены к сети, в то время как в 1994 г. — только 3 млн. Для сравнения: радио потребовалось 38 лет, чтобы охватить 50 млн человек, а телевидению — 13. Как следствие, новые технологии открывают возможности для достижения богатства в масштабах, которых не было ранее. Например, США, по оценкам Л. Туроу, даже с учетом инфляции, никогда ранее не создавали такого количества миллиардеров за такой короткий срок, как в последние десять лет.

Благодаря информационным и коммуникационным технологиям перестраиваются различные сферы человеческой деятельности, которые все в большей степени оказываются «завязанными» на компьютеры, Интернет, телекоммуникацию: торговля, финансовая деятельность, образование, медицина и даже быт. Информационные и коммуникационные технологии внесли решающий вклад в становление современной глобальной хозяйственной системы, сделав возможным разделение труда действительно в планетарном масштабе. Посредством этих технологий координируется деятельность по производству, комплектации и реализации различных товаров и услуг в буквальном смысле по всему земному шару. За последние годы эти технологии стали интенсивно внедряться в повседневную жизнь фактически каждого человека. Более того, телекоммуникационные и информационные технологии интегрируются, образуя так называемые *информационные супермагистралы*.

Быстрыми темпами развивается электронная торговля. Так, фирма *Ernst & Young* в 1999 г. оценивала покупателей по Интернету в Европе цифрой около 9 млн человек. Наибольшее число покупателей по электронной сети в США на начало XXI в. — до 10%. По мнению Л.А. Зубченко, «развитие электронной торговли с помощью сети Интернет вносит существенные изменения в организацию торговли фирм, производящих товары и услуги. Традиционное управление издержками, основывающееся на анализе используемых средств, все чаще усту-

пает место управлению отношениями с клиентами. В этих условиях предприниматели — поставщики товаров и услуг концентрируют свои усилия на сохранении доверия клиентов, предлагая им дополнительные услуги, и в то же время стремятся лучше приспособиться к исчезновению границ».

Становясь обыденным явлением, высокие технологии начинают приобретать и правовое оформление. Например, в ряде штатов США вводится признание юридической силы электронной подписи. Аналогичные вопросы, а также в целом проблемы, связанные с регламентирующими электронную торговлю правовыми аспектами, обсуждаются в таких международных организациях, как ВТО, ОЭСР, Конференции ООН по торговле и развитию, Международная торговая палата и др.

Влияние биотехнологий на политические процессы в настоящее время, пожалуй, менее заметно. То, что делается в этой области, пока воспринимается скорее как любопытные опыты ученых, типа овечки Долли или борьбы против производства генетически измененных продуктов. Тем не менее биотехнологии обещают решить многие проблемы здравоохранения, открывают принципиально иные возможности борьбы с голодом, создания новых видов продукции, увеличения продолжительности жизни и т.п. Но одновременно они провоцируют и новые вызовы, в частности связанные с тем, насколько безопасными для здоровья являются продукты, полученные в результате применения биотехнологий; не столкнется ли человечество с отдаленными последствиями их использования; каковы моральные и этические пределы вмешательства в биологическое развитие; как скажется экономически производство генетически измененных продуктов на тех, кто ориентирован на выпуск и потребление естественных продуктов; не будут ли открытия в области биотехнологий использоваться для контроля за поведением людей тоталитарными государствами, а также преступными группами? Последняя проблема с политической точки зрения особенно остра. Последствия развития биотехнологий, их влияние на политические структуры мира могут оказаться более значимыми, чем последствия высоких технологий. Об этом, в частности, пишет Ф. Фукуяма в статье «Повторные размышления лоббиста».

Проблема новых технологий, в силу ее крайней важности для политического развития мира, все чаще привлекает внимание ведущих политических деятелей. Она была в центре внимания на саммите «Большой восьмерки» на Окинаве в 2000 г., на юбилейном праздновании 55-летней годовщины образования ООН («Ассамблеи тысячелетия») также в 2000 г., где Генеральной секретарь ООН Кофи Ан-

нан заметил, что последствия взаимного развития информационных технологий, Интернета, электронной торговли могут быть столь же значимыми, как результаты индустриальной революции.

5.4. НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ И НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация — довольно противоречивый процесс, имеющий множество различных последствий. В феномене современной глобализации наряду с позитивными моментами обнаруживается целый ряд отрицательных. Бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан обращает внимание на то, что «выгоды глобализации очевидны: более быстрый экономический рост, более высокий уровень жизни, новые возможности. Однако уже сейчас началась отрицательная реакция, поскольку эти выгоды распределяются крайне неравномерно».

Два параметра — неравномерность глобализации и ее плохая управляемость — вызывают наибольшее беспокойство. *Первый* в значительной степени связан с происходящими в мире объективными процессами и определенным этапом мирового социально-экономического развития. *Второй параметр* определяется во многом субъективными факторами. От того, насколько человечество сможет взять под свой контроль глобализационные процессы, зависит будущее его развитие.

Глобализация проявляет себя далеко не во всех странах и регионах одинаково и не по всем аспектам сразу. В одних странах и на одних территориях глобализация в большей мере охватывает, скажем, экономическую сферу, в других более быстрыми темпами идет внедрение новых технологий. Так, в Южной Африке изначально широкое распространение получили система банкоматов, а также сотовые телефонные сети. При этом уровень жизни африканского населения оставался крайне низким. Большинство коренных жителей не пользовались не только современными средствами связи, но и обычным телефоном.

В связи с географической неравномерностью процессов глобализации О.Е. Андерссон предложил идею «ворот глобализации». Суть ее заключается в том, что различные регионы и города в разной степени готовы и стремятся войти в процесс глобализации. Так, канадский Ванкувер является многофункциональным центром Североамериканского региона, соединяющим три континента, а Гонконг — региональным стратегическим узлом транснациональных промышленных компаний.

Многие страны вообще в силу тех или иных причин (например, политической изоляции или самоизоляции, технологических и экономических возможностей и т.п.) оказываются на периферии глобальных процессов. Более того, в результате крайне высоких темпов совре-

менной глобализации, обусловленных прежде всего технологическими возможностями, разрыв между странами и отдельными регионами, оказавшимися в авангарде современной глобализации, и остальными с каждым годом становится все ощутимее. Происходит расслоение населения земного шара на тех, кто пользуется плодами глобализации, и тех, кому они недоступны. Как следствие, наблюдается формирование нового типа поляризации в современном мире. С одной стороны, образуются новые центры, где сосредоточиваются интеллектуальные силы, развиваются новые «интеллектуальные отрасли», к которым «притягивается» и финансовый капитал. С другой — складываются криминализованные области с низкими уровнями образования и жизни, которые оказываются вне процессов современной коммуникации и глобализации в целом.

С территориальной точки зрения эти разные «миры» имеют довольно причудливые переплетения. В общемировом масштабе формируется развитый «Север» и развивающийся «Юг» (на этот раскол мирового сообщества особенно активно указывают исследователи, работающие в мир-системной парадигме). Однако внутри относительно развитого «Севера» образуются свои «элитные пятна» в виде отдельных мегаполисов (например, Силиконовая долина), полисов и даже городских кварталов. Но одновременно возникают и «островки» изгоев, формируемые в основном из иммигрантов, которые приезжают сюда в поисках работы. В свою очередь развитые страны пытаются как-то обезопасить себя, ставя барьеры на пути притока населения из стран «третьего мира». В связи с этим О. Дольфюс пишет, что глобализация — это не только открытие границ, но и закрытие их ради того, чтобы «вся нищета мира» не перелилась в страны, которые считают себя более богатыми или привилегированными.

Поляризация как внутри отдельных стран, так и по линии «Север—Юг» постоянно усиливается. В США, по данным В.Г. Хороса, пятая часть семей концентрирует 80% национального богатства. Но особенно отчетливо поляризация видна в развивающихся государствах. Например, доходы 10% наиболее богатых семей в Нигерии в 80 раз превышают доходы 10% наиболее бедных. В результате такие страны сталкиваются с нестабильностью, развитием внутренних конфликтов, плохой управляемостью и дальнейшим отставанием от стран развитого «Севера».

Не менее удручающей выглядит картина разрыва в уровне жизни между развитыми странами «Севера» и бедными государствами «Юга». Причем он постоянно растет, особенно за последние годы, в связи с развитием и внедрением новых технологий, что привело к так на-

зываемому *технологическому разрыву*. В последние годы проблема технологического разрыва привлекает большое внимание как отдельных стран, так и организаций. На глобальном уровне ею интенсивно занимается ООН.

Свои трудности возникают и у тех, кто включен в процесс глобализации. Высокие темпы деятельности, огромные объемы информации, повышение «цены ошибки» (ошибка, например, оператора, авиадиспетчера может стоить сотен и более человеческих жизней) ведут к психологическим перегрузкам, депрессиям, увеличению психических заболеваний. Особенно остро это чувствуют промышленно развитые страны «Севера».

Неравномерность глобализации по различным параметрам дала основание М. Кастельсу говорить о «глобальной асимметрии» современного мира. Она приводит к усилению позиций ее противников (антиглобалистов). Наблюдаются попытки оградить себя от издержек глобализационных процессов путем поиска специфики своего региона, своей идентичности.

В результате наряду с глобализацией отмечаются еще две тенденции, сопутствующие ей, — локализация и изоляционизм. Если *изоляция* предусматривает стратегию на ограждение от глобализационного воздействия, то *локализация* предполагает адаптацию к местным условиям, к специфике своего региона.

Феномен одновременного действия глобализации и локализации получил название *глокализации* (*glocalization*) от слияния и сокращения двух английских слов *globalization* и *localization*.

Социолог П. Бергер и политолог С. Хантингтон организовали проведение исследования для ответа на вопрос, как конкретно идет процесс глобализации в различных регионах мира? Как глобальное взаимодействует с национальным? Оказалось, что глобализация имеет очень большую местную специфику. Так, символ *McDonald's* — гамбургер в Индии, где корова является священным животным, из говяжьей котлеты превращается в котлету с курятиной.

Изоляционизм — тенденция по своей сути противоположная глобализации. Часто под этим термином подразумевается внешняя политика государства. Однако сегодня — это более широкое понятие: изоляционизм как противоположность глобализации в современных условиях относится не только и даже не столько к политике государства, но к поведению отдельных акторов и даже людей или групп. Очевидно, что далеко не каждый захочет оказаться в «глобализационных воротах», используя метафору О.Е. Андерссона и его коллег. Глобализация требует от человека крайнего напряжения со всеми вытекаю-

щими последствиями, поэтому все чаще можно наблюдать своеобразное «бегство от глобализации».

Другая группа проблем связана с управляемостью процессами глобализации. Вследствие прозрачности границ в условиях глобализации государственным структурам все сложнее контролировать политические, экономические, социальные и другие процессы. В целом же проблема управления процессами глобализации в более широком плане формулируется как регулирование современных международных отношений и мировых политических процессов. Здесь возникает, с одной стороны, вопрос о координации деятельности различных акторов, с другой — о создании действенных наднациональных институтов и механизмов управления.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие существуют подходы к пониманию процессов глобализации?
2. В чем проявляется глобализация и какие сферы охватывает?
3. Какова роль новых технологий в процессах глобализации мира?
4. Какие последствия имеют и могут иметь новые технологии для политического развития мира?
5. В чем и по каким параметрам проявляется неравномерность глобализации?
6. С чем связана проблема управляемости в условиях глобализации?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бергер П., Хантингтон С.* Многоликая глобализация // пер. с англ. ; под ред. М.М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2004.
2. *Ворота в глобальную экономику* / под ред. О.Е. Андерссона, Д.Е. Андерссона ; пер. с англ. ; под. ред. В.М. Сергеева. М. : Фазис, 2001.
3. *Инновационные направления современных международных отношений* / под ред. А.В. Крутских, А.В. Бирюкова. М. : Аспект Пресс, 2010.
4. *Кулагин В.М.* Лицо глобализации: впечатления и факты // Современные глобальные проблемы мировой политики / под ред. М.М. Лебедевой. М., 2009.
8. *Фридман Т.* Плоский мир. М. : АТС, 2006.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Глобализация, являясь центральной тенденцией современного этапа мирового развития, сопровождается интеграционными процессами, или *интеграцией*. Не случайно один из подходов к глобализации предполагает рассмотрение ее как непрерывно идущее в историческом плане расширение того пространства, на котором происходит интенсивное взаимодействие людей. Тем не менее интеграция является лишь частью процесса глобализации, пусть и одной из наиболее значительных. Прежде всего, говоря об интеграции, необходимо иметь в виду, что она подразумевает сближение государственных участников. Негосударственные акторы обычно не рассматриваются при изучении интеграционных процессов или по крайней мере оказываются на периферии исследовательского внимания. В этом плане более точными будут рассуждения о вхождении той или иной страны в интеграционные, а не глобализационные процессы, так как государство интегрируется, условно говоря, целиком на основе подписания межгосударственных соглашений. Глобализация же, во-первых, не подразумевает таких соглашений, во-вторых, может протекать по-разному для различных регионов одного государства. Одни внутренние регионы страны успешно включаются в глобализационные процессы, другие оказываются аутсайдерами. При крайнем различии темпов включения разных внутренних регионов в глобализацию возникает угроза распада государства.

В-третьих, тенденция мирового развития — демократизация представляет собой развитие демократических принципов взаимодействия, в первую очередь за счет увеличения демократических государств. Как и предыдущие тенденции, демократизация имеет свою противоположность — усиление на определенных этапах авторитарных начал.

6.1. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Практика межгосударственного сотрудничества существует давно. Однако лишь во второй половине XX столетия межгосудар-

ственное сотрудничество в широком масштабе стало приобретать постоянные формы. Это связано прежде всего с интенсификацией сотрудничества, расширением его сфер и развитием действительно интеграционных процессов, которые потребовали создания межгосударственных образований и институтов. Поэтому еще одним важным моментом, характеризующим интеграцию, является не просто сотрудничество, а создание механизмов межгосударственного взаимодействия, иными словами — институционализация сотрудничества. В этом плане интеграция, во-первых, самым тесным образом связана с развитием МПО, которые предполагают формирование межгосударственных механизмов принятия решений. Через совместные институты осуществляются интеграционные процессы. Во-вторых, интеграция рассматривается с двух точек зрения: как процесс и как результат взаимодействия государств.

Другим важным моментом при анализе интеграции является то, что этот процесс подразумевает сотрудничество между государствами в различных сферах, областях и формах. При этом, как отмечает К. Воронов, сотрудничество и интеграция могут идти «вширь», в результате увеличения числа участников процесса, а также «вглубь», путем интенсификации взаимодействия в различных сферах среди тех же участников.

Что побуждает государства к интеграции? Прежде всего — наличие общих проблем, решить которые легче, а в ряде случаев только и возможно совместными усилиями. Развитие мира конца XX — начала XXI в. привело к усилению международных контактов, взаимозависимости мира, особенно в экономической области, что способствует интеграционным процессам и созданию различного рода МПО. С этой взаимозависимостью тесно связан рост глобальных проблем, для решения которых также нужны согласованные действия различных государств.

Еще одной причиной, побуждающей к интеграционным процессам, является заинтересованность «средних» и «малых» государств в увеличении своего международного влияния. Для этих стран объединенными усилиями воздействовать на международные процессы значительно легче, чем в одиночку.

Что же представляет собой интеграция? Реалистская школа склонна рассматривать интеграционные процессы и деятельность международных организаций как некий суммарный продукт взаимодействия государств, который принципиально не выходит за рамки их внешней политики. Иными словами, появление и развитие МПО, со-

гласно этой точке зрения, принципиально не изменили характер международных отношений.

Иной, отличный от реализма, подход к интеграции и международным организациям сформировался в рамках либеральной традиции, где эти вопросы получили наибольшее развитие. В них МПО выступают качественно новыми образованиями. Теоретическое осмысление интеграционных процессов начинается с середины XX столетия и связано главным образом с либеральной традицией, в рамках которой сложились две теоретические школы (два подхода): функционализм (неофункционализм) и федерализм.

Отцом **функционализма** считается британский социолог Д. Митрани, который в 1943 г. опубликовал работу, получившую в русском варианте название «Мир и функциональное развитие международной организации». В ней проанализированы причины, по которым Лига Наций оказалась несостоятельной, и сделан вывод, что интеграционные процессы нельзя начинать с политических аспектов. В этом случае государства начинают опасаться за свой суверенитет. Митрани делает акцент на развитии экономической, социальной, научно-технической интеграции, которая должна быть изначально. Он сам, а за ним и его последователи настаивали на том, что важно выработать у людей привычку к сотрудничеству и показать получаемые от совместной деятельности преимущества.

Первоначально функционализм не был связан с анализом того, как развиваются ТНК, сосредоточив внимание на межгосударственном взаимодействии. Однако впоследствии ряд исследователей пришел к выводу, что деятельность ТНК, которая нередко ведет к экономической интеграции различных государств, развивалась фактически согласно логике функционализма. Представители ТНК часто воспринимают мир целостно и видят себя космополитами. Все это способствует, согласно точке зрения функционалистов, размыванию национальных границ и созданию единой экономической культуры, в результате чего политика государств все больше становится одновременно и внутренней и внешней.

До недавнего времени процесс интеграции рассматривался как прохождение строго по восходящей пяти ступеней:

- 1) создание зоны свободной торговли;
- 2) образование таможенного союза;
- 3) формирование общего (единого) рынка, который предусматривает ликвидацию барьеров между странами не только во взаимной торговле, но и в перемещении рабочей силы и капитала;

- 4) организация экономического и валютного союза;
- 5) переход к политической интеграции и созданию единых политических институтов.

В последнее время к данной схеме интеграции стали относиться более осторожно, имея в виду, что этот процесс, во-первых, далеко не обязательно идет в поступательном направлении — он может быть «заторможен» на том или ином этапе; во-вторых, экономическая интеграция не всегда приводит к политической, как многие полагали ранее, выделяя пятую ступень. В-третьих, вызывает сомнение, что европейский опыт, на основе которого выделялись эти стадии, является универсальным.

Все эти моменты отмечаются оппонентами функционализма. Подвергается критике и тезис функционалистов о том, что политические различия исчезнут по мере развития сотрудничества. На практике нередко оказывается наоборот — не техническое и экономическое сотрудничество влияет на политику, а политическое решение ведет к развитию или сворачиванию сотрудничества в той или иной области. Например, именно по политическим соображениям США в свое время покинули специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Представители **федерализма** — школы, противоположной предыдущей, — напротив, выдвинули на первый план политическую интеграцию, полагая, что межгосударственные отношения должны строиться на передаче части полномочий надгосударственным образованиям изначально. Для этого направления характерен особый акцент на создании политических институтов. Фактически если процесс интеграции у функционалистов идет по принципу «снизу вверх», то у федералистов наоборот — «сверху вниз».

Федерализм, представителями которого являются, в частности, такие исследователи, как А. Этциони, А. Спинелли, в целом получил меньшее распространение. Тем не менее, как пишет П.А. Цыганков, «идеи федерализма стали заметными с первых всеобщих выборов в Европарламент в 1979 г.».

В рамках федерализма активно развивались одно время идеи «мирового правительства», которое должно было бы объединить людей в общее государство. Представления о «мировом правительстве» встретили жесткое сопротивление со стороны различного рода исследователей и политиков, которые подчеркивали необходимость сохранения национальной и государственной принадлежности. В дальнейшем появилось множество работ, в которых показывалась несостоятельность, по крайней мере в ближайшем будущем, реализации этой идеи.

Под воздействием федерализма функционализм получил дальнейшее развитие и в современном мире существует в виде **неофункционализма**. Это направление, базируясь на основных посылах функционализма, включило в себя некоторые черты федерализма. В неофункционализме приоритет отдается практическим проблемам в области здравоохранения, технологическим изменениям, правовым и другим вопросам, которые имеют значение для всего человечества. При этом подчеркивается важность политических решений. Именно они — по вопросам, которые важны в общепланетарном масштабе, — способствуют, согласно данной точке зрения, интеграционным процессам и подталкивают участников к дальнейшему объединению в сфере экономики.

Интеграционные процессы проходят не просто. Несмотря на взаимную выгоду от интеграции, вклад одних в той или иной сфере оказывается большим, чем других. Имеет значение и неоднородность интересов различных групп внутри интегрирующихся стран. Кто-то выигрывает от интеграции в большей степени, поэтому заинтересован в ней, в то время как другие слои населения или группы оказываются в проигрыше. Последние выступают против интеграционных процессов и оказывают давление на правительственные структуры.

Существуют и другие издержки интеграции. Как и в ситуации с глобализацией, интегрируются не только положительные моменты, которыми обладают страны, но и отрицательные. Так, в начале 1990-х гг. Венесуэла обнаружила, что после открытия границы с Колумбией ее территория стала использоваться для провоза наркотиков.

Все это заставляет наряду с традиционными теориями интеграции — функционализмом, неофункционализмом, федерализмом — обсуждать вопросы и соответственно предлагать теоретические схемы, связанные с ограничением интеграционных процессов.

Одновременно существуют процессы, ведущие к противоположным по сравнению с интеграцией результатам — распаду государств или межгосударственных образований, которые описываются в литературе как *дезинтеграция*. Необходимо подчеркнуть, что оба понятия «интеграция» и «дезинтеграция», относятся прежде всего к межгосударственным отношениям. Так, когда произошел распад СССР, на месте которого в 1991 г. образовались 15 новых государств, распались и некоторые международные организации, где Советский Союз играл ключевую роль (в частности, Совет Экономической Взаимопомощи, Организация Варшавского договора). Произошел распад в 1990-е гг. и таких государств, как Югославия и Чехословакия. В первом случае дезинтеграция прошла болезненно, с целым рядом

вооруженных конфликтов; во втором — мягко, получив название *бархатного развода*.

Отношения между интеграционными и дезинтеграционными процессами следует, скорее, рассматривать аналогично существующим между глобализацией и регионализацией. Однако в целом вопросы дезинтеграции по сравнению с интеграционными процессами остаются практически не разработанными. Ими занимаются в основном специалисты в области конфликтов. В результате сами тренды развития оказываются плохо сравнимыми.

В последние годы процессы интеграции интенсивно шли в различных регионах мира — в Северной Америке, в частности в рамках Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), в Азии — в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Однако наибольшей степени развития они достигли на Европейском континенте в рамках ЕС. Правда, основные дискуссии в странах ЕС идут как раз по поводу того, как далеко может и должна «зайти» интеграция: что должно оставаться в ведении национального государства, а что — входить в компетенцию наднациональных образований.

Процесс европейской интеграции выстраивался постепенно. Идеи объединения Европы для предотвращения новых войн высказывались еще во время Второй мировой войны. После ее окончания одним из активных сторонников интеграционных процессов в Европе был министр иностранных дел Франции Р. Шуман, который совместно с другим французским автором, политологом Ж. Монне, во многом заложил концептуальные основы будущего развития Европы. Первым практическим шагом было создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), призванного координировать и стимулировать экономическое развитие шести европейских стран — Бельгии, Германии, Люксембурга, Нидерландов и Франции. Усилия этих стран были направлены на облегчение торговли углем и сталью внутри «шестерки».

Следующий этап в развитии европейской интеграции связан с Римским договором 1957 г., когда те же шесть государств решили перенести принципы сотрудничества, которые были заложены ранее, на иную сферу — атомную энергетику — и образовали Европейское сообщество по атомной энергии. Создано было также Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), получившее название «Общий рынок». Сформировалась зона свободной торговли, где были сняты тарифы и ограничения на передвижение товаров внутри границ ЕЭС. ЕОУС, Евратом и ЕЭС образовали Европейское сообщество.

Единый европейский акт, в котором ставилось целью к 1992 г. создать реальной общий рынок, со свободным движением товаров, капитала, людей и услуг, был принят в 1985 г.

Особенно интенсивно процессы интеграции пошли в Европе после окончания холодной войны. Знаменательным событием в этот период стало подписание Маастрихтского договора 1992 г., определившего фактически новый этап развития европейской интеграции. Большое значение имели такие события, как создание Шенгенской группы (зоны), облегчившей визовые и таможенные передвижения внутри Европы, а также преобразование ЕЭС в более интегрированную структуру — ЕС.

Европейский союз образован в 1993 г. на основании Маастрихтского договора, подписанного в 1992 г. 12 европейскими странами: Бельгией, Великобританией, Германией, Грецией, Данией, Ирландией, Испанией, Италией, Люксембургом, Нидерландами, Португалией, Францией. Соглашения о вступлении в ЕС Австрии, Норвегии, Финляндии и Швеции были подписаны в 1994 г. Европейский союз в 1998 г. предпринял новые планы по расширению, назвав еще 12 стран, которые должны войти в него в течение последующих десяти лет.

Маастрихтский договор, а затем и Амстердамский договор развивают идеи единой Европы и предусматривают создание единого политического, экономического и валютного союза («Европа без границ»), окончательное формирование единого внутреннего рынка, подразумевающего свободное передвижение товаров, капиталов, услуг, людей. Входящие в ЕС страны поставили перед собой ряд целей, в частности: создание экономического и валютного союза и замену национальной валюты единой валютой; ведение общей внешней политики и политики в области безопасности, а впоследствии и общей политики в области обороны; учреждение системы межгосударственного сотрудничества в области внутренних дел и юстиции; принятие общего свода прав и свобод личности на территории ЕС; реформу институтов ЕС и др.

Все процессы современной европейской интеграции характеризуются многоаспектностью. Они охватывают одновременно различные сферы — экономическую, политическую, гуманитарную и др. Кроме того, для них характерна и такая особенность, как тенденция к расширению участников интеграции.

Кризис в Косово дал толчок развитию ЕС в области общей внешней политики и политики безопасности. Принято было решение о создании экспедиционных войск численностью 60 тыс. человек. Дого-

вор в Ницце 2001 г. предусматривал формирование европейских сил быстрого реагирования к 2003 г.

Европейский союз значительно расширился в 2004 г.: к нему сразу присоединились десять новых членов, в том числе и три государства, входившие ранее в состав СССР, — Латвия, Литва и Эстония, и ЕС стал объединять 25 государств.

Полувековая история развития европейской интеграции дает много материала для теоретического осмысления данного опыта. Российские ученые-политологи Ю.А. Борко и О.В. Буторина выделяют три основополагающих принципа концепции и практики интеграционного строительства ЕС:

- 1) интеграция является не целью, а средством;
- 2) интеграция требует постепенности;
- 3) интеграция нуждается в адекватных механизмах.

В рамках *первого принципа* выделяются два аспекта. Во-первых, интеграция подразумевает, что в выигрыше оказываются все участники, поскольку их интересы легче реализуются совместными усилиями. При этом они вносят также свой вклад в общее строительство, совместно пользуются полученными плодами, исключают методы принуждения в принятии решений. Во-вторых, интеграция не решает всех существующих проблем. Являясь средством, она может лишь помочь в их решении.

Второй принцип, т.е. принцип постепенности интеграции, предусматривает, что этот процесс длительный и состоит из ряда этапов. В экономической области они те же, что были перечислены ранее, но с учетом сделанных оговорок: создание зоны свободной торговли, таможенного союза; формирование общего рынка; образование экономического и валютного союза. Поспешность в переходе к следующей фазе оборачивается неудачами, о чем также свидетельствует опыт ЕС. Например, в 1970 г. был предложен план образования валютного союза, предусматривающий введение единой валюты еще в 1980 г. Но ему так и не суждено было сбыться именно в силу неготовности ЕС к таким шагам.

Наконец, под *третьим принципом*, подразумевающим адекватные механизмы интеграции, понимается процесс длительного и сложного согласования интересов и позиций стран-участниц. Именно по этой причине ЕС столь пристальное внимание уделяет проблеме совершенствования процесса принятия решений.

6.2. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И АВТОРИТАРИЗМ

Понятие демократизации и демократические волны. На демократизацию как тенденцию развития современного мира указывают

многие авторы. При этом само понятие в политической науке используется в двух значениях. Под демократизацией мира, во-первых, понимается рост количества демократических государств; во-вторых, усиление и развитие демократических институтов и процедур в различных странах. Последнее имеет особое значение для государств, находящихся в процессе перехода к построению демократического государства, т.е. демократическом транзите. В самом демократическом транзите Г. О’Доннел и Ф. Шмиттер выделяют следующие ступени: либерализацию, демократизацию и консолидацию.

И все же в мировой политике в отличие от политологии понятие «демократизация» чаще употребляется в первом значении, т.е. как увеличение числа демократических государств. Правда, возможно и еще одно понимание демократизации современного мира — как расширение круга участников международного взаимодействия. Однако такой подход не является пока устоявшимся в мировой политике.

Существуют различные представления, а также процедуры оценки того, какие страны можно считать демократическими. Споры часто вызывают государства, находящиеся «в пограничном состоянии», в которых ряд признаков демократического развития присутствует, в то время как отсутствуют другие. Тем не менее в самом общем виде, согласно данным Д. Колдуэлла, в 1941 г. можно было рассматривать как демократические примерно 25% государств, а в 1996 г. их число достигло уже 40%. Если же учитывать страны, которые находятся в процессе демократического транзита, то эта цифра, согласно американскому институту *Freedom House*, занимающемуся анализом развития демократий в мире, может достигнуть сегодня порядка 75%. В любом случае, независимо от того, какие конкретные цифры будут взяты за основу, практически все авторы соглашаются с тем фактом, что число демократических стран в мире увеличивается. При этом, правда, многие исследователи делают ряд оговорок, о которых пойдет речь далее.

Появление демократических государств в мире шло нелинейно. Известный ученый и политолог С. Хантингтон в 1991 г. опубликовал статью «Третья волна демократизации», а также книгу с близким заголовком «Третья волна демократизации в конце XX столетия», выделив периоды в мировой истории, связанные с развитием демократических процессов (волны демократизации), и своеобразные демократические «откаты».

Первая волна демократизации — самая длительная. Она продолжается фактически столетие и датируется С. Хантингтоном 1820—1920 гг. Во время этой волны было образовано более 20 демократических государств (29 — по С. Хантингтону и 21 — по Р. Диксу). Для этих

стран была характерна парламентская и партийная системы, широкое избирательное право. За первой волной последовал «откат» от магистрального пути демократического развития, который продолжался со второй половины 1920-х по первую половину 1940-х гг. Он связан с приходом к власти фашизма в ряде стран мира.

Вторая волна демократизации (середина 1940-х — начало 1960-х гг.) обусловлена поражением фашизма во Второй мировой войне и крушением колониальной системы. После нее наступает, согласно С. Хантингтону, новая, регрессивная волна, во время которой формируется ряд военных и авторитарных режимов (в том числе в 1967 г. в Греции и в 1973 г. — в Чили). В целом второй «откат» длится с начала 1960-х по начало 1970-х гг.

Новая, **третья волна демократизации** начинается с первой половины 1970-х гг. Демократические процессы охватывают Западную Европу (Греция — 1974, Португалия — 1975, Испания — 1977); Латинскую Америку (Доминиканская Республика — 1975, Гондурас — 1982, Бразилия — 1985, Перу — 1988, Чили — 1990 и др.); Азию (Турция — 1988, Филиппины — 1986, Южная Корея — 1988); Восточную Европу (Венгрия — 1989, Чехословакия — 1989, Польша — 1989, Болгария — 1989, Россия — 1991 и др.); Африку (в ЮАР в 1994 г. прошли первые в стране всеобщие выборы).

Чем обусловлены процессы демократизации? Разные авторы дают различные ответы на вопрос относительно способствующих ей причин. При этом в политологии рассматриваются обычно две группы факторов, или переменных:

1) структурные (независимые переменные) — уровень экономического и социального развития, социально-классовые процессы, доминирующие в обществе ценности и т.п.;

2) процедурные (зависимые переменные) — принимаемые решения, личностные особенности политических деятелей и т.п.

Детальный анализ этих двух групп факторов проводит А.Ю. Мельвиль. Модифицировав модель «воронки причинности», которая была предложена Д. Кэмпбеллом и его коллегами для анализа поведения избирателя, он использовал ее для изучения проблем транзита. При этом в самом процессе демократического транзита А.Ю. Мельвиль выделяет две фазы — учреждения и консолидации демократии. Далее, при изучении факторов, влияющих на учреждение демократии, он предлагает постепенный переход от преимущественно структурного к преимущественно процедурному анализу, а при исследовании второй фазы — обратный путь в аналитике, т.е. от микро- к макро-факторам.

В политологии внешняя среда, т.е. тенденции мирового развития, обычно рассматривается как одна из структурных переменных процесса демократизации: насколько она способствует (или нет) этому процессу. Однако в современном мире при все более тесном переплетении внешней и внутренней политики международная среда может выступать в качестве и структурной, и процедурной переменной. Причем последнее, похоже, становится все более значимым. Принятие решений (а это процедурная переменная) мировым сообществом в отношении той или иной страны может вести к развитию в ней демократических процессов. Так, ООН неоднократно принимала резолюции в отношении режима апартеида в Южной Африке, а также решения о санкциях, что было фактором, воздействующим на отказ этой страны от политики апартеида и проведение демократических выборов в 1994 г.

Конец XX в., совпавший с третьей волной демократизации, которая и по количеству государств, и по степени их вовлеченности в демократические процессы является, пожалуй, особенно бурной, принес с собой и другие тенденции мирового развития — глобализацию и интеграцию мира. Все эти процессы усиливают друг друга. Следование демократическим принципам и традициям для все большего числа участников является неким позитивным примером. Оставаться вне всемирного «демократического клуба» в современном глобализирующемся мире означает быть неким «изгоем» — вне системы, вне «современности». Это побуждает все новые и новые государства ориентироваться на демократические ценности.

На отрицание демократического пути развития руководители государств идут сознательно, противопоставляя тем самым свою страну остальному миру. В этом контексте можно рассматривать процесс демократических преобразований в конце XX столетия именно как тенденцию политического развития мира, в реализации которой все более важными оказываются не эндогенные (внутренние) факторы (уровень социально-экономического развития, политические процессы в обществе и т.п.), а экзогенные по отношению к данному государству, т.е. международная среда. Именно она побуждает к демократическим преобразованиям.

Демократизация конца XX столетия дала основание Ф. Фукуяме говорить о конце истории. В том смысле, что в историческом развитии человечество сделало свой выбор в пользу демократического развития. Его позиция не раз подвергалась критике. Возражения вызвали такие положения, как прогноз об окончании конфликтов в мире в связи с окончанием идеологического противостояния Восток—Запад, ли-

нейность и одновекторность исторического развития и др. Однако тезис о процессе демократизации как общей тенденции оспаривался меньше. Действительно, если в начале XX в. относительно небольшое число государств можно было рассматривать как демократические, да и сами они далеко не всегда предполагали всю полноту избирательных и иных прав (в ряде государств были ограничены права женщины, национальных меньшинств, введен довольно высокий имущественный ценз и т.п.), то к началу XXI столетия эти проблемы оказались если и не решенными, то решаемыми.

Однако демократизация не является неким однозначным и поступательным процессом. С особой отчетливостью это предстало в результате последней волны демократизации, когда стали образовываться нелиберальные демократии, гибридные режимы, имитационные демократии. Их суть заключается в том, что демократические институты и процедуры в ряде государств используются лишь как внешняя форма, служащая порой для прикрытия недемократических по своей сути механизмов реализации власти. Пожалуй, наибольшее распространение получил термин «нелиберальные демократии» благодаря работе Ф. Закарии, опубликованной в 1997 г. в журнале *Foreign Affairs*. Постоянный комментатор по экономическим вопросам Ф. Закария отталкивается от высказывания американского дипломата Р. Холбрука, который в сентябре 1996 г. предложил представить, что во время свободных демократических выборов в стране побеждает кандидат, который открыто исповедует расистские, фашистские или сепаратистские взгляды и выступает против мирного решения вопроса, в частности, по Югославии. По сути этот лидер приходит к власти демократическим путем, однако исповедует явно недемократические взгляды и проводит соответствующую политику. Эту логику рассуждения Ф. Закария продолжает и обращает внимание на то, что возможно возникновение так называемых *нелиберальных демократий*, т.е. тех, которые взяли только внешние атрибуты демократических преобразований. Более того, число таких стран, как он пишет, увеличивается.

В то же время следует иметь в виду, что формальных оснований для вывода о нарастании процессов авторитаризма по крайней мере два: во-первых, откат последней волны демократизации (и здесь действительно можно говорить о ее завершении), во-вторых, усиление антидемократических процессов, в частности, в США в связи с борьбой против терроризма при администрации Дж. Буша-младшего был принят *USA Patriot Act*, который дает значительные права спецслужбам США и в определенной степени ограничивает права граждан.

Теория демократического мира. Особый интерес в мировой политике как научной дисциплине вызывает анализ взаимодействия демократических государств, что находит отражение в теории демократического мира, которая упоминалась при рассмотрении теорий международных отношений. Истоки данной теории восходят к тезису И. Канта о «вечном мире». Философ выдвинул гипотезу, согласно которой демократические государства будут вести себя на международной арене по-иному, чем недемократические. Ориентируясь на более совершенные моральные принципы, эти страны будут заключать друг с другом мир. Идея И. Канта получила развитие в XX столетии, оформившись в виде теории демократического мира.

Сначала ряд авторов, занятых изучением проблем мира, обратил внимание на тот факт, что развитые демократические государства не воюют друг с другом, подтвердив это на основе статистического анализа. Но сразу же стали выдвигаться и возражения. В целом они сводились к двум положениям.

1. История взаимодействия демократий слишком мала, чтобы делать обобщающие выводы на основе статистических данных.

2. Отсутствует четкое определение того, какие именно государства можно называть развитыми демократическими, да и не всегда ясно, что значит «не воюют».

Рассуждая в рамках двух этих основных аргументов, противники теории демократического мира приводят исторические примеры, которые, по их мнению, противоречат тезису о том, что «демократии не воюют друг с другом». Например, во время Второй мировой войны Великобритания объявила войну Финляндии, хотя вооруженных действий не было. Можно ли рассматривать факт объявления войны как действительное ее ведение? Однозначного ответа на этот вопрос не существует.

В качестве еще одного исторического примера вооруженных действий между демократическими государствами часто называется Германия начала Первой мировой войны. Вопрос здесь в том, насколько Германию того периода можно рассматривать как демократическое государство, если принять во внимание такие особенности ее государственного устройства, как фактически самостоятельная роль кайзера в принятии внешнеполитических решений. Приводятся и другие примеры.

Во всех случаях сторонники и противники теории демократического мира выдвигают свои аргументы и контраргументы. В целом же, по крайней мере как общая закономерность с возможными исключе-

ниями (о которых говорят и спорят), теория демократического мира оправдывает себя. Поэтому больший интерес представляют дискуссии не относительно того, так ли это и какие могут быть исключения, а почему развитые демократии не вступают в войну друг с другом.

В российской науке анализом теории демократического мира довольно подробно занимался В.М. Кулагин. Он приводит сравнительный анализ двух основных концепций — М. Дойла и Б. Рассетта. Первый, основываясь на идеях И. Канта, рассуждает о том, что во внешней политике развитые демократии опираются на те же принципы, что и во внутренней. Правительства демократических стран, в том числе при вступлении в войну, должны оправдать себя перед своими гражданами. Наличие общих принципов и ценностей среди демократических стран формирует их «мирный союз» и одновременно агрессивное поведение к автократиям.

Иное объяснение феномена демократического мира предлагает Б. Рассетт. Во-первых, он исходит из культурных и структурных особенностей демократических государств и утверждает, что граждане в демократических странах воспринимают себя в качестве свободных людей, которые привыкли уважать права других. Открытость границ, свободный обмен информацией в демократических государствах усиливают подобное восприятие. Эти культурные характеристики, которые усваиваются человеком с детства, ограничивают проявление агрессии в отношении себе подобных. Кроме того, люди в демократических странах привыкли разрешать конфликты мирно — путем переговоров, согласований, судебных процедур.

Во-вторых, феномен демократического мира, по Б. Рассетту, обусловлен самим принципом принятия решений в демократических странах, в том числе и о начале войны. Лидеры, ориентированные на военные действия, должны провести эти решения через соответствующие легитимные процедуры. В случае возникновения конфликтной ситуации демократические страны вынуждены больше времени тратить на принятие решений о начале военных действий. В результате возникает «охладительный» период, позволяющий погасить первые эмоциональные реакции и искать рациональный выход из конфликта.

В принципе обе концепции (М. Дойла и Б. Рассетта) не противоречат друг другу. Скорее, последняя представляет собой лишь более разработанный подход. Тем не менее многие вопросы пока остаются. Например, почему все же возможна агрессия демократических стран в отношении недемократических государств? Всегда ли как ответная, или защитная, реакция? Если да, то что воспринимается в качестве

угрозы? Почему демократические страны вели империалистические войны? Если это были недостаточно зрелые демократии, то где критерий зрелости?

В связи с изменениями в политической структуре современного мира, развитием новых ТНА особый вопрос возникает относительно того, каковы принципы взаимодействия демократических государств с акторами, внутренняя организация которых не является демократической.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что понимается под интеграционными процессами?
2. Каковы основные положения функционализма и неофункционализма?
3. Каковы основные положения федерализма?
4. В чем состоят проблемы и издержки интеграции?
5. Каковы основные вехи европейской интеграции?
6. В чем заключаются принципы концепции и практики европейской интеграции?
7. Каковы принципы функционирования институтов Европейского союза?
8. Что понимается под демократизацией как тенденцией мирового развития?
9. В чем состоит суть теории демократического мира?
10. Какие существуют объяснения тезиса о том, что развитие демократии не воюют друг с другом?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Гат А.* Возвращение великих авторитарных держав // Россия в глобальной политике. 2007. № 4. Июль — август.
2. *Даль Р.* О демократии. М. : Аспект Пресс, 2000.
3. *Кулагин В.М.* Мир в XXI в.: многополюсный баланс сил или глобальный Pax Democratica (Гипотеза демократического мира в контексте альтернатив мирового развития) // Полис. 2000. № 1.
4. *Кулагин В.М.* Нетленность авторитаризма? // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 1 (16). Январь — апрель.
5. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.
6. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М. : Гардарики, 2002.

Раздел III

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И АСПЕКТЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Перестройка самих основ мировой политической системы, определявших социально-политическую и экономическую жизнь на протяжении более трех с половиной веков, повлекла за собой множество следствий. Появились новые проблемы и вызовы, которых не было ранее или они не стояли столь остро (например, вопросы экологии). По-новому и в ином контексте зазвучали старые проблемы (в частности, безопасности, бедности, конфликтов). Но при этом в политической повестке остались и прежние вопросы (прежде всего разоружения, контроля над вооружениями).

На смену уходящей индустриальной эпохе Вестфальского мира, далеко не без противоречий, приходит новая эра, контуры которой прочерчиваются пока только в самом общем виде. Все с большей отчетливостью проявляются новые аспекты и измерения международных отношений — экономические, правовые, экологические, а также направление, связанное с развитием человеческого ресурса. Наконец, возникает потребность управления сложным, вновь формирующимся миром. И необходимо находить пути, механизмы согласования интересов и устремлений. Эти три группы вопросов: вызовы современного мира, его новые измерения, регулирование отношений на мировой арене и проблема взаимодействия различных акторов — находятся в центре внимания мировой политики как науки и отражены в соответствующих разделах данного издания.

7.1. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблема безопасности — классическая в Вестфальской политической системе мира. Государство с момента своего возникновения заботилось о сохранении суверенитета, т.е. о своей национальной безопасности, понимаемой изначально прежде всего как недопущение внешней агрессии. В современных условиях это понятие включает

в себя и вопросы, связанные с опасностью внутренней дестабилизации. В связи с ростом взаимозависимости мира проблема получает дальнейшее развитие в рамках региональной безопасности и международной безопасности.

Все три термина характеризуют государственные и межгосударственные отношения. Они чаще используются в реалистской и неореалистской концепциях.

При этом исходной точкой служило положение, согласно которому необходимая для реализации национальных интересов и влияния на международную ситуацию мощь государства определялась прежде всего на основе его военной силы или на базе «основной мощи» или «жесткой силы» (*hard power*), а не на основе культуры, силе авторитета на мировой арене и другом, своего рода «программном обеспечении» — «мягкой силе» (*soft power*). В результате проблема военной силы была центральной в международных отношениях и в практическом, и в исследовательском плане.

Ситуация изменилась в конце XX столетия. Одними из первых, кто обратил внимание на невоенные угрозы безопасности, были специалисты в области экономики и финансов, а также окружающей среды. Одни заговорили об экономической составляющей безопасности, другие — о том, что нарушение экологического равновесия загрязнением представляет огромную угрозу человечеству как на национальном, так и глобальном уровнях. Правда, споры вызвало то, в какой мере экологические проблемы обусловлены деятельностью человека, а в какой — объективными причинами, а также то, как эта проблема может быть решена.

Еще одним фактором, повлиявшим на переосмысление проблем безопасности, стала революция в области новых технологий. В результате негосударственные акторы оказались способными играть большую роль в области безопасности, которой у них не было ранее. Это привело к пониманию, что недостаточно строить концепции безопасности, основываясь на том, что угроза может исходить только от другого государства или их группы. С особой очевидностью это показали события 11 сентября 2001 г., когда угнанные террористами самолеты врезались в здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и Пентагона в Вашингтоне, а также захват заложников в театральном центре Москвы 23–26 октября 2002 г. Несмотря на то что цели поражения остались такими же, как и предполагались стратегическими доктринами ведущих государств: крупные города, центральные министерства, ведомства, — источник угроз оказался крайне аморфным и неопределенным.

Многие исследователи, в том числе придерживающиеся реалистских взглядов, для которых характерен акцент на военных аспектах и межгосударственном взаимодействии, в конце XX столетия стали говорить о возрастании таких факторов в обеспечении национальной безопасности, как образование, развитие новейших технологий, рост экономической мощи, распространение наркотиков, СПИДа и т.п. В рамках неореализма одной из важнейших работ такого направления стало появившееся в 1983 г. исследование Б. Бузана «Народы, государства и страх», в котором показаны ограничения традиционного понимания безопасности. Кроме этого автора, так называемое «широкое» определение проблем безопасности, включающее в себя не только военные аспекты, связано с именами ряда европейских исследователей, в частности У. Бека. Одновременно с работой Б. Бузана в том же году опубликована в журнале *International Security* статья Р. Ульмана. Он писал, что акцент на военных проблемах безопасности приводит к тому, что из виду упускаются иные угрозы, включая идущие изнутри самого государства.

В настоящее время продолжаются дискуссии относительно соотношения военно-политических факторов, с одной стороны, и социально-экономических, экологических, информационно-технологических — с другой. Сторонники «широкого» подхода к проблемам безопасности указывают на усиливающуюся роль экономических и других факторов. Их противники возражают: в этом случае проблема безопасности размывается множеством существующих в международных отношениях и мировой политике других аспектов.

Еще один важный в теоретическом плане вопрос — соотношение проблем региональной, международной и глобальной безопасности. Последний термин порой используется для того, чтобы подчеркнуть, что проблема безопасности имеет не только внутри- и межгосударственное измерение. Здесь тоже нет однозначного решения. Как отмечает Т.В. Юрева, «представления о путях согласования национальных интересов государств — суть концепций региональной, международной, глобальной безопасности, хотя только согласованием национальных интересов государств эти проблемы не исчерпываются. Совпадение национальных интересов группы государств порождает разного рода региональные и международные союзы, руководствующиеся опять-таки определенными представлениями (концепциями) о путях согласования и отстаивания своих групповых интересов как в отношениях между собой, так и в отношениях с третьими странами».

В связи с этим вопросы международной и региональной безопасности, очевидно, тесно связаны с проблемами международных орга-

низаций. В современных условиях среди институтов, которые заняты обеспечением международной безопасности, следует прежде всего упомянуть ООН. Значительную роль в вопросах безопасности играют и региональные структуры, особенно в Европе, где они имеют достаточно четкое оформление. Это в первую очередь ОБСЕ, НАТО. Основные проблемы, которые в настоящее время интенсивно дискутируются, — реформирование ООН, с тем чтобы сделать ее деятельность в области сохранения и поддержания мира более эффективной, а также место и роль НАТО в европейских структурах обеспечения безопасности, с учетом того факта, что эта организация была образована в годы холодной войны с определенными целями и задачами.

Термин «глобальная безопасность» все чаще используется сегодня. Он звучит часто в разном контексте и пока вряд ли может быть строго определен. Обычно под *глобальной безопасностью* понимается противостояние угрозам, затрагивающим все человечество. В этом смысле данный термин близок к понятию «международная безопасность», но менее привязан к государственно-центристскому восприятию мира.

7.2. ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ И КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Проблема гонки вооружений и разоружения крайне остро стояла в годы холодной войны. В этот период расходы государств на вооружения достигли рекордной отметки (пиком считается 1985 г.). Они и сегодня продолжают сохраняться на довольно высоком уровне, хотя после окончания холодной войны относительная доля в ВВП ведущих государств, затрачиваемая на вооружения, снизилась.

Очевидно, что военная мощь государства определяется не только тем, сколько государство тратит на военные нужды, но и тем, какое именно оружие оно имеет. Характер и количество вооружений были определяющими факторами на мировой арене периода холодной войны. Стремление обезопасить себя за счет увеличения военной мощи приводило к тому, что другие государства воспринимали это как угрозу своей собственной безопасности и стремились также к увеличению собственной военной мощи. Данный феномен получил название *дилеммы безопасности*. В результате стороны постоянно наращивали военную мощь, что вело к гонке вооружений.

С появлением ядерного оружия и применением его Соединенными Штатами Америки против Японии в августе 1945 г. наступает ядерная эра. Ядерное оружие становится одним из ведущих, если не ведущим фактором в международных отношениях. Существует два типа ядерного оружия: *атомное*, основанное на расщеплении атомных ядер,

и *термоядерное*, или водородное, с термоядерным синтезом в основе. Первый тип более прост и менее дорог, но при этом обладает меньшей мощностью.

Ядерное оружие является оружием массового уничтожения, предназначенным для масштабного поражения противника, и действует не избирательно — только на вооруженные силы, а охватывает и гражданское население. По сравнению с другими видами оружия оно обладает наибольшей разрушительной силой и длительными последствиями. Вследствие всех этих свойств ядерному оружию уделяется особо пристальное внимание.

«Официальными» членами «ядерного клуба», или государствами, обладающими ядерным оружием, являются все пять постоянных членов Совета Безопасности ООН — Великобритания, Китай, Россия, США, Франция. Именно за этими государствами, которые до 1 января 1967 г. произвели и взорвали ядерное оружие или другое ядерное устройство, согласно ст. IX.3 Договора о нераспространении ядерного оружия, подписанного в 1968 г., закреплён статус ядерных государств. Наибольший ядерный потенциал — у России и США.

Кроме названных ядерным оружием обладает ряд других государств. Индия, например, еще в 1974 г. провела ядерные испытания, а в 1998 г. ядерные испытания были проведены Индией и Пакистаном. Считается, что, по всей вероятности, первая обладает несколькими десятками боеголовок, второй — более чем десятью. ЮАР произвела ядерное устройство в 1980-е гг., однако затем ликвидировала свою ядерную программу и уничтожила не только сами устройства, но и мощности по их созданию. По оценкам многих специалистов, обладает ядерным оружием и Израиль. Северная Корея согласилась в 1994 г. заморозить ядерную программу в обмен на гуманитарную помощь, хотя абсолютно достоверных данных на этот счет нет. Вызывают опасение разработки Ирака в ядерной области, и в последние годы это государство находится под особым вниманием ООН.

Некоторые страны, имея необходимые для приобретения ядерного оружия ресурсы, добровольно отказались от него (в частности, Япония, Германия). После распада СССР в 1991 г. ряд государств бывших советских республик стали обладателями ядерного оружия. Однако все они позднее добровольно отказались от него. Осталось оно только у России как правопреемника СССР.

Химическое и бактериологическое оружие, как и ядерное, будучи оружием массового уничтожения, также вызывает беспокойство в современном мире. Химическое оружие рассчитано на использование различного рода токсичных соединений в боевых действиях для

поражения противника. Бинарное оружие предполагает применение малотоксичных реагентов, которые при взаимодействии друг с другом во время боевых действий образуют высокотоксичное отравляющее вещество. Бактериологическое оружие основано на использовании бактерий, вирусов и продуктов их жизнедеятельности.

По сравнению с ядерным оружием технологии производства химического и бактериологического оружия относительно доступны и дешевы, в связи с чем эти виды оружия получили название «оружия для бедных». В то же время оно обладает значительным поражающим эффектом. Особую тревогу относительно возможности его использования вызывают политически нестабильные, с авторитарными формами правления страны, а также террористические организации.

В истории военных действий химическое оружие использовалось редко. Впервые это произошло во время Первой мировой войны в апреле 1915 г., когда был применен иприт. Обеспокоенность возможностью использования химического оружия в будущем привела к тому, что в 1925 г. по результатам многосторонних переговоров 37 государств подписали Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. СССР присоединился к данному Протоколу в 1927 г., а к настоящему времени его подписали более 100 государств. Во время Второй мировой войны и Германия, и СССР обладали химическим оружием, но не применяли его. Оно было использовано в 1980-х гг. Ираком против Ирана.

Протокол 1925 г. предусматривал неприменение химического оружия, но не затрагивал вопросы его производства и хранения. Проблема состоит в том, что первое довольно сложно поддается обнаружению, поскольку сходный процесс возможен и в мирных целях. Однако не раз возникали ситуации, когда та или иная страна обвинялась в производстве химического оружия. Подобные подозрения были, например, в 1990-е гг. у США в отношении Ливии, Судана, Ирака.

После нескольких лет переговоров в Париже в январе 1993 г. была подписана Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении. К ней присоединились 145 государств в январе 1993 г., хотя среди них нет Ирака, Ливии, Северной Кореи. Конвенция предусматривает запрет на производство химического оружия, а также строгие санкции в отношении тех, кто нарушает данные договоренности, включая неприсоединившиеся к Конвенции страны. Для выполнения договоренностей и уничтожения запасов химического оружия России, по ряду оценок, придется потратить более 5 млрд дол.

Бактериологическое оружие имеет ряд сходных характеристик с химическим по производству, использованию и контролю. Однако в отличие от химического этот вид оружия не был использован в массовом порядке, за исключением случая его применения Японией в нескольких китайских деревнях во время Второй мировой войны. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении была подписана в 1972 г., к ней присоединилось на начало 2002 г. более 140 государств.

Оружие массового поражения требует средств доставки. Их наличие определяет военно-политическое положение государства не в меньшей степени, чем сам факт обладания ядерным оружием и технологиями его производства. Средства доставки подразделяются на два вида — стратегические и тактические.

Стратегические средства доставки, имеющие целью поразить противника на его территории, предполагают преодоление довольно больших расстояний (например, между Россией и США). Основными среди них являются баллистические ракеты. Они различаются по расстоянию, которое могут преодолевать, точности попадания и тому, какой несут заряд. Баллистические ракеты могут быть стационарного базирования или находиться на мобильных платформах. В последнем случае они становятся менее уязвимыми для противника.

Наибольший радиус действия у межконтинентальных баллистических ракет. Этим видом оружия обладают в основном Россия и США. Значительно меньшее по сравнению с ними количество межконтинентальных баллистических ракет имеют другие ядерные страны. Ракеты средней дальности находятся на вооружении Франции, Великобритании, Китая. Имеются они также у России и США. Их радиус действия от 1000 до 5500 км. Размещение на европейском континенте ракет среднего радиуса действия последними двумя странами ограничено договором, подписанным в 1987 г. Ракеты меньшей дальности с радиусом действия от 500 до 1000 км обладают, как правило, большей точностью попадания. Они могут использоваться также для доставки обычных боеголовок, как это, в частности, было во время войны в Персидском заливе.

В качестве средств доставки могут использоваться и крылатые ракеты. Они представляют собой небольшие беспилотные снаряды, оснащенные собственной двигательной установкой. Крылатые ракеты обладают высокоточной системой наведения для поражения цели и могут нести как ядерный заряд (такими крылатыми ракетами обладают Россия и США), так и обычный.

Кроме ракет стратегическими средствами доставки оружия, прежде всего ядерного, являются бомбардировщики и подводные лодки (тоже оснащенные ракетами и ядерными торпедами). Эти три вида составляют так называемую *стратегическую триаду*, поэтому на переговорах по разоружению и ограничению вооружений они обычно рассматриваются в комплексе.

Тактические средства доставки предназначены для использования на самом театре ведения боевых действий и включают в себя ядерные боеголовки для тактических ракет, артиллерийские заряды, боевые надводные корабли, многоцелевые подводные лодки, авиацию, ядерные мины.

При разработке ядерной стратегии американские эксперты первоначально исходили из того, что противник должен быть уничтожен. В связи с этим среди военно-политических аналитиков появился термин «гарантированное взаимное уничтожение». Он характеризовал гипотетическую ситуацию, которая может возникнуть как результат ядерного противостояния, и предполагал уничтожение противника в случае нанесения ядерного удара. Позднее, когда стала очевидной бессмысленность идеи «взаимного уничтожения», а это особенно ясно проявилось во время Кубинского кризиса, американская военная стратегия стала ориентироваться на принцип адекватного ответного удара. Смысл его состоит в том, что ответ должен соответствовать причиненному ущербу.

В годы холодной войны появляется и логически связанная с разработанными ядерными стратегиями доктрина ядерного сдерживания. Исходила она из того, что сама возможность применения ядерного оружия удерживает противника от агрессии. Эта доктрина основана на послыле, что участники международных отношений стараются вести себя исключительно рационально, чтобы избежать разрушительных последствий использования ядерного оружия. Согласно ей, государство должно быть уверено в том, что такая угроза не просто слова — ядерное оружие действительно может быть применено в случае агрессии.

У этой доктрины были и свои противники. Их аргументация строилась на том, что, во-первых, сама логика постепенного развития конфликта может в итоге привести к ядерному столкновению. Во-вторых, не исключена случайная ошибка, которая будет интерпретирована противоположной стороной как ядерное нападение, что повлечет за собой фатальный исход.

Разработки были и в области ядерной обороны. Так, США занимались стратегической оборонной инициативой, или так называемы-

ми «звездными войнами». Она получила развитие в 1980-е гг., при президенте Р. Рейгане, а суть ее заключалась в попытках создания оборонного щита для США на случай ядерной угрозы. Однако в практическом плане идея так и не была реализована.

Одной из наиболее важных в военно-политической области является проблема нераспространения оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного, а также средств его доставки. Различают так называемое горизонтальное распространение оружия, когда увеличивается количество стран, обладающих им, и вертикальное. Последнее подразумевает наращивание имеющихся возможностей. Однако когда говорят о нераспространении ядерного оружия, в первую очередь имеют в виду именно горизонтальный вариант.

Существуют различные подходы к проблеме нераспространения. Авторы, ориентированные на реалистскую традицию исследований международных отношений, в целом более спокойно относятся к этому вопросу, не видя особой опасности в распространении, поскольку, как они полагают, государства будут вести себя рационально и не прибегнут к его использованию. В этом плане показательна точка зрения К. Уолтца, который исходит из того, что расширение «ядерного клуба» даже поможет сохранить мир, так как здесь влияет фактор устрашения, сдерживающий военную конфронтацию сторон.

Противоположную позицию занимают исследователи и аналитики, которые разделяют иные теоретические взгляды. Для них проблема нераспространения крайне важна, поскольку в распространении оружия массового уничтожения они видят одну из основных угроз миру. При этом они не без основания подчеркивают, что государства, и в первую очередь их лидеры, могут не вести себя рационально. Кроме того, в современных условиях особую тревогу вызывают возможность попадания оружия массового уничтожения в руки террористических организаций, а также опасность техногенных катастроф, связанных с хранением этого оружия, человеческой ошибкой и т.п.

Государства, обладающие ядерным оружием, также довольно чувствительны к вопросам его нераспространения. Они стараются ограничить круг участников, имеющих ядерное оружие и соответствующие технологии. Однако у этой проблемы есть и другая сторона. Дело в том, что технологии, которые могут быть использованы при производстве ядерного оружия, тесно переплетаются с технологиями, используемыми в мирной атомной энергетике.

Наличие средств доставки ядерного оружия контролировать сложнее, чем обладание самим ядерным оружием. В настоящее время ракеты средней и меньшей дальности разрабатываются Ираком, Ираном,

Израилем, Саудовской Аравией, Индией, Пакистаном, Северной Кореей, а также, возможно, Бразилией и Аргентиной.

Во время холодной войны страны накопили огромный арсенал оружия. Как следствие, вопросы разоружения и контроля над вооружениями остаются и сегодня одними из ключевых в мировой политике. Под *контролем за вооружениями* понимаются усилия двух или более стран по регулированию отношений в этой области.

Значимым импульсом к проведению переговоров по разоружению был Кубинский (Карибский) кризис 1962 г., когда угроза ракетно-ядерного конфликта стала явной. Вскоре после него, в августе 1963 г., в Москве представителями СССР, США и Великобритании был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Он носил бессрочный характер и был открыт для подписания (к нему впоследствии присоединилось более 100 государств).

Договор о нераспространении ядерного оружия подписан в 1968 г. Данные договоренности получили продолжение 5 марта 1970 г. (присоединились 187 стран).

Различают две категории стран — участниц Договора о нераспространении ядерного оружия, обладавшие этим видом оружия на 1 января 1967 г. (Великобритания, Китай, СССР, США, Франция) и те, кто не имел его. Неядерные страны обязывались не приобретать ядерное оружие и полностью следовать нормативным положениям МАГАТЭ, которое занимается мониторингом развития и распространения ядерных технологий. Проблема в том, что ряд государств, которые обладают или являются потенциальными обладателями ядерного оружия, не подписали договор о нераспространении (например, Израиль). А в 1993 г. МАГАТЭ покинула Северная Корея. Однако, как отмечалось, позднее она провела переговоры и обязалась заморозить свои ядерные программы в обмен на оказание экономической помощи. Северная Корея вновь заявила о стремлении продолжать ядерную программу в сентябре 2002 г.

В целом же речь идет о *режиме ядерного нераспространения*. Под ним, согласно российским исследователям во главе с В.А. Орловым и Н.Н. Соковым, понимается «совокупность международных договоренностей и организаций с участием как ядерных, так и неядерных государств, а также внутренних законодательств стран-участниц, целью которых является предотвращение приобретения ядерного статуса теми из них, которые не имели его к 1967 г.».

Ряд важных договоренностей в области разоружения и контроля над вооружениями был достигнут в 1970-е гг. Среди них прежде всего

следует назвать Договор об ограничении систем противоракетной обороны (далее — Договор по ПРО), подписанный в 1972 г. Он ограничивает возможности каждой из сторон — США и СССР (России) — использовать противоракетную оборону для отражения ядерного удара. В США стали строить планы относительно возможного выхода из Договора по ПРО и создания национальной противовоздушной обороны в начале 2000-х гг. Аргументация основывалась на том, что договор 30-летней давности не отвечает современным реалиям. Согласно официальным американским заявлениям, в XXI в. угроза исходит не от России, а от террористических организаций, что особенно четко показали события 11 сентября 2001 г. Кроме того, предполагалось, хотя и не афишировалось, что национальная противовоздушная оборона станет стимулом к развитию новых технологий в США.

Стремление в одностороннем порядке выйти из Договора по ПРО осложнило российско-американские отношения. Настороженно отнеслись к этим планам США и многие другие страны, в том числе их европейские партнеры по НАТО. Основное опасение в целом сводилось к тому, что нарушение российско-американских договоренностей может повлечь за собой совершенно непрогнозируемые последствия. Если соблюдение прежних договоренностей заставляло другие государства также следовать в их русле, то их нарушение даст стимул к разработке ими собственных «правил игры», что окажется особенно опасным в условиях общей политической трансформации мира, усиления угрозы терроризма и т.п. Во время ряда встреч президентов России и США в 2001 г. были достигнуты договоренности о проведении консультаций в области национальной противовоздушной обороны, тем не менее позиции оставались различными. США официально уведомили Россию о выходе из Договора 1972 г. в конце 2001 г., а в июне 2002 г. вышли из него.

Другими важными документами периода холодной войны в области ограничения вооружений были Временное соглашение и договор об ограничении стратегических наступательных вооружений ОСВ-1 и ОСВ-2 соответственно 1972 и 1979 гг., которые получили дальнейшее развитие в договорах 1990-х гг. Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (далее — СНВ) подписан в 1991 г. Согласно ему, и Россия, и США должны были сократить свои стратегические арсеналы примерно на 30%. В течение последующего года проводились дальнейшие переговоры, и 3 января 1993 г. в Москве был подписан договор СНВ-2, ратифицированный Россией восемь лет спустя. Он предполагал сокращение оставшихся вооружений еще на 50%, в соответствии с чем Россия может иметь

3000 боеголовок, США — 3500. Однако он не был ратифицирован американской стороной. По сути действующим договором так и остался СНВ-1. В совместной Декларации о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки, подписанной по итогам московской встречи двух президентов в мае 2002 г., подтверждается, что Договор 1991 г. остается в силе. Стороны фактически вышли на подписание Договора СНВ-3 в конце 2009 г.

Еще один договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности подписан в 1987 г. Он направлен на ограничение числа ракет средней и меньшей дальности, а также пусковых установок, которые каждая сторона может разместить в Европе. Этот договор, как и договоры по СНВ, предусматривает проведение инспекций.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний подписан в 1996 г. по результатам долгих переговоров и ориентирован на ограничение дальнейших разработок в области ядерных вооружений. Он был ратифицирован Государственной Думой в апреле 2000 г. Однако его реализация возможна лишь после ратификации теми государствами (а их 44), у которых, как предполагается, есть соответствующие технологии в области ядерных вооружений. В этом плане имеется ряд сложностей. Сенат США, например, проголосовал против ратификации данного договора в 1999 г. Не подписала его и провела ряд ядерных испытаний Индия. То же сделал и Пакистан.

В настоящее время остается актуальной проблема сокращения ядерного потенциала, и переговоры в этой области продолжаются. России и США в рабочем порядке удалось достигнуть договоренностей по основным параметрам СНВ-3 в 1997 г. Согласно им, ядерный потенциал обеих сторон ограничивается 2000 боеголовок. Тем не менее у России и США он остается намного большим, чем у других крупнейших ядерных держав, в частности Франции, Великобритании, Китая, которые имеют по несколько сотен ядерных боеголовок каждая. При этом если Франция и Китай направляют усилия на развитие собственных разработок средств доставки, то Великобритания предпочитает использование американских систем.

Важный элемент в области контроля над ядерной угрозой представляет собой создание безъядерных зон, или зон, свободных от ядерного оружия. Впервые с инициативой создания в Европе таких зон, предусматривающих запрет на развертывание атомных военных соединений и каких-либо видов атомного и водородного оружия, выступил в 1956 г. СССР. Идеи создания зон, свободных от ядерного оружия, на Балканах, в области Средиземного моря и Адриатики, на Дальнем,

а также на Ближнем и Среднем Востоке, в некоторых других регионах мира были заявлены в 1960-е гг. В результате длительных переговоров, дипломатических усилий и деятельности различных организаций достигнуты договоренности о четырех безъядерных зонах — в Латинской Америке (Договор Тлателолко), южной части Тихого океана (Договор Раротонга), Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор) и в Африке (Договор Пелиндаба). Называются и другие регионы, в которых возможно появление безъядерных зон, в частности Корейский полуостров, Центральная и Восточная Европа, Центральная Азия. По инициативе развивающихся стран в 1996 г. 129 голосами при трех «против» (Великобритания, США, Франция) и 38 воздержавшихся (в том числе Россия) была принята Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 51/45В о провозглашении Южного полушария зоной, свободной от ядерного оружия.

Обычные вооружения также находятся в центре внимания политиков и общественности. Они широко используются в современных конфликтах. Например, именно их применял Ирак в Персидском заливе в начале 1990-х гг. для оккупации Кувейта и ракетного обстрела Израиля. Обычные вооружения использовались в бывшей Югославии и других региональных конфликтах 1990-х — начала 2000-х гг.

Договор об обычных вооруженных силах в Европе, подписанный в 1990 г., предполагал сокращение обычных вооружений в Европе с учетом имеющихся арсеналов НАТО и ОВД. Переговоры продолжались 17 лет, прежде чем были достигнуты договоренности. Однако после подписания Договора ОВД распалась, но участники придерживаются его, хотя в связи с конфликтами в Европе были и нарушения, например в бывшей Югославии. В географическом отношении договор распространяется на территорию от Атлантики до Урала, однако под его действие не попадают государства, которые образовались в Средней Азии после распада СССР.

Серьезной политической проблемой, особенно из-за распространения внутренних конфликтов, является использование противопехотных мин, которые устанавливаются с целью контроля над территорией. Минные поля в Афганистане, Боснии, Анголе и других конфликтных точках привели к большому количеству жертв среди мирного населения, причем их число продолжает увеличиваться и после окончания конфликта. Так, согласно данным Дж. Гольдштейна, жертвами мин становятся ежегодно около 25 тыс. человек, треть которых составляют дети. Ряд неправительственных организаций в конце 1990-х гг. выступил за запрещение противопехотных мин, за что организатор этой кампании Дж. Уильямс удостоена в 1997 г. Нобелевской

премии мира. В том же году более 100 государств подписали Договор о запрещении использования противопехотных мин. Россия также присоединилась к данному договору.

На пути контроля над вооружением и разоружением возникает немало барьеров. Прежде всего нельзя не учитывать, что возможны нарушения договоренностей какой-либо страной. По этой причине большое внимание уделяется различным процедурам проверок с использованием, например, инспекций на местах. Часто договоры предусматривают такую возможность. Однако не все вопросы оказываются решаемыми: государства затягивают их проведение, возражают по персональному составу инспекций, как это было, в частности, с инспекциями ООН в Ираке в 1990-х гг. Кроме того, если страны, для которых они организуются, фактически отказываются от сотрудничества, то подобные инспекции малоэффективны. Другой способ проверок заключается в использовании национальных технических средств контроля — спутников, сейсмических станций и т.п. Но с их помощью далеко не все поддается проверке: например, сложно определить, сколько зарядов несет одна ракета.

Серьезную проблему представляет постоянное совершенствование вооружений с внедрением новых научных и технологических разработок. Как следствие, переговоры и заключаемые по их результатам соглашения практически всегда запаздывают по отношению к реальному положению дел. Например, появление ракет с разделяющимися боеголовками резко увеличило возможность нанесения ударов по разным объектам при том же количестве ракет.

Существует немало и внутрисполитических барьеров на пути разоружения. Ряд аналитиков, в частности, исходят из того, что разоружение вовсе не ведет к уменьшению напряженности. С этих позиций они выступают в политических институтах своих государств, и это влияет на принятие политических решений. К ним присоединяются представители военно-промышленного комплекса, экономически заинтересованные в увеличении военных заказов.

И все же в целом, несмотря на сложности, процесс разоружения и контроля над вооружением имеет поступательную направленность.

7.3. ПОСТАВКИ ОРУЖИЯ И ТОРГОВЛЯ ОРУЖИЕМ

Объемы торговли оружием в современном мире весьма внушительны. Так, по официальным американским оценкам, если совокупная его продажа в мире оценивалась в 1964 г. примерной суммой 4 млрд дол. США, то в 1987 г. она составила уже 82,4 млрд дол. И в настоящее время, несмотря на окончание холодной войны, торговля оружием не пре-

кратилась. Основные его поставки идут в развивающиеся страны. Именно там часто наблюдается наиболее нестабильная политическая и экономическая ситуация.

Общая сумма от поставок вооружения в период с 1991 по 1998 г., по данным Р. Гримметта, превысила 250 млрд дол., причем $\frac{3}{4}$ приобретено развивающимися странами. Лидирующую роль в качестве рынка вооружений занимает Ближний Восток. Как отмечают Ч. Кегли и Ю. Уиткофф, если в 1967 г. поставки вооружений на Ближний Восток составляли 11% общего числа поставок, то в период 1991—1994 гг. эта цифра увеличилась до 77%. Впрочем, с появлением новых «горячих точек» ситуация может меняться.

Основными экспортерами вооружений во время холодной войны были США и СССР. Их поставки составляли от 50 до 75% всего рынка вооружений. После окончания холодной войны стали явно доминировать США. Так, по официальным американским источникам, им принадлежало более 40% экспорта вооружений. И хотя в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Россия активизировалась в поставках вооружений, США продолжают лидировать на этом рынке.

Доходы от продажи оружия часто идут на дальнейшее развитие военно-промышленного комплекса. Однако мотивом этих поставок за рубеж могут служить не только экономические, но и политические цели, что было особенно характерно для эпохи холодной войны. Например, по оценкам, которые приводит М. Кларе, именно этим руководствовались в 1980-е гг. США, снабжая оружием 59 стран, СССР — 42.

Поставки и торговля оружием вызывают настороженность, поскольку очевидно, что наряду с экономическими и политическими «плюсами» для поставщиков оружия это характеризуется и множеством отрицательных моментов. Так, увеличение его количества может вести к обострению конфликта, особенно в случае нестабильности режима, который его получает. По оценкам целого ряда исследователей, в частности М. Кларе, Л. Люмпе, А. Хашима и некоторых других, существует прямая корреляция между торговлей оружием и вооруженными конфликтами. Это во многом обусловлено тем, что закупка оружия одной из конфликтующих сторон влечет за собой аналогичные действия и другой. Причем порой оружие обеими сторонами приобретает у одного и того же государства-поставщика.

Закупка оружия ставит руководителей государств перед дилеммой, условно формулируемой журналистами как «пушки или масло». Особенно остра она в развивающихся странах, которые часто решают ее не в пользу последнего. В результате бедность основной массы населения ведет международное сообщество к необходимости решать

множество других, следующих за этим выбором проблем — борьбы с голодом, болезнями и т.п. В связи с этим возникает вопрос, связанный с моральной ответственностью за поставки оружия. Следует также учитывать, что в вооруженных действиях часто принимают участие дети. Согласно данным Дж. Рурке, до 300 тыс. детей в 50 различных странах мира вовлечены в вооруженную борьбу. Моральный аспект имеется и в том случае, если оружие поставляется в страну с авторитарным режимом, что позволяет ему удерживаться у власти. И даже если изначально оружие поставляется не авторитарному режиму, то в ситуации нестабильности (а оружие большей частью идет именно в такие регионы) всегда есть опасность смены режима. Более того, не исключено, что страна-поставщик сама «столкнется» со своим же оружием, обращенным против нее. Так, перед вторжением в Кувейт Ирак активно закупал оружие, в частности, у Франции, Великобритании, Египта, которые затем выступили против оккупации Кувейта. Вообще, осуществляя поставки оружия одному из участников конфликта, государство тем самым рискует быть вовлеченным в конфликт.

Необходимо упомянуть и о торговле продукцией двойного назначения, т.е. той, которая может использоваться как в мирных, так и в военных целях (например, ряд химических соединений). В условиях конфликта, нестабильности политических режимов на продажу этого вида продукции часто накладываются ограничения.

В последнее время все большую тревогу вызывают неконтролируемые поставки оружия государствам, находящимся в конфликтных отношениях со своими соседями, а также повстанческим движениям и различным террористическим организациям. По разным оценкам, более 10% всей торговли приходится на нелегальный или «полулегальный» рынок.

7.4. ПРОБЛЕМЫ ТЕРРОРИЗМА, ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И НАРКОБИЗНЕСА

Проблемы безопасности в конце XX столетия все больше выходят за пределы межгосударственного взаимодействия и разоруженческой тематики.

Терроризм представляет собой одну из наиболее серьезных проблем, которая не только обострилась в конце XX — начале XXI в., но и оказалась, по сути, в числе главных угроз безопасности. Тем более что современные его формы обладают целым рядом новых черт. Это обусловлено, *во-первых*, тем, что современный международный (глобальный) терроризм в лице «Аль-Каиды» выступил за изменение по-

литической системы мира, а не трансформацию в рамках одной страны. При этом в современном мире сохраняется разнообразный спектр террористических организаций (направленных на сепаратизм, свержение режима в той или иной стране). *Во-вторых*, уровнем технологического развития и возможностями воздействия на мир, в результате чего масштабные террористические акты могут совершаться небольшой группой людей или даже одним человеком.

Очевидно, что терроризм как таковой — не новое явление. Он известен со времен Древней Греции и Древнего Рима. Терроризм в XIX в. связывают с анархическими, а также некоторыми националистическими организациями. По оценкам ряда авторов, например Р. Киддера, он становится действительно международной проблемой, начиная с 1960-х гг. Мир столкнулся со всплеском террористических операций в Европе в 1970—1980-х гг.

Несмотря на многовековое существование феномена терроризма, в теоретическом плане эта проблема довольно сложно поддается определению. Дело в том, что одни и те же действия рассматриваются порой разными сторонами и как террористические, и как борьба за свои права. По этой причине попытки определить терроризм в рамках ООН (а различные критерии предлагали США, Великобритания, другие страны) в целом так и не увенчались успехом, хотя в последние годы удалось значительно сблизить позиции. Важной характеристикой в определении терроризма стало то, что это насильственные действия или их угроза, направленная против мирных граждан, а не только непосредственно против политического противника. Именно в отношении их совершаются террористические акты с целью реализации тех или иных политических целей.

Терроризм в значительной степени ориентирован на достижение психологического эффекта, поэтому террористы, как правило, заинтересованы в том, чтобы их акты нашли как можно более широкое освещение в СМИ. Психологический эффект имеет множественную направленность, в том числе привлечение внимания к своей организации и ее целям, демонстрацию возможностей, формирование страха у населения или определенных его групп и т.п.

Другая важная особенность при определении терроризма заключается в том, что осуществляют его негосударственные акторы. В то же время государство может так или иначе оказывать поддержку террористическим организациям (в том числе финансовую или в форме предоставления территории под базы, отказа в выдаче террористов, одобрения их действий и т.п.). В связи с этим появился термин «государственный терроризм». Однако государство в таких случаях прак-

тически никогда не берет на себя ответственность за содействие терроризму, и доказать его причастность к этому довольно сложно.

Период конца XX — начала XXI в., когда политическая структура мира находится в процессе кардинальных перемен, представляет собой «благоприятную почву» для развития терроризма. В современных условиях глобализации террористы часто действуют вне национальных границ. Поэтому говорят о *международном терроризме*, который подразумевает использование территории или вовлечение граждан в террористические действия более чем одной страны. И все же сегодня довольно трудно очертить границы между терроризмом внутренним и международным, поскольку практически все достаточно крупные террористические организации имеют связи за пределами национальных границ.

Террористические действия нередко входят в арсенал средств борьбы различных этнических, религиозных и других групп, фактически являясь как формой политической борьбы, так и выгодным бизнесом. Между разными террористическими организациями установлены хорошие связи, в том числе военные и коммерческие. Некоторые взаимодействуют и с криминальными структурами, в частности связанными с торговлей наркотиками. Доходы от продажи наркотиков нередко идут на финансирование террористических актов.

Особую озабоченность вызывает возможность доступа террористических организаций к современным типам оружия и средствам массового уничтожения. Так, в марте 1995 г. японская религиозная секта «Аум Синрикё» совершила террористический акт с применением нервно-паралитического газа в метро, из-за чего десять человек погибли и около 5000 вынуждены были обратиться за медицинской помощью. Однако одно из самых больших потрясений за последние годы произвели действия террористов 11 сентября 2001 г., когда в США было угнано сразу несколько самолетов, которые, как известно, террористы направили на здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, а также на Пентагон. Еще один самолет разбился с пассажирами, но в этом случае хотя бы удалось избежать гораздо больших жертв. Результаты поражения оказались сравнимыми с разрушительным эффектом при ракетной атаке.

Данный террористический акт поставил многие вопросы безопасности по-иному. Раньше оценки выводились из расчета времени полета баллистических ракет. Сейчас этот показатель недостаточен. Другой момент связан с определением источника агрессии. Если прежде в стратегических концепциях под «агрессором» понималось одно или несколько государств, то сегодня это понятие становится крайне амор-

фным. Международные террористы, с одной стороны, имеют базы, как правило, в различных странах, с другой — непосредственно и открыто не связаны с государственными структурами (если исключить возможность создания коррупции). Они выступают, как отмечалось, в качестве самостоятельных акторов на мировой арене. Наконец, сами угрозы оказываются крайне неопределенными: сегодня это — таран зданий гражданскими самолетами, завтра может быть отравление воды мегаполиса или газовая атака в метро. Вместе с тем правительства (даже такой мощной страны, как США) и международное сообщество в целом оказались неготовыми к адекватным ответам. Трагические события в Москве 23—26 октября, связанные с захватом заложников в театральном центре, еще раз подтвердили новые параметры современных угроз: неожиданность (нет даже нескольких минут для подготовки к отражению нападения), множественность и разнородность целей, а также средств нападения. Наконец, еще один важный момент, характеризующий современный терроризм — его сетевая структура, разбросанная по многим странам. Сетевая организация терроризма создает огромные сложности при борьбе с этой угрозой.

Одна из возможных сфер современного терроризма — *кибертерроризм*, в том числе информационный, связанный с дестабилизацией работы компьютерных систем и сетей. Учитывая роль таких систем в современном мире, легко представить себе последствия вызванных этим крупных сбоев в работе транспорта, связи, энергоснабжения, правительственных и полицейских структур — так называемых «критических инфраструктур» современного общества. Особенность кибертерроризма заключается в том, отмечает А.В. Федоров, что он может быть «составной частью или средством обеспечения другого теракта, более масштабного и имеющего другую направленность. Мало того, можно ожидать, что именно он может стать сутью и обязательным элементом всех будущих (если такие беды не удастся предотвратить), уже супертеррористических, актов».

Угроза информационного терроризма осознается довольно хорошо разными международными акторами. По оценкам одного из компьютерных журналов (*Information Week*), вирусы и действия хакеров стоили крупному бизнесу в одном только 2000 г. примерно 1,6 млрд дол. В мае того же года в Париже состоялась встреча на уровне экспертов — участников «Большой восьмерки» по компьютерному терроризму. Они высказывали мнения, что угроза кибертерроризма представляет для человечества опасность, сравнимую с ядерной, химической, бактериологической войнами. Осознавая опасность, которую несет в себе кибертерроризм, Россия и США в конце 2009 г.

начали консультации по данному вопросу, несмотря на различия в исходных позициях.

Все это и побуждает государства согласовывать свои действия в борьбе с терроризмом. Принят, например, целый ряд международных соглашений, в частности, по обеспечению безопасных гражданских авиационных и морских перевозок (Международные конвенции 1963, 1970, 1988 гг.); по борьбе с захватом заложников (1979); защите ядерных материалов (1980). Международный терроризм получил осуждение в 1985 г. на Генеральной Ассамблее ООН, где была принята соответствующая резолюция. Вопрос о борьбе с терроризмом неоднократно ставился на встречах глав государств, в том числе членов «Большой восьмерки», а также на совещаниях более низкого уровня, организованных этими странами (например, в Оттаве — 1995, Париже — 1996, Москве — 1999 г.).

Специальные подразделения по борьбе с терроризмом существуют во многих странах, включая Россию. Координация национальных усилий в практическом плане осуществляется в том числе и по линии Интерпола.

Понятие «международная организованная преступность» является широко распространенным, но при этом довольно сложно определяемым. Существуют различные подходы к его толкованию, обычно через ряд характеристик: наличие иерархической структуры организации, распределение ролей, постоянная вовлеченность в нелегальный или «полулегальный» бизнес и т.п. В некоторых случаях пытаются определить организованную преступность как деятельность, имеющую в основе одновременно законный и незаконный бизнес.

Члены организованных преступных групп получают огромные доходы. По оценкам, которые привел *Economist* в 1999 г., общая сумма так называемых «грязных денег» в мире составляла от 500 до 1500 млрд дол. ежегодно, что равнялось примерно 5% всего производимого на Земле совокупного продукта.

Одна из сфер деятельности организованной преступности обусловлена тем, что целый ряд товаров либо не облагается налогами, либо они сильно различаются в разных странах. Нелегальная переброска этих товаров из одной страны в другую и дает значительный доход членам организованных преступных групп. Другая область организованной преступности связана с нелегальными поставками оружия, противозаконной деятельностью в зонах конфликтов, в том числе вербовкой наемников, и т.п. Процессы приватизации в странах Центральной и Восточной Европы также привлекли внимание организованной преступности. Но одной из наиболее значимых областей, в которых организованная преступность проявляет наибольшую активность,

является наркобизнес. Он занимает и без того особое место из-за своих масштабов, но получил дополнительный импульс в связи с глобализацией и порождаемой ею открытостью границ. Значительные потоки наркотиков идут в Россию из Азии; США сталкиваются с аналогичной проблемой со стороны Колумбии и ряда других стран Латинской Америки. В целом же распространение наркотиков в последние годы, по разным оценкам, увеличилось в десятки раз, давая более 500% прибыли.

Борьба с наркотиками становится одной из глобальных проблем современности. При этом основное их производство налажено в странах с плохо развитой экономикой и множеством внутренних конфликтов, с военными и полувоенными режимами. Главными поставщиками опиумного мака на рынок являются сегодня Афганистан и Бирма. По оценкам, приводимым Дж. Гольдштейном, производство опиума в Афганистане за период с 1998 по 1999 г. возросло вдвое и составило $\frac{3}{4}$ мирового производства. Все более широкое распространение получают синтетические наркотики, не требующие растительного сырья.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что понимается под национальной, региональной и международной безопасностью?
2. Какие существуют типы ядерного оружия и средства его доставки?
3. В чем суть и какова история использования химического оружия?
4. Какие и когда достигнуты договоренности по запрещению химического и биологического оружия?
5. В чем состоит проблема нераспространения?
6. Какие страны принадлежат к «ядерному клубу»; имеют возможности для приобретения ядерного оружия; добровольно отказались от него или заморозили ядерные программы?
7. Какие и когда наиболее важные договоры были заключены в области разоружения и контроля над вооружениями?
8. В чем состоит суть проблем, связанных с торговлей и поставками оружия?
9. Что представляет собой современный терроризм и какие принимаются меры по борьбе с ним?
10. В чем состоит сложность борьбы с наркобизнесом?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537).

2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 12 июля 2008 г. № 1440).
3. Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г. № 146).
4. *Браун С.* Сила в инструментарии современной дипломатии // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3 (15). [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/index.htm>
5. Ежегодники СИПРИ. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М. : Наука.
6. *Кулагин В.М.* Международная безопасность. М. : Аспект Пресс, 2006.
7. *Лебедева М.М., Юрьева Т.В.* Архитектура европейской безопасности: глобальный и региональный аспекты. Вестник МГИМО (У). 2011. № 5.
8. *Степанова Е.А.* Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты. М. : ИМЭМО РАН, 2010.
9. Терроризм. Борьба, проблемы, противодействия / под ред. В.Я. Кикотя. М., 2004.
10. Ядерное нераспространение. Т. I—II / под ред. В.А. Орлова, Н.Н. Сокова. М. : ПИР-Центр политических исследований, 2002.

КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Не будет преувеличением сказать, что конфликты стары, как мир. Они были до подписания Вестфальского мира — времени, ознаменовавшего рождение системы национальных государств, есть они сейчас. Конфликтные ситуации и споры, по всей вероятности, не исчезнут и в будущем, поскольку, согласно афористичному утверждению одного из исследователей Р. Ли, общество без конфликтов — мертвое общество. Более того, многие авторы, в частности Л. Козер, подчеркивают, что противоречия, лежащие в основе конфликтов, обладают целым рядом позитивных функций: привлекают внимание к проблеме, заставляют искать выходы из сложившейся ситуации, предупреждают стагнацию — и тем самым способствуют мировому развитию. Действительно, конфликтов вряд ли удастся избежать совсем. Другое дело, в какой форме их разрешать — через диалог и поиск взаимоприемлемых решений или вооруженное противостояние.

**8.1. ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОВ
В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В.**

Говоря о конфликтах конца XX — начала XXI в., следует остановиться на двух важнейших вопросах, которые имеют не только теоретическую, но и практическую значимость.

1. Изменился ли характер конфликтов (если да, то в чем это проявляется)?

2. Как можно предотвращать и регулировать вооруженные формы конфликтов в современных условиях?

Ответы на эти вопросы непосредственно связаны с определением характера современной политической системы и возможностью воздействия на нее. Сразу после окончания холодной войны появилось ощущение, что мир находится в преддверии бесконфликтной эры существования. В академических кругах эта позиция наиболее четко выражена Ф. Фукуямой, когда он заявил о конце истории. Она достаточно активно поддерживалась и официальными кругами, например

США, несмотря на то, что находившаяся у власти в начале 1990-х гг. республиканская администрация была менее склонна, по сравнению с демократами, исповедовать неолиберальные взгляды. Президент США Дж. Буш-старший, например, говоря о конфликте в Персидском заливе, заявил, что «он прервал краткий миг надежды, но тем не менее мы являемся свидетелями рождения нового мира, свободного от террора».

События же в мире стали развиваться так, что количество локальных и региональных конфликтов с применением насилия в мире сразу после завершения холодной войны увеличилось. Об этом свидетельствуют данные Стокгольмского международного института исследования проблем мира (СИПРИ), одного из ведущих международных центров, занимающихся анализом конфликтов, причем большинство из них оказалось либо в развивающихся странах, либо на территории бывшего СССР или бывшей Югославии. Только на постсоветском пространстве, по оценкам В.Н. Лысенко, в 1990-х гг. насчитывалось около 170 конфликтогенных зон, из которых в 30 случаях конфликты протекали в активной форме, а в десяти дело дошло до применения силы.

В связи с развитием конфликтов сразу по окончании холодной войны и появления их на территории Европы, которая была относительно спокойным континентом после Второй мировой войны, ряд исследователей стал выдвигать различные теории, связанные с нарастанием конфликтного потенциала в мировой политике. Одним из наиболее ярких представителей этого направления стал С. Хантингтон с его гипотезой о столкновении цивилизаций. Однако во второй половине 1990-х гг. количество конфликтов, а также конфликтных точек в мире, по данным СИПРИ, стало уменьшаться; так, в 1995 г. насчитывалось 30 крупных вооруженных конфликтов в 25 странах мира, в 1999 г. — 27, и тоже в 25 точках земного шара, в то время как в 1989 г. их было 36 — в 32 зонах.

Надо заметить, что данные о конфликтах могут различаться в зависимости от источника, поскольку нет четкого критерия того, каким должен быть «уровень насилия» (число убитых и пострадавших в конфликте, его продолжительность, характер отношений между конфликтующими сторонами и т.п.), чтобы происшедшее рассматривалось как конфликт, а не инцидент, криминальные разборки или террористические действия. Например, М. Солленберг и П. Валленстин определяют крупный вооруженный конфликт как «продолжительное противостояние между вооруженными силами двух или более правительств, или одного правительства и по меньшей мере одной организованной вооруженной группировкой, приводящее в результате военных дей-

ствий к гибели не менее 1000 человек за время конфликта». Другие авторы называют цифру в 500 и даже 100 погибших.

В целом же, если говорить об общей тенденции в развитии конфликтов на планете, то большинство исследователей соглашаются с тем, что после некоего всплеска количества конфликтов в конце 1980-х — начале 1990-х гг. их число пошло на убыль в середине 1990-х гг., и с конца 1990-х гг. продолжает держаться примерно на одном уровне.

Тем не менее современные конфликты создают весьма серьезную угрозу человечеству вследствие возможного их расширения в условиях глобализации, развития экологических катастроф (достаточно вспомнить поджог нефтяных скважин в Персидском заливе при нападении Ирака на Кувейт), серьезных гуманитарных последствий, связанных с большим количеством беженцев, пострадавших среди мирного населения и т.п. Озабоченность вызывает и появление вооруженных конфликтов в Европе — регионе, где вспыхнули две мировые войны, крайне высокая плотность населения, множество химических и других производств, разрушение которых в период вооруженных действий может привести к техногенным катастрофам.

В чем же причины современных конфликтов? Их развитию способствовали различные факторы. Так, дали о себе знать проблемы, связанные с распространением оружия, его бесконтрольным использованием, непростыми отношениями между индустриальными и сырьевыми странами при одновременном усилении их взаимозависимости. К этому следует добавить развитие урбанизации и миграцию населения в города, к чему оказались неготовыми многие государства, в частности Африки; рост национализма и фундаментализма как реакции на развитие процессов глобализации. Существенным оказалось и то, что в период холодной войны имевшее глобальный характер противостояние Востока и Запада до некоторой степени «сняло» конфликты более низкого уровня. Эти конфликты нередко использовались сверхдержавами в их военно-политическом противостоянии, хотя они старались держать их под контролем, понимая, что в противном случае региональные конфликты могут перерасти в глобальную войну. Поэтому в наиболее опасных случаях лидеры биполярного мира, несмотря на жесткое противостояние между собой, координировали действия по снижению напряженности, с тем чтобы избежать прямого столкновения. Несколько раз такая опасность, например, возникала при развитии арабо-израильского конфликта в период холодной войны. Тогда каждая из сверхдержав оказывала влияние на «своего» союзника, чтобы снизить накал конфликтных отношений. После распа-

да биполярной структуры региональные и локальные конфликты в значительной степени «зажили своей жизнью».

И все же среди большого количества факторов, влияющих на развитие конфликтов последнего времени, особо следует выделить перестройку мировой политической системы, ее отход от Вестфальской модели, господствовавшей в течение длительного времени. Этот процесс перехода, трансформации связан с узловыми моментами мирового политического развития.

В новых условиях конфликты приобрели качественно иной характер. Прежде всего с мировой арены практически исчезли «классические» межгосударственные конфликты, которые были типичны для расцвета государственно-центристской политической модели мира. Так, по данным М. Солленберг и П. Валленстина, из 94 конфликтов, которые насчитывались в мире за период 1989–1994 гг., только четыре можно считать межгосударственными. Лишь два из 27, по оценкам другого автора ежегодника СИПРИ Т. Сейболта, в 1999 г. были межгосударственными. Вообще, согласно некоторым источникам, количество межгосударственных конфликтов на протяжении довольно длительного периода времени идет на убыль. Впрочем, здесь следует сделать оговорку: речь идет именно о «классических» межгосударственных конфликтах, когда обе стороны признают друг за другом статус государства. Это признается также другими государствами и ведущими международными организациями. В ряде современных конфликтов, направленных на отделение территориального образования и провозглашение нового государства, одна из сторон, заявляя о своей независимости, настаивает именно на межгосударственном характере конфликта, хотя она никем (или почти никем) не признается как государство.

На смену межгосударственным пришли внутренние конфликты, протекающие в рамках одного государства. Среди них можно выделить три группы:

- 1) конфликты между центральными властями и этнической (религиозной) группой (группами);
- 2) между различными этническими или религиозными группами;
- 3) между государством (государствами) и неправительственной (террористической) структурой.

Все указанные группы конфликтов являются так называемыми *конфликтами идентичности*, так как связаны с проблемой самоидентификации. В конце XX — начале XXI в. идентификация строится преимущественно не на государственной основе, как было (человек видел

себя гражданином той или иной страны), а на иной, главным образом этнической и религиозной. По мнению Дж. Расмуссена, $\frac{2}{3}$ конфликтов 1993 г. можно определить именно как конфликты идентичности. При этом, по замечанию известного американского политического деятеля С. Тэлботта, менее 10% стран современного мира являются этнически гомогенными. Это означает, что только на этнической основе можно ожидать проблемы в более чем 90% государств. Конечно, высказанное суждение — преувеличение, однако проблема национального самоопределения, национальной идентификации остается одной из наиболее существенных.

Другой значимый параметр идентификации — *религиозный фактор*, или, в более широком плане, то, что С. Хантингтон назвал цивилизационным. Он включает в себя, кроме религии, исторические аспекты, культурные традиции и т.п.

В целом же изменение функции государства, его невозможность в ряде случаев гарантировать безопасность, а вместе с этим идентификацию личности в той мере, как было ранее — в период расцвета государственно-центристской модели мира, влечет за собой усиление неопределенности, развитие затяжных конфликтов, которые то затухают, то вспыхивают вновь. При этом во внутренние конфликты вовлекаются не столько интересы сторон, сколько ценности (религиозные, этнические). По ним достижение компромисса оказывается невозможным.

Внутригосударственный характер современных конфликтов часто сопровождается процессом, связанным с тем, что в них вовлекается сразу несколько участников (различные движения, формирования и т.п.) со своими лидерами, структурной организацией. Причем каждый из участников нередко выступает с собственными требованиями. Это крайне затрудняет регулирование конфликта, поскольку предполагает достижение согласия сразу целого ряда лиц и движений. Чем больше зона совпадения интересов, тем больше возможностей поиска взаимоприемлемого решения. По мере увеличения числа сторон эта зона сужается.

Кроме «внутренних» участников, на конфликтную ситуацию воздействует множество внешних акторов — государственных и негосударственных. К числу последних относятся, например, организации, занятые оказанием гуманитарной помощи, розыском пропавших без вести в процессе конфликта, а также бизнес, СМИ и др. Влияние этих участников на конфликт нередко вносит элемент непредсказуемости в его развитие. Из-за своей многоплановости он приобретает характер «многоголовой гидры» и, уже как следствие, ведет к еще большему ослаблению государственного контроля. В связи с этим целый ряд исследователей, в частности А. Минк, Р. Каплан, К. Бус, Р. Харвей, ста-

ли сравнивать конец XX столетия со средневековой раздробленностью, заговорили о «новом средневековье», грядущем «хаосе» и т.п. Согласно таким представлениям, к обычным межгосударственным противоречиям добавляются сегодня еще и обусловленные различиями в культуре, ценностях; общей деградацией поведения и т.п. Государства же оказываются слишком слабыми, чтобы справиться со всеми этими проблемами.

Снижение управляемости конфликтами обусловлено и другими процессами, происходящими на уровне государства, в котором вспыхивает конфликт. Регулярные войска, подготовленные к боевым действиям в межгосударственных конфликтах, оказываются плохо приспособленными и с военной, и с психологической точек зрения (прежде всего по причине проведения военных операций на своей территории) к решению внутренних конфликтов силовыми методами. Армия в таких условиях оказывается нередко деморализованной. В свою очередь общее ослабление государства ведет к ухудшению финансирования регулярных войск, что влечет за собой опасность потери контроля государства уже за собственной армией. Одновременно в ряде случаев происходит ослабление государственного контроля и за происходящими в стране событиями вообще, в результате чего конфликтный регион становится своеобразной «моделью» поведения.

Надо сказать, что в условиях внутреннего, особенно затяжного конфликта, нередко ослабляется не только контроль над ситуацией со стороны центра, но и внутри самой периферии. Лидеры различного рода движений часто оказываются не в состоянии поддерживать в течение длительного времени дисциплину среди своих соратников, и полевые командиры выходят из-под контроля, совершая самостоятельные рейды и операции. Вооруженные силы распадаются на несколько отдельных групп, нередко конфликтующих друг с другом. Силы, вовлеченные во внутренние конфликты, часто оказываются настроенными экстремистски, что сопровождается стремлением «идти до конца любой ценой» ради достижения целей за счет ненужных лишений и жертв. Крайнее проявление экстремизма и фанатизма ведет к использованию террористических средств, захвату заложников. Эти феномены последнее время сопровождают конфликты все чаще.

Современные конфликты приобретают и определенную политико-географическую ориентацию. Они возникают в регионах, которые можно отнести, скорее, к развивающимся или находящимся в процессе перехода от авторитарных режимов правления. Даже в экономически развитой Европе конфликты вспыхивали в тех странах, которые оказывались менее развитыми. Если же говорить в целом, то совре-

менные вооруженные конфликты сосредоточены прежде всего в странах Африки и Азии.

Появление большого числа беженцев — еще один фактор, усложняющий ситуацию в районе конфликта. Так, в связи с конфликтом Руанды в 1994 г. покинули около 2 млн человек, которые оказались в Танзании, Заире, Бурунди. Ни одна из этих стран не были в состоянии справиться с потоком беженцев и обеспечить их самым необходимым.

Внутригосударственные конфликты продолжили свое существование в XXI в., но стали очевидными и новые тенденции, которые охватывают более широкий класс конфликтных ситуаций, — это *асимметричные конфликты*. К асимметричным конфликтам относятся конфликты, в которых силы сторон в военном отношении заведомо неравны. Примерами асимметричных конфликтов являются операции многосторонней коалиции в Афганистане в 2001 г., США в отношении Ирака в 2003 г., поводом для которой послужили подозрения о производстве Ираком оружия массового уничтожения, а также внутригосударственные конфликты, когда центральные власти значительно сильнее противостоящих им сил. К асимметричным конфликтам следует отнести борьбу с международным терроризмом, конфликты в ноябре-декабре 2005 г. в городах Франции, Германии и других стран, которые были организованы выходцами из стран Ближнего Востока, Азии, Африки. В то же время конфликты идентичности 1990-х гг. не обязательно были асимметричными.

В принципе в самих асимметричных конфликтах нет ничего нового. В истории они встречались неоднократно, в частности, когда регулярные войска вступали в противоборство с партизанскими отрядами, повстанческими движениями и т.п. Особенностью асимметричных конфликтов в XXI в. стало то, что, во-первых, они стали доминировать среди общего числа конфликтов, во-вторых, показывают слишком большой разрыв в технической оснащенности сторон. Дело в том, что в конце XX — начале XXI в. происходит революция в военном деле, которая ориентирована на создание высокоточного бесконтактного оружия. При этом часто предполагается, что противником выступает государство. Например, В.И. Слипченко пишет, что современные войны, или войны шестого поколения, предполагают «разгром бесконтактным способом потенциала любого государства, на любом удалении от противника». Здесь возникает несколько проблем. *Во-первых*, при ведении асимметричных войн с негосударственным противником (террористы, повстанцы и т.д.) высокоточное оружие нередко оказывается бесполезным. Оно малоэффективно, когда целью оказываются повстанческие отряды, террористические группы, которые укрываются в горах или

находятся среди мирного населения. Кроме того, использование спутников, камер с высокой степенью разрешения позволяет командованию отслеживать поле боя, однако, как отмечает С. Браун, «технологически более отсталый противник способен предпринимать контрмеры средствами радиолокационной дезинформации (как это делали сербы в ходе конфликта в Косово)». *Во-вторых*, наличие высокоточного оружия создает ощущение явного превосходства над противником, что верно с технологической точки зрения. Но есть еще психологическая сторона, которая часто недостаточно учитывается. Противоположная, технологически значительно более слабая сторона, напротив, делает ставку на психологические аспекты, выбирая соответствующие цели. Понятно, что с военной точки зрения ни школа в Беслане, ни театр на Дубровке в Москве, ни автобусы в Лондоне, ни здание Всемирного торгового центра в Нью-Йорке не имели никакого значения.

Изменение характера современных конфликтов не означает снижения их международной значимости. Напротив, в результате процессов глобализации и тех проблем, которые таят в себе конфликты конца XX — начала XXI в., появления большого числа беженцев в других странах, а также вовлеченности в урегулирование конфликтов многих государств и международных организаций внутригосударственные конфликты все отчетливее приобретают международную окраску.

Один из важнейших вопросов при анализе конфликтов: почему некоторые из них регулируются мирными средствами, в то время как другие перерастают в вооруженное противостояние? В практическом плане ответ крайне важен. Однако методологически обнаружение универсальных факторов перерастания конфликтов в вооруженные формы является далеко не простым. Тем не менее исследователи, которые пытаются ответить на этот вопрос, рассматривают обычно две группы факторов:

1) структурные, или, как их чаще называют в конфликтологии, — независимые переменные (структура общества, уровень экономического развития и т.п.);

2) процедурные, или зависимые переменные (политика, проводимая как участниками конфликта, так и третьей стороной; личностные особенности политических деятелей и т.п.).

Структурные факторы нередко называют также *объективными*, а процедурные — *субъективными*. Здесь прослеживается явная аналогия политической науки с другими, в частности с анализом проблем демократизации.

В конфликте обычно выделяют несколько фаз. Американские исследователи Д. Приютт и Дж. Рубин сравнивают жизненный цикл

конфликта с развитием сюжета в пьесе из трех действий. В первом определяется суть конфликта; во втором он достигает своего максимума, а затем и пата, или развязки; наконец, в третьем действии происходит спад конфликтных отношений. Предварительные исследования дают основание полагать, что в первой фазе развития конфликта структурные факторы задают определенный порог, являющийся критическим при развитии конфликтных отношений. Наличие этой группы факторов необходимо как для развития конфликта вообще, так и для реализации его вооруженной формы. При этом чем ярственнее выражены структурные факторы и больше их задействовано, тем вероятнее развитие вооруженного конфликта (отсюда в литературе по конфликтам нередко происходит отождествление вооруженной формы развития конфликта с его эскалацией). Другими словами, структурные факторы определяют потенциал развития вооруженного конфликта. Весьма сомнительно, чтобы конфликт, и тем более вооруженный, возник на пустом месте без объективных причин.

На кульминационной фазе особую роль начинают играть преимущественно процедурные факторы, в частности ориентация политических лидеров на односторонние (конфликтные) или совместные (переговорные) с противоположной стороной действия по преодолению конфликта. Влияние этих факторов (т.е. политических решений относительно переговоров или дальнейшего развития конфликта) довольно ярко проявляется, например, при сравнении кульминационных точек развития конфликтных ситуаций в Чечне и Татарстане, где действия политических лидеров в 1994 г. повлекли за собой в первом случае вооруженное развитие конфликта, а во втором — мирный способ его урегулирования.

Таким образом, в довольно обобщенном виде можно сказать, что при изучении процесса формирования конфликтной ситуации в первую очередь должны быть проанализированы структурные факторы, а при выявлении формы ее разрешения — процедурные.

8.2. ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОНФЛИКТ С ЦЕЛЬЮ ЕГО ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Современные подходы к урегулированию конфликтов во многом проистекают из их особенностей. В настоящее время наука и социальная практика, в принципе, располагают достаточно разработанной для этого технологией.

Большое значение процедурам и методам урегулирования конфликтов придает ООН. В статье 33 главы VI Устава ООН говорится, что «стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого мог-

ло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору». За активную деятельность, связанную с миротворчеством, ООН отмечена в 1988 г. Нобелевской премией.

Активность ООН в области урегулирования и предотвращения открытых форм проявления конфликтов усилилась в начале 1990-х гг., а численность ее миссий по поддержанию мира возросла. Бутрос Гали, будучи Генеральным секретарем ООН, в 1992 г. предложил развернутую «Повестку дня для мира», в которой подробно изложены различные процедуры мирного урегулирования и предотвращения конфликтов. В целом во второй половине 1990-х, а также в начале 2000-х гг. ООН уделяла миротворческим проблемам большое внимание. За деятельность в этой области ООН и ее Генеральному секретарю Кофи Аннани была вручена Нобелевская премия мира 2001 г.

Поскольку конфликты создают серьезную угрозу региональной безопасности, их урегулирование также находится в центре внимания многих региональных межправительственных организаций, в том числе ОБСЕ, АС и др. К решению этих вопросов подключаются и НПО («Врачи без границ» и др.). Тем не менее серьезной проблемой остается факт, что современные внутривосточные конфликты с их этнической и религиозной составляющей крайне сложно поддаются воздействию. Они затрагивают глубинные ценностные и эмоциональные структуры участников, поэтому, как правило, требуют длительного времени для примирения.

Деятельность по урегулированию и предотвращению конфликтов в зависимости от ситуации, характера угроз, стадии развития включает в себя спектр мероприятий — от посредничества и наблюдений за выполнением соглашения до военных операций. Многие из этих технологий разработаны и введены в практическую сферу в конце XX столетия. В целом воздействие на конфликт для его мирного завершения осуществляется за счет:

- превентивной дипломатии;
- поддержания мира;
- сохранения мира;
- восстановления мира.

Превентивная дипломатия используется для того, чтобы не дать конфликту перейти в вооруженную стадию. Она предусматривает деятельность, связанную с «восстановлением доверия» между конфлик-

тующими сторонами; работу миссий гражданских наблюдателей по установлению фактов нарушения мира; обмен информацией и т.п.

Превентивная дипломатия особенно интенсивно начала развиваться после всплесков конфликтов в конце 1980-х — начале 1990-х гг., прежде всего в Европе, когда все чаще стали раздаваться голоса в пользу того, что наиболее перспективны раннее предупреждение и предотвращение конфликтов. Эта тема особенно отчетливо прозвучала в упомянутой программе «Повестка дня для мира». Идеи предотвращения конфликтов нашли активную поддержку и у политических деятелей.

Тем не менее конкретная политика в отношении конфликтных ситуаций во многом остается реактивной, т.е. в основном действия предпринимаются после того, как то или иное событие произошло, — лишь в ответ на него. Причин здесь несколько.

Во-первых, возникают проблемы, связанные с поиском индикаторов, по которым можно судить о потенциально конфликтных районах. Несмотря на то что развернута и реализуется программа мониторинга ООН за возможными взрывоопасными зонами, четких критериев, по которым можно было бы прогнозировать, когда и где возникнет, а также в какой форме проявится очередной конфликт, не существует.

Во-вторых, встают вопросы обоснования необходимости вмешательства, принятия соответствующих решений о том, какого рода действия будут предприняты, получения необходимых разрешений для воздействия на конфликт и, наконец, финансирования предпринимаемых действий. При обсуждении всех этих вопросов существенную роль играют и чисто психологические факторы, в частности необходимость предотвращения угрозы, которой пока не существует реально.

Поддержание мира подразумевает меры, направленные на прекращение огня. Это может быть развертывание миссий военных наблюдателей, миротворческих сил, создание буферных зон, а также зон, свободных от полетов, и т.п. Вводимые миротворческие силы могут называться «чрезвычайными», «временными», «охранительными», «силами разведения», иметь различные мандаты, определяющие допустимые средства достижения цели.

Деятельность по поддержанию мира ориентирована не на поиск мирного решения проблемы, а лишь на снижение остроты конфликта. Она предусматривает разведение противоборствующих сторон и ограничение контактов между ними. В результате военные действия участников становятся затруднительными. Однако если проводить аналогии с медициной, то усилия по поддержанию мира нацелены, скорее, на снятие симптомов болезни, чем на ее лечение.

Возникает целый ряд и других вопросов и ограничений. Так, миротворческие силы не могут быть введены без разрешения государства, на территорию которого направлены, а оно в свою очередь может воспринимать это как вмешательство во внутренние дела. Другой вопрос, каким должен быть состав вводимых сил, чтобы их действия воспринимались как нейтральные, а не поддерживающие ту или иную сторону в конфликте. Деятельность вводимых сил ограничена их мандатом. Как правило, они не имеют права преследовать нападающего. В результате сами миротворцы нередко становятся своеобразной мишенью.

Сохранение мира предполагает процедуры, связанные с организацией переговорного процесса и осуществлением посреднических усилий третьей стороной для поиска взаимоприемлемых решений. Здесь важно, чтобы в отличие от поддержания мира деятельность по сохранению мира направлялась не только на снижение уровня противостояния сторон, но и на такое решение проблемы мирным путем, которое удовлетворяло бы конфликтующие стороны.

Результатом деятельности по сохранению мира не всегда является разрешение противоречий. Стороны порой лишь вынужденно идут на подписание договоренностей, понимая, что продолжение конфликта на данном этапе становится невозможным. При этом та или иная сторона может не очень стремиться к их выполнению. В этом случае нередко требуются гарантии выполнения соглашений. Третья сторона, участвующая в посредничестве, нередко и становится таким гарантом. Например, в соглашениях, заключенных между Израилем и Египтом в 1979 г., им выступили США.

Еще одна проблема использования мер воздействия на конфликт в рамках сохранения мира заключается в том, что все переговорные средства ориентированы на рациональное поведение конфликтующих сторон. В реальных же условиях участники конфликта склонны к непредсказуемым, даже иррациональным действиям, вплоть до «самоубийственных шагов», и эмоциональным реакциям.

Наконец, проблема состоит и в том, что действия по сохранению мира направлены на работу с лидерами конфликтующих сторон. Уровень же массового сознания и поведения здесь фактически не затрагивается. Поэтому после достижения договоренностей нередко возникают вспышки насилия.

Под *восстановлением мира* понимается активное вовлечение третьей стороны в постконфликтное урегулирование. Это может быть деятельность, направленная на подготовку выборов, управление территориями до полного восстановления мирной жизни, передачу влас-

ти местным органам и т.п. В рамках восстановления мира осуществляются также мероприятия по примирению конфликтующих сторон. Большое значение имеют экономическое развитие, разработка проектов, предполагающих сотрудничество бывших противников (как это было, например, по окончании Второй мировой войны в Западной Европе). Кроме того, восстановление мира включает в себя просветительскую работу, которая тоже направлена на примирение участников, формирование толерантного поведения.

Наряду с названными понятиями в литературе по конфликтам можно нередко встретить и другие, в том числе такие, как «операции или миссии по поддержанию мира», «операции или миссии в поддержку мира», «операции в пользу мира». В принципе все термины близки между собой, хотя и не всегда совпадают. Например, понятие «операции в поддержку мира» используется в основном в документации НАТО.

В связи с интенсивным развитием практики воздействия на конфликты к концу XX столетия появился термин «миротворческие операции второго поколения». Они предполагают более широкий спектр применения в конфликте третьей стороной различных средств, в том числе использование военно-морских сил и авиации. При этом военные операции стали осуществляться и без согласия государства, в котором возник конфликт, как было, например, в бывшей Югославии. Эта практика получила название «принуждение к миру» и воспринимается довольно неоднозначно.

В научной литературе утвердились также следующие понятия: предупреждение открытых вооруженных форм проявления конфликтов, сопровождающихся насильственными действиями — войнами, массовыми беспорядками и т.п.; урегулирование конфликтов, направленное на снижение уровня враждебности в отношениях сторон, что предполагает посреднические процедуры и переговоры; разрешение конфликтов, ориентированное на устранение их причин, формирование нового уровня взаимоотношений участников.

Две группы понятий, распространенных в научных исследованиях и практике урегулирования и предотвращения конфликтов, представляют собой две близкие области, которые М. Лунд назвал соответственно «С-серия» и «Р-серия» от английского языка, в котором научная терминология начинается с понятия *conflict*, а в сфере практики обычно — с понятия *peace*. В последние годы обе области испытывают все большее влияние друг друга. В результате в терминологическом плане нередко возникает путаница.

Практика урегулирования конфликтов в конце XX столетия породила также проблему, связанную с гуманитарным воздействием на

конфликтную ситуацию. В современных конфликтах страдает в больших масштабах именно гражданское население (от 80 до 90%), в том числе из-за нехватки продовольствия, медикаментов, теплой одежды, жилья и т.п. В связи с этим нередко встает вопрос о гуманитарной катастрофе и необходимости оказания гуманитарной помощи. При этом гуманитарное воздействие на конфликтную ситуацию стало осуществляться в ряде случаев без согласия государства, в котором возник конфликт, что и породило правовую проблему. Суть дискуссий сводится к обсуждению вопроса о том, не является ли это вмешательством во внутренние дела государства. Если ответить положительно, то возникают другие вопросы. Как быть с правами человека? Что делать, если в конфликтной ситуации государство нарушает права гражданского населения, проводит этнические чистки и пр., создавая тем самым проблемы не только внутри своей страны, но и для соседей из-за потока ринувшихся к ним беженцев? В рамках существующих норм все они решаются крайне сложно.

Важным в практике урегулирования конфликтов 1990—2000 гг. стало и то, что к этому процессу одновременно подключается множество участников. В традиционной дипломатии урегулированием конфликтов занимаются государства и МПО — так называемое *первое направление дипломатии*, или *официальная дипломатия*. Кроме того, в урегулировании конфликтов принимают участие НПО, отдельные лица (например, бывшие политические деятели, известные писатели, ученые). Данная практика неофициальной дипломатии получила название *второго направления дипломатии*.

Такое множественное воздействие отвечает современным реалиям — многоплановости конфликтов, множественности и разнородности их участников, а также общей тенденции, связанной с активизацией негосударственных акторов. Известно, что на разные структуры конфликта требуется различное воздействие, причем по многим каналам: на неофициальных его участников часто более эффективно воздействие неофициальных, на официальных акторов, как правило, — официальных посредников.

Деятельность неправительственных организаций в условиях конфликта может быть крайне разнообразной. Это и доставка гуманитарной помощи непосредственно нуждающимся в ней лицам, и сбор информации о реальном положении дел, и содействие в установлении контактов (как официальных, так и неофициальных) с целью снижения напряженности между участниками конфликта, и внедрение образовательных программ, ставящих своей целью изменение ориентации людей — от конфликтного поведения к поиску согласия. Иногда

деятельность НПО непосредственно связана с восстановлением разрушенных военными действиями коммуникаций, обеспечением населения в конфликте или на постконфликтной стадии продовольствием, водой и пр.

Неправительственные организации ориентируются в основном на оказание воздействия на массовом уровне, что очень важно во внутренних конфликтах. У них обычно устанавливаются довольно хорошие и обширные связи с различными слоями населения. При этом сами НПО на уровне массового сознания рассматриваются во многих случаях как более нейтральные и независимые посредники по сравнению с государственными структурами.

Работая с массами, НПО располагают порой и более детальной информацией с мест событий. Для официальных посредников обычно из-за меньшей их численности и по ряду других причин сбор такой информации оказывается затруднительным.

Однако деятельность в рамках второго направления дипломатии имеет и ряд ограничений. Нередко преимущества, которыми обладают неофициальные посредники, оборачиваются и недостатками. Так, работая с отдельными лицами в конкретном районе и получая от них информацию, представители неофициальной дипломатии нередко не видят картины в целом. Более того, информация не всегда ими проверяется, а в некоторых случаях искажается при передаче.

Другим ограничением деятельности второго направления дипломатии является то, что его представители не всегда оказываются хорошо подготовленными с профессиональной точки зрения. В неправительственные организации порой идут люди, которые искренно желают помочь урегулированию конфликта, но не всегда обладают соответствующими профессиональными знаниями и навыками. Например, реализация функций, связанных с психологической реабилитацией оказавшихся в зоне конфликта, требует профессиональной подготовки в области психологии. Одни НПО уделяют необходимое внимание профессиональной подготовке своего персонала, исходя из гиппократовского принципа «Не навреди!», в то время как другие это игнорируют, что создает трудности при подключении таких организаций, как и отдельных лиц, к урегулированию конфликтов.

Вызывает ряд трудностей и множественность участников этого процесса. Одна из главных проблем состоит в согласованности действий. В противном случае активность может вызвать даже усиление враждебных отношений или дать повод к новым конфликтам. Дело в том, что третьи лица действуют в условиях конфликта на основе принципов и норм, которые далеко не всегда совпадают, а порой и противо-

речат друг другу. Это влечет за собой развитие конфликтов, что особенно характерно для негосударственных акторов. Так, вице-президент одной из крупнейших неправительственных организаций *World Vision* А. Натсиос приводит пример распространения гуманитарной помощи во время конфликта (Руанда, 1994) в двух соседних деревнях различными НПО. В одной гуманитарной помощью обеспечивались все в ней нуждающиеся, в то время как в близлежащую деревню другая НПО доставляла гуманитарную помощь только при условии участия в проекте, ориентированном на снижение напряженности. В результате и между жителями этих деревень возник конфликт.

Особый вопрос — взаимоотношения НПО с официальными структурами. Эти контакты строятся далеко не всегда просто. Официальные власти часто стараются ограничить деятельность НПО в зоне конфликта, рассматривая ее, если НПО является международной, как вмешательство во внутренние дела (иногда не без основания). Вопрос о том, могут и должны ли НПО сохранять нейтральность в условиях конфликта, далеко не простой. С этой проблемой сталкиваются даже такие известные и крупные организации, как Международный Красный Крест. В частности, в 1960-х гг. против принципа нейтральности НПО в условиях конфликта выступил французский активист этой организации Р. Бернард Кушнер, основатель движения «Врачи без границ». Его аргументы сводились к тому, что в условиях осуществляемого геноцида гуманистически ориентированные организации не могут быть нейтральными. Однако отказ от принципа нейтральности всех НПО может вообще закрыть доступ к гуманитарной помощи по неправительственным каналам для тех, в отношении кого совершается геноцид, так как официальные власти просто не разрешат производить ее доставку.

Еще одна проблема — взаимодействие правительственных и неправительственных структур по урегулированию конфликта. Очевидно, что оно необходимо. И в связи с этим все большую популярность приобретает новое направление практики, которое получает теоретическое осмысление как *многонаправленная дипломатия*. Само понятие предполагает сотрудничество представителей официальной дипломатии с теми, кто занимается данной деятельностью в рамках второго направления дипломатии. Многонаправленная дипломатия представляет собой не просто слияние двух направлений, но и подключение к ним деловых структур, частных лиц, исследовательских и образовательных центров, религиозных деятелей, местных активистов, адвокатских и филантропических организаций, представителей СМИ, а также распределение между ними функций.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чем состоит особенность современных конфликтов?
2. Чем можно объяснить развитие конфликтов в конце XX и начале XXI в.?
3. Какие сложности возникают при урегулировании современных конфликтов?
4. Что понимается под терминами «превентивная дипломатия», «поддержание мира», «сохранение мира»?
5. Чем обусловлены дискуссии относительно гуманитарного воздействия на конфликт?
6. Какое воздействие на конфликт оказывается в рамках второго направления дипломатии?
7. В чем заключается проблема согласованного воздействия на конфликтную ситуацию с целью ее урегулирования?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бутрос Гали Б.* Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира // Доклад Генерального секретаря ООН. Нью-Йорк, 1992.
2. *Звягельская И.Д.* Этноконфессиональные конфликты и современность // Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2008.
3. *Браун С.* Сила в инструментарии современной дипломатии // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3 (15).
4. Ежегодники СИПРИ / пер. с англ. М. : Наука.
5. *Кулагин В.М.* Международная безопасность. М. : Аспект Пресс, 2006.
6. *Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. 2-е изд. М. : Аспект Пресс, 1999.
7. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / под ред. П.А. Цыганкова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
8. *Никитин А.И.* Конфликты, терроризм, миротворчество. М. : Навона, 2009.
9. *Сафранчук И.А.* Феномен «частной силы»: последствия для государственных и негосударственных акторов // Приватизация мировой политики: локальные действия — глобальные результаты / под ред. М.М. Лебедевой. М. : Голден-Би, 2008.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ И ЭКОЛОГИИ

Международные аспекты таких проблем, как рост народонаселения, его старение в промышленно развитых странах, загрязнение окружающей среды, непосредственным образом связаны с вопросами глобализации и взаимозависимостью современного мира, а также с хозяйственной деятельностью человека, неравномерностью распределения и ограниченностью природных ресурсов на Земле. В свою очередь вопросы народонаселения и окружающей среды увязаны между собой. Рост народонаселения влияет на окружающую среду по крайней мере двояким образом. Во-первых, увеличение численности проживающих на планете влечет за собой потребление большего количества продуктов питания, энергии и других ресурсов. Во-вторых, происходит возрастание экономической активности, что сказывается на загрязнении окружающей среды за счет выхлопных газов, загрязнения воздуха, водных ресурсов и т.п.

Увеличение численности проживающих на Земле людей, экологические проблемы влияют на изменение климата, окружающей среды и воздействуют не только на отдельные страны или регионы (хотя некоторые в большей степени испытывают давление тех или иных проблем), но и на все человечество в целом. Именно поэтому они получили название глобальных проблем. При их анализе М.М. Максимова подчеркивает, что все они:

- «приобрели поистине планетарный, общемировой характер, затрагивают интересы народов всех государств;
- угрожают человечеству серьезным регрессом в дальнейшем развитии производительных сил, в условиях самой жизни;
- нуждаются в неотложных решениях и действиях по преодолению и предотвращению опасных последствий и угроз жизнеобеспечению и безопасности граждан;
- требуют коллективных усилий и действий со стороны всех государств, всего мирового сообщества».

В то же время различные страны и регионы в разной степени подвержены воздействию глобальных проблем и располагают различными средствами для их решения. Отсюда и различные к ним подходы.

Каковы перспективы развития глобальных проблем, среди которых одно из главных мест занимают вопросы демографии и экологии? Насколько они угрожают человечеству? Не будут ли демографические и экологические вопросы источником новых конфликтов? Или, возможно, эти угрозы сильно преувеличены?

9.1. НАСЕЛЕНИЕ ЗЕМНОГО ШАРА

Два столетия назад английский исследователь Т. Мальтус выступил с теорией, согласно которой численность людей на земном шаре растет быстрее, чем возможности их обеспечения продуктами питания. В этом он видел серьезные политические последствия и предлагал принять меры, например, по ограничению рождаемости, среди которых одной из главных было позднее вступление в брак. Эти идеи вызвали бурную дискуссию, у них появились сторонники и противники, а сама теория оказала значительное влияние на развитие общественной мысли.

Затем на некоторое время идеи Мальтуса отошли на второй план, но в начале второй половины XX столетия, в связи с резким ростом численности населения в развивающихся странах, вновь заговорили о надвигающейся катастрофе перенаселения планеты. Это не просто возродило интерес к представлениям Мальтуса, а дало жизнь новому направлению в науке, которое получило название *неомальтузианства*.

Вопросам народонаселения были посвящены и доклады Римского клуба, объединившего различных по взглядам исследователей мира для решения глобальных проблем. Однако наихудшие опасения не оправдались: научно-технические инновации дают возможность, по крайней мере пока, более рациональными способами решать эту проблему. Так, внедрение новых научных разработок в сельское хозяйство во второй половине XX столетия позволило резко повысить урожай зерновых (производство зерна стало опережать темпы роста населения) и справиться с голодом. Впоследствии это получило название *зеленой революции*. Еще большие возможности для производства продуктов питания обещают открыть биотехнологии. Правда, здесь возникают опасения относительно того, насколько полученные с их помощью продукты безвредны для здоровья человека. Но сегодня, когда от недоедания страдают около 1 млрд человек, вопрос об использовании биотехнологий решается скорее положительным образом.

Между тем, несмотря на возможности, открываемые научно-техническим прогрессом, проблема населения Земли, а также использо-

вания человеческих ресурсов продолжает оставаться одной из важнейших в политическом развитии современного мира. Население планеты составляет примерно 6 млрд человек, причем если обратиться к истории, то можно увидеть, что этот прирост шел неравномерно. Численности в 1 млрд человечество достигло к первой четверти XIX столетия, 2 млрд — в середине XX в. Затем наблюдается резкий скачок: на 1 млрд население Земли увеличивается уже каждые 11 лет. По оценкам ООН, в последующие 50 лет оно достигнет 9300 млн человек.

Однако есть и другие прогнозы. Например, австралийские демографы более сдержанны в оценках темпов роста населения. По их подсчетам, к 2070 г. оно составит 8,4 млрд, а потом будет уменьшаться и никогда не достигнет критической отметки в 9 млрд человек. Близкой точки зрения придерживается С.П. Капица. Он считает, что население Земли находится в некоей точке, после которой его увеличения не предвидится и начнется стабилизация.

Надо сказать, что в последние годы прогнозы относительно роста численности населения стали более сдержанными. Так, эксперты ООН еще в 1980 г. предсказывали увеличение численности планеты к 2050 г. до 10 млрд человек. Причинами корректировок стали и более строгие методологические подходы к оценкам, о чем свидетельствуют работы С.П. Капицы, и более аккуратное обращение со статистикой. К этому можно добавить и другие факторы. Например, во многих государствах (прежде всего в Европе), в 1980-е гг. упала рождаемость, а в развивающихся странах демографический рост не был столь бурным, как ожидалось. В результате всех этих тенденций некоторые панические настроения, связанные с неомальтузианскими представлениями об угрозе перенаселения планеты, пошли на спад, хотя и не исчезли вовсе.

Сегодня говорят о трех вариантах основных прогнозов изменения числа живущих на Земле: резком увеличении, умеренном и незначительном.

Однако важен не только абсолютный показатель населения земного шара, но и его состав (этнический, гендерный, по возрастным группам и т.п.), а также распределение прироста и численности населения по различным регионам мира. Прирост населения осуществляется главным образом за счет стран «Юга». В связи с этим демографические проблемы тесным образом связаны с отношениями «Север—Юг». Так, Ирак имел один из наиболее высоких процентов прироста населения, который составлял около 3% в год, а Индия занимала лидирующее положение по абсолютным показателям. По некоторым оценкам, она достигнет ежегодного прироста в 600 млн человек к 2050 г. и превзойдет Китай как государство, имеющее сегодня наибольшую численность населения.

В ежегодном отчете ООН за 2001 г. отмечается, что население 48 беднейших стран мира к 2050 г. увеличится в 3 раза, несмотря на то что этот рост будет сдерживать эпидемия СПИДа в Африке. Из материалов ООН за предшествующие годы следует, что если с 1950 по 1955 г. на развивающиеся страны приходилось 79% ежегодного прироста населения, то за 1990—1995 гг. этот показатель достиг 95%. По прогнозам на 2045—2050 гг., весь прирост населения будет происходить за счет стран «глобального Юга». Такая неравномерность в увеличении численности населения между развивающимися и развитыми странами получила название *демографического разрыва между северным и южным полушариями*.

Для развивающихся стран, в которых особенно актуальна проблема увеличения численности населения, характерны высокий уровень рождаемости и многодетные семьи. Однако одновременно здесь высок и уровень детской смертности. В развитых государствах, напротив, довольно низки оба показателя — рождаемости и детской смертности. В среднем если в развитых странах на одну женщину условно приходится 1,6 ребенка, то в развивающихся — 3,4. В последние годы при оценке демографической ситуации все больше внимания обращают на эпидемию СПИДа, которая затронула, во-первых, прежде всего страны «глобального Юга»; во-вторых, молодое поколение.

Крайне высокий уровень рождаемости в развивающихся странах ведет к еще большей бедности населения, поскольку семьям необходимо содержать малолетних детей. Как показал еще Ф. Энгельс, бедные семьи вынуждены тратить значительно больший процент своего бюджета на питание по сравнению с теми, у кого доходы выше. Однако как только ВВП на душу населения увеличивается, начинают улучшаться условия жизни. В результате такие государства обычно проходят через так называемый *демографический транзит* (рис. 9.1). В начале этого процесса уровни смертности и рождаемости близки друг к другу. Затем происходит резкое превалирование рождаемости над смертностью (вследствие улучшения здравоохранения, обеспечения продуктами питания и водой). После завершения транзита две эти кривые снова сближаются, но уже за счет значительного падения рождаемости. Страны Европы и США прошли через демографический транзит в период со второй половины XVIII по первую треть XX в. Большинство же остальных государств пока находятся на стадии демографического транзита.

Если брать в целом население земного шара, то сейчас эти две кривые сближаются. Данная тенденция получила название *стабилизационного отношения* и также рассматривается как основание для признания необоснованности пессимистических настроений относительно перенаселения планеты.

Рис. 9.1. Демографический транзит¹

В период демографического транзита меняются и другие демографические показатели. Например, повышается образовательный уровень населения, увеличивается средняя продолжительность жизни. Характерное для развивающихся стран преобладание молодого населения (где семьи многодетны, а продолжительность жизни относительно низка) сменяется «лидерством» более старшей возрастной группы. Кстати сказать, по данным экспертов ООН, к 2050 г. население планеты состарится, так как возрастет продолжительность жизни. В результате 60-летних станет втрое больше, чем сейчас, а число тех, чей возраст превышает 80 лет, увеличится в 5 раз. И это несмотря на то, что каждые 9 из 10 человек будут проживать в развивающихся странах. Это влечет за собой ряд экономических проблем, связанных с обеспечением людей пенсионного возраста. Для их решения предлагаются и уже используются разные варианты, в том числе повышение возрастного порога при выходе на пенсию.

При анализе демографической политики в развивающихся странах некоторые авторы, например Л. Браун, обращают внимание на опасность попадания в «демографическую ловушку», когда государство ориентируется на увеличение рождаемости для того, чтобы получить больше рабочих рук, и не обращает внимания на высокую смертность и низкий уровень жизни, что ведет к усилению социальной напряженности и конфликтам.

Для развитых стран, прошедших демографический транзит, в отличие от развивающихся характерен либо небольшой прирост насе-

¹ См.: Goldstein J.S. International Relations. Sixth Edition. N.Y. a.o. : Longman, 2005. P. 513.

ния, либо даже его спад. Поэтому, по прогнозам ООН, к 2050 г. в развитых странах (за исключением США) будет отмечаться уменьшение численности населения. Ждет сокращение населения и Россию, по некоторым оценкам — до четверти, хотя есть и более оптимистичные прогнозы.

Внутри отдельных государств также существуют различия в приросте населения. Обычно в сельских районах он выше, чем в городских. У социальных групп с высокими доходами, как правило, меньше детей в семье по сравнению с теми, кто имеет низкие доходы.

Различия в условиях жизни населения разных стран, конфликты, нехватка ресурсов порождают такой феномен, как *миграция населения*. При оценке миграционных потоков возникают сложности: не всегда, например, удается получить точные цифры, потому что довольно большой процент составляют нелегальные иммигранты, т.е. те, кто живет в чужой стране незаконно, а также беженцы. С ними и перемещенными лицами — особые сложности. К последней группе принадлежат покинувшие места прежнего проживания из-за социальных, экологических или политических трудностей, но не имеющие при этом статуса беженца в другой стране, либо оставшиеся в пределах своей страны. Несмотря на предпринимаемые усилия, количество беженцев, согласно только официальным данным, остается высоким (рис. 9.2).

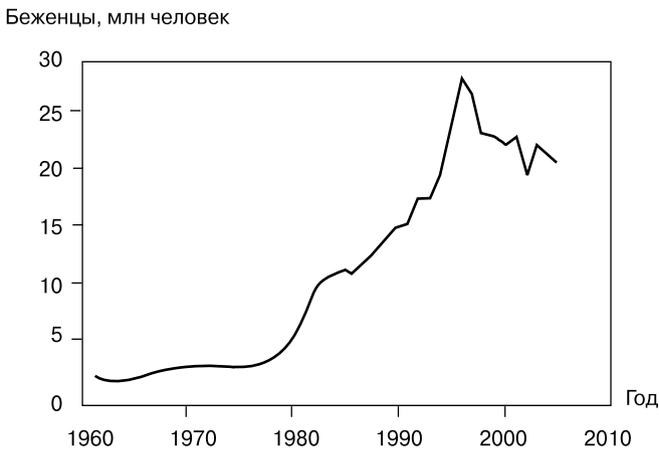

Рис. 9.2. Количество беженцев¹

¹ См.: *Kegley Ch.W. World Politics: Trend and Transformation. Eleventh Edition.* Belmont : Tomson Higher Education, CA, 2007.

Большое количество лиц, покидающих свою страну, например в Афганистане, обусловлено политической ситуацией и конфликтом в стране, а в Эфиопии — крайне тяжелыми условиями жизни. По оценкам Института мировых ресурсов, в конце 1990-х гг. за пределами своих стран было около 140 млн человек (в том числе нелегальные иммигранты и беженцы). Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев приводит цифры, согласно которым в конце XX столетия возросло число беженцев. По этим данным, их было в 1995 г. 27,4 млн человек, хотя в 1999 г. этот показатель снизился до 21,5 млн. Наибольшая численность беженцев и перемещенных лиц является следствием конфликтов. Так, еще до начала антитеррористической операции в Афганистане эту страну были вынуждены покинуть более 6 млн человек; конфликт в Руанде в середине 1990-х гг. оставил без крова около 2 млн, что оказалось настоящей катастрофой и для соседних стран, а конфликты в бывшей Югославии заставили уехать из нее около 3 млн человек. Вообще, надо заметить, Европа не знала такого потока беженцев со времен Второй мировой войны.

Основные потоки эмигрантов в 1990-е гг. направлялись в США, Канаду, страны ЕС, Австралию. В Европе в начале 1990-х гг. наибольшее число иммигрантов приходилось на Германию. Они составляли примерно 7% ее жителей. Всего в европейских странах было примерно 5% иммигрантов. А США в конце 1990-х гг., согласно данным, которые приводит Барри Хагес, принимали несколько сотен тысяч человек и еще около четверти миллиона составили нелегальные иммигранты.

Иммигранты обычно имеют меньшие доходы, чем коренное население, хотя и большие по сравнению с тем, что могли бы получить на родине. Государства по-разному относятся к иммигрантам. Дефицит рабочей силы в той или иной области побуждает к приему их на работу. Однако слишком большое число приезжих нередко ведет к социальной напряженности (поскольку они занимают рабочие места) и развитию ксенофобии (т.е. неприятию лиц другой этнической группы), росту националистических настроений и активизации националистических партий, конфликтам на этнической почве, ухудшению криминогенной ситуации в стране. К тому же иммигранты нуждаются в правовой и социальной защите (обеспечении жильем, пенсиями, образованием детей, здравоохранением и т.п.), что лишь расширяет круг проблем.

Миграция населения происходит, как уже сказано, не только между странами, но и внутри них. В современном мире прослеживается явная тенденция к перемещению сельского населения в города, что получило название *урбанизации*. Например, ожидается удвоение чис-

ленности горожан по сравнению с началом XXI в. к 2030 г., Причем 4 млрд человек, как предполагается, будут жить в городах развивающихся стран. Это улучшит их шансы на медицинское обслуживание, доступ к чистой питьевой воде, получение образования. Однако одновременно урбанизация ведет к повышению опасности эпидемий (особенно в развивающихся странах), террористических актов, техногенных катастроф со значительными человеческими жертвами. Все больше становится городов с числом жителей, превышающим 10 млн, что также создает ряд проблем — экологических, муниципального управления и т.п.

Международное сообщество начинает активно заниматься проблемами народонаселения во второй половине XX столетия. Первая конференция ООН по народонаселению в Бухаресте в 1974 г. зафиксировала феномен, состоящий в том, что экономическое развитие государства влечет за собой снижение уровня рождаемости. В связи с этим представители «глобального Юга» призвали развитые страны оказать им экономическую помощь, которая должна привести к улучшению жизни и, как следствие, к сокращению темпов рождаемости. Однако на Второй конференции ООН по народонаселению, прошедшей в Мехико (1984), был поставлен вопрос о необходимости самим развивающимся государствам внимательнее относиться к контролю за численностью населения.

Проводить политику в области народонаселения можно поощрением рождаемости, выдачей дополнительных пособий на детей, социальной защитой многодетных семей и т.п. Как и наоборот: ограничивать рождаемость экономическими средствами или законодательными нормами. Индия одна из первых стран, которая еще в начале 1950-х гг. приняла программу планирования семьи. Ко второй половине 1990-х гг. их имели уже около 100 стран мира (хотя не все были эффективными). Примечательно, что у многих развивающихся стран, согласно Б. Хагесу, такие программы либо недостаточно хорошо разработаны, либо вообще отсутствуют.

Третья конференция ООН состоялась в Каире в 1994 г. Она носила несколько иное название — по народонаселению и развитию. В самом уточнении названия нашли отражение новые подходы. Проблемы народонаселения и развития стали рассматриваться в тесной увязке. Заявлено было, например, что вопрос о стабилизации темпов увеличения населения земного шара может быть решен только в контексте более широкого комплекса проблем экономического и социального развития. Подчеркивалось также, что при контроле за численностью населения необходимо уделять больше внимания не только экономи-

ческим, но и гуманитарным аспектам, связанным с образованием, раскрытием творческого потенциала человека, которые выходят на первый план в начале XXI в.

9.2. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Окружающая среда и такие ее ресурсы, как вода, воздух, всегда были необходимыми условиями жизнедеятельности человечества. На протяжении многовековой истории окружающая среда не представляла проблемы как для него, так и для дальнейшего его устойчивого развития, предполагающего удовлетворение потребностей людей без угрозы нанесения ущерба последующим поколениям.

Во второй половине XX столетия был поставлен вопрос об охране окружающей среды, в том числе и в политическом плане, поскольку ее загрязнение в результате хозяйственной деятельности человека достигло в ряде областей порогового (критического) уровня, когда под угрозой вымирания оказались отдельные виды животных и растений и даже целые экологические системы. В дальнейшем актуальность проблемы, а также исследования вопросов экологии, популяризация этих знаний, активизация неправительственных экологических организаций и движений привели к тому, что эта тема стала широко обсуждаться.

Дополнительным стимулом для развития экологической проблематики стал ряд техногенных катастроф, которые привлекли внимание сначала отдельных стран, а затем и мирового сообщества в целом. Одной из первых стран, которая приняла предусматривающие охрану атмосферы законодательные акты, была Великобритания. Сделала она это в 1956 г.

Как отмечает П. Хаас, многие государства начинают в 1970-е гг. создавать специальные департаменты и министерства по охране окружающей среды. Если такие структуры в 1972 г. были в 26 странах, то десятилетием позднее — уже в 144 государствах. Одновременно в ряде стран возникли противоречия между соответствующими экологическими структурами, с одной стороны, и экономическими и финансовыми — с другой.

Экологическая проблема в конце 1960-х — начале 1980-х гг. была внесена в политическую повестку, прежде всего в силу того, что из-за хозяйственного ущерба, который был нанесен и продолжал наноситься природе, под вопросом оказалось дальнейшее устойчивое развитие человечества. Впрочем, и до сих пор ведутся споры относительно того, насколько велика экологическая угрозы. Одни исследователи и политики исходят из того, что хотя проблема существует, но ее острота силь-

но преувеличена, а пределы экономической деятельности человека далеко не исчерпаны. Другие видят в экологии угрозу выживанию человечества. Оба подхода к экологической проблематике — оптимистичный и пессимистичный — опираются не только на некий фактический материал, но и строят свои оценки, исходя из определенных теоретических воззрений, в том числе о природе человека, возможностях и целесообразности сотрудничества и т.п. При этом и оптимисты, и пессимисты соглашаются в том, что экономическое развитие мира влечет за собой целый ряд нежелательных последствий. Однако, если *оптимисты* (они представлены в основном теми, кто придерживается неолиберальных взглядов) полагают, что человечество способно справиться с экологическими проблемами, в том числе используя современные достижения науки и техники по очистным сооружениям, а также различные формы международного сотрудничества, то вторые настроены весьма скептически. *Пессимисты* (среди них много реалистов, а также представителей экологических течений) исходят из того, что международные институты не смогут решить экологические проблемы, поскольку национальные интересы государств, а также экономические интересы отдельных корпораций всегда окажутся сильнее, чем абстрактные интересы общего блага. Тем не менее ведется поиск решений проблем, и независимо от пессимистических прогнозов количество международных соглашений по охране окружающей среды увеличивается, а государства, в том числе и страны «глобального Юга», которые особенно испытывают экономические сложности при создании различных очистных сооружений, все больше внимания уделяют экологии.

Исследователи, занимающиеся проблемами экологии, также различаются в зависимости от того, в чем они видят основную причину обострения экологической проблематики в конце XX столетия. Одна группа авторов вслед за Т. Мальтусом склонны в основном объяснять проблему ростом численности населения и, как следствие, увеличением потребления и усилением хозяйственной деятельности, которые оказываются на пределах возможности планеты. Другие в большей степени делают акцент на политической составляющей, в которой видят обострение проблемы, либо наоборот — пути ее решения.

Сначала экологическая проблема возникла как внутрисполитическая, и лишь спустя годы она была внесена в международную повестку дня. Организация Объединенных Наций начинает активно заниматься экологической проблематикой начиная с 1970-х гг. Первая конференция ООН по проблемам окружающей среды прошла в Стокгольме в 1972 г. Она приняла решение об образовании Программы ООН

по окружающей среде, которая должна была стимулировать международное сотрудничество в этой области.

На конференции была принята Стокгольмская декларация. Принцип 21 ее гласит, что «в соответствии с Уставом ООН и принципами международного права государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды и несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции». Важным здесь являются два момента: с одной стороны, подчеркивается суверенитет государства, но с другой — указывается на ответственность. В целом значение Стокгольмской конференции состоит в том, что на ней впервые проблема сохранения окружающей среды была признана одной из ключевых проблем современности.

В последующие годы происходит «увязка» экономической и экологической проблематики. Это можно проиллюстрировать на примере Третьей Конференции ООН по морскому праву (1973—1982), которая приняла Конвенцию ООН по морскому праву. Проблема заключалась в том, что достигнуть согласия в условиях, когда в переговорах участвуют более 1000 представителей из более чем 150 стран с различным уровнем экономического и технического развития и соответственно возможностями хозяйственной деятельности в океанах, довольно сложно. Тем не менее согласие было достигнуто, и Конвенция 1982 г. предусматривала создание 12-мильной зоны для судоходства и 200-мильной — для экономической деятельности в океаническом пространстве (рыболовства, добычи полезных ископаемых). В целом Конференция зафиксировала, что океан является общим наследием человечества, регламентировала сохранение баланса между хозяйственной деятельностью и его природными ресурсами.

Новые вопросы в экологической повестке дня появились в 1980-е гг. Если ранее политические аспекты экологии ограничивались загрязнением атмосферы и водной среды, то в последующие годы к ним добавились такие, как глобальное потепление, уменьшение озонового слоя, сохранение многообразия существующей флоры и фауны.

От загрязнения атмосферы особенно страдают крупные мегаполисы, что связано прежде всего с *выбросами выхлопных газов*. По данным ВОЗ, более 1 млрд человек в настоящее время проживают в населенных пунктах, где чистота воздуха не отвечает необходимым требованиям. При этом если богатые государства принимают законо-

дательные меры и тратят немалые средства на борьбу с выхлопными газами, а также другими источниками загрязнения воздуха, то бедные не в состоянии делать это. В результате ситуация нередко оказывается критической. Один из наиболее загрязненных городов мира сегодня Мехико.

Сходная проблема существует и в связи с *загрязнением водных ресурсов*. Особенно сложно решить ее в ситуациях, когда по берегам водоемов расположены крупные города и промышленные предприятия с плохими системами очистки сточных вод.

Следующая экологическая проблема связана с *сокращением площади плодородных почв, увеличением доли пустынь и уменьшением лесных массивов*. В течение многих веков человеческая цивилизация развивалась за счет освоения новых земельных угодий. Но эти возможности оказались практически исчерпанными к началу XXI столетия. По оценкам экспертов, ежегодное приращение пахотных земель в среднем по миру составит к 2025 г. всего 0,17 га. В этих условиях развитие сельского хозяйства может осуществляться за счет его интенсификации. Однако, так же как чрезмерное освоение новых пахотных земель, активная интенсификация сельскохозяйственного производства чревата серьезными экологическими последствиями.

Приращение новых земель, например, осуществляется в том числе и за счет вырубки леса. А он, будучи ценным сырьевым ресурсом, вырубается также в коммерческих целях. В результате, по данным Института мировых ресурсов, к началу XXI в. лесная зона мира сократилась до 4 млрд га, что составляет примерно половину того, что было 8 тыс. лет назад. И даже если всего полвека назад 12% суши Земли покрывали тропические леса, то сегодня они остались только на 6% земной поверхности.

Многие страны практически потеряли свои лесные запасы. Например, у Мадагаскара их осталось всего 10%. В сложной ситуации находятся страны восточной Африки, Бразилия, Китай. Тропические леса интенсивно вырубаются в развивающихся странах (до 14 млн га ежегодно), поскольку лес составляет важную статью их дохода. В частности, Бразилия получает от экспорта леса и лесных материалов около 6 млрд дол. Серьезные последствия такой деятельности стали прослеживаться уже с 1950-х гг.

Нередко негативному воздействию подвергаются и те лесные массивы, которые восстанавливаются: засеваются они, как правило, семенами быстрорастущих деревьев одного вида с той же целью — последующей вырубки. На оскудевающих запасах леса сказываются и неблагоприятные факторы, обусловленные иной хозяйственной деятель-

ностью человека, — кислотные дожди, загрязнение воздуха и воды. Исчезновение лесов в свою очередь приводит к эрозии почвы и расширению площади пустынных земель. По приведенным Программой ООН по окружающей среде данным, уже в 1984 г. 35% суши было под угрозой развития процессов, связанных с опустошением земель и наступлением пустынь.

Сокращение лесных массивов, загрязнение окружающей среды представляют собой и одну из главных причин вымирания некоторых видов животных и растений. По оценкам экологов, сокращение среды обитания лишь на $\frac{1}{10}$ влечет за собой уменьшение количества видов почти наполовину. Кроме потери в связи с этим возможности эстетического наслаждения богатством природы трудно переоценить и экономические последствия такого расточительства для отраслей производства, которые, как, например, фармацевтическая промышленность, не могут обойтись без природного сырья.

Выброс в атмосферу большого количества газов ведет еще к одному феномену — *парниковому эффекту*. Хотя сам он описан еще в XIX в., проблема стала вызывать серьезную тревогу с 1980-х гг. На Конференции ООН, посвященной изменению климата (Торонто), 1988 г., проблема парникового эффекта была включена в повестку дня. После обсуждения этого вопроса были разработаны предложения по уменьшению выбросов газов в атмосферу.

Генеральная Ассамблея ООН в 1989 г. приняла решение о проведении Конференции ООН по окружающей среде и развитию, которая прошла в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Примерно в то же время все большие опасения стало вызывать уменьшение озонового слоя Земли. На этой конференции была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата.

Поскольку бедные и богатые страны обладают различными возможностями, конференция приняла также концепцию общей и в то же время различной ответственности за состояние окружающей среды. Отмечалось, например, что страны «Севера» с 20% населения производят около 70% выбросов в атмосферу, которые и порождают парниковый эффект. Поэтому конференция прежде всего призвала эти страны не просто быть наиболее ответственными в своих действиях, а помочь государствам «Юга» технологически и экономически в области охраны окружающей среды. Данную позицию поддержали как развитые, так и развивающиеся страны.

Конференция в Рио-де-Жанейро отметила важную роль общечеловеческой ответственности и НПО в оценке воздействия человека на окружающую среду и ее охрану. Созданной по итогам конференции межправитель-

ственной группе была поручена подготовка конференции в Киото. На заседании группы, прошедшем в Берлине в 1995 г., как отмечают А. Ламборн и Дж. Лепгольд:

- признано, что цели, поставленные Рамочной конвенцией по уменьшению вредных выбросов в атмосферу, вряд ли будут достигнуты к 2000 г.;

- указано на необходимость принятия юридических обязательств по охране окружающей среды и после 2000 г.;

- осознано, что одни только развитые страны не смогут решить проблему сохранения окружающей среды. «Глобальный Юг» увеличивает свои выбросы в атмосферу и примерно к 2030 г. достигнет тех же показателей, что и «глобальный Север»;

- решено переформулировать принципы различной ответственности государств.

Перед началом конференции в Киото межправительственная группа вновь встретилась в Бонне. На этот раз представители ЕС внесли предложение, согласно которому развитые страны должны были взять на себя обязательства к 2010 г. резко снизить выбросы в атмосферу вредных веществ, с тем чтобы уменьшить действие парникового эффекта. В отношении же тех, кто не выполнит обязательства, предлагалось вводить жесткую систему санкций и различных штрафов. Ряд государств, на которых парниковый эффект грозил отразиться в первую очередь (например, Кипр, опасющийся резкого повышения уровня Мирового океана), выступил с инициативой взять за точку отсчета не 2010, а 2005 г.

На конференции в Киото, прошедшей в 1997 г., довольно четко проявились различные точки зрения на экологическую проблему и пути ее решения. Развитые страны утверждали, что в XXI в. именно страны «глобального Юга», где некоторые государства развиваются крайне быстрыми темпами, окажутся основным источником выбросов в атмосферу. В свою очередь Китай, Индия, а также многие присоединившиеся к ним государства настаивали, что на них не должно распространяться ограничение на выброс вредных веществ в атмосферу. В качестве аргументации выдвигались два основных соображения. Во-первых, в настоящее время выбросы вредных веществ в атмосферу, которые производят развитые и развивающиеся страны, несопоставимы. Во-вторых, развивающиеся страны экономически не могут позволить себе уменьшение таких выбросов.

Несмотря на разногласия, конференция в Киото завершилась подписанием Киотского протокола, который одобрили 159 государств. Согласно данному документу, 38 индустриально развитых стран умень-

шают свои выбросы в атмосферу относительно 1990 г. по шести типам газов, которые вызывают парниковый эффект, в период с 2008 по 2012 г., в том числе члены ЕС — на 8, США — на 7, Япония — на 6%.

Данный протокол подписали 84 государства и 31 — ратифицировали к концу 2000 г. Однако это в основном небольшие, часто островные страны, для которых, с одной стороны, Киотский протокол не является слишком тяжелым бременем, с другой — они наиболее уязвимы в результате действия парникового эффекта.

В последующие годы ряд стран провел бурные дискуссии относительно возможности и целесообразности выполнения Киотского протокола. Хотя некоторые из развивающихся стран, например Аргентина, решили поддержать общую направленность Киотского протокола по сокращению выбросов в атмосферу. Но многие все же оказались вне рамок его действия, ориентируясь в большей степени на собственное экономическое развитие. Попытки разработать некую систему, стимулирующую сокращение вредных выбросов в атмосферу независимо от экономического развития стран, степени их подверженности парниковому эффекту и современного уровня выбросов, пока не привели к успеху.

В Копенгагене в декабре 2009 г. была созвана Конференция ООН по проблемам изменения климата, в задачи которой входила разработка соглашения по проблемам снижения выбросов в атмосферу. В ней приняло участие более 190 стран. Однако результаты оказались скромными. Удалось лишь выработать рамочное соглашение, которое не предполагает конкретных обязательств сторон. Кроме того, договорились о финансовой помощи развивающимся странам.

Проблема сохранения окружающей среды не ограничивается названными аспектами. Не менее остро, например, встают вопросы о *ядерных отходах* и *возможности техногенных катастроф* с глобальными или региональными экологическими последствиями. Одна из первых таких катастроф с радиоактивным заражением произошла в 1957 г. под Челябинском. Следующую крупную аварию с выбросом радиации пережила в 1976 г. Пенсильвания. И наконец, последний серьезный инцидент зарегистрирован на Чернобыльской АЭС в 1986 г.

Опасность представляют не только ядерные объекты. Не менее существенными могут быть и *последствия аварий на химических и других предприятиях*, особенно расположенных в густонаселенной местности, а также от повседневной деятельности человека. Так, трагедия, связанная с химическим производством и унесшая около 1500 человеческих жизней, произошла в 1984 г. в индийском городе Бхопал.

Другая проблема в области охраны окружающей среды — *строительство гидроэлектростанций*, которые, с одной стороны, дают воз-

возможность получения электроэнергии, причем наиболее чистым способом, с другой — изменяют экологическую ситуацию в бассейне рек, затопляя большие площади, создавая препятствия для передвижения рыб и т.п. Экономические интересы отдельных корпораций и государств нередко вступают в противоречие с интересами отстаивающих сохранность природы экологических движений, а также правозащитных организаций. Конфликтные ситуации в связи со строительством гидроэлектростанций возникали на Дунае, Амазонке и других реках.

Наконец, еще одна проблема в сфере экологии — *вооруженные конфликты и воздействие их на состояние окружающей среды*. Крупнейшие экологические катастрофы возможны даже в случае небольших, локальных конфликтов. Война в Персидском заливе в 1991 г. в связи с оккупацией Ираком Кувейта продемонстрировала, какую опасность для экологии планеты может таить в себе поджог нефтяных скважин. Потребовались усилия многих стран в тушении этих пожаров, а также при очистке поверхности земли от нефтяных загрязнений.

Однако и сама окружающая среда может стать источником конфликта. Например, из-за чистой питьевой воды, возможности питаться экологически чистыми продуктами и дышать чистым воздухом.

В целом, по оценкам Э. Харрелла, в период с 1970-х по конец 1990-х гг. в экологической проблематике наблюдается переход от обсуждения проблем, связанных с «пределами ресурсов», имеющихся на Земле, к вопросам о «пределе отходов».

Экологическая проблематика сегодня предполагает совместную работу по ее решению государств, а также межправительственных и неправительственных организаций, ТКН, экспертов и многих других лиц и организаций. В этом плане экология, пожалуй, одна из тех проблем, которые наиболее четко демонстрируют необходимость вовлечения различных международных акторов в мирополитические процессы, а также их взаимодействия при решении проблем современности.

Одновременно на примере экологической проблематики можно четко проследить междисциплинарный характер современных мировых проблем, для решения которых необходимы экспертные знания специалистов в области международных отношений, юристов, экономистов, биологов, географов, химиков и многих других. И наконец, это — проблематика, на примере которой особенно четко прослеживается стирание границ между внешней и внутренней политикой, с одной стороны, и между двумя научными дисциплинами: политологией и классическими международными (межгосударственными) отноше-

ниями — с другой. Как замечает Э. Харрелл, при анализе глобальных проблем окружающей среды политическая теория в отдельной стране более не является интеллектуально адекватным выбором.

В целом, несмотря на сложности и противоречия, с которыми сталкивается современный мир при решении экологических вопросов, приходится находить средства и способы управления ими.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Почему во второй половине XX столетия вопросы численности населения земного шара и экологии становятся глобальными?
2. В чем состоит различие подходов к проблемам народонаселения неомальтузианцев и их оппонентов?
3. Какова причина значительных различий в приросте населения в развивающихся и развитых странах?
4. Какие инструменты и методы используются при контроле за численностью населения (какова роль ООН в этом вопросе)?
5. В чем заключается суть экологической проблематики современного мира?
6. Как изменялась повестка дня по проблемам экологии на протяжении истории (назвать крупные конференции и принятые на них решения)?
7. В чем состоит опасность техногенных катастроф для окружающей среды?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Боршшопец К.П.* Современные угрозы человеческому развитию // Глобализация: человеческое измерение. М. : РОССПЭН, 2002.
2. *Вишневский А.Г.* Многополярность и демография // Россия в глобальной политике. 2008. № 1. Январь — февраль.
3. *Катица С.П.* Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле: очерк теории роста человечества. М. : Международная программа образования, 1999.
4. *Митева В.В.* Климат и экология // Современные глобальные проблемы мировой политики / под ред. М.М. Лебедевой. М., 2009.
5. *Никитина Ю.А.* Человеческий ресурс: демография и миграция // Современные глобальные проблемы мировой политики / под ред. М.М. Лебедевой. М., 2009.
6. *Харрелл Э.* Международная политическая теория и глобальная окружающая среда // Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса, С. Смита. М. : Гардарика, 2002.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

На протяжении многих десятилетий экономика оказывает сильнейшее воздействие на формирование трендов мирового политического развития. Однако в связи с изменениями, которые обсуждались в предыдущих главах учебника, прежде всего развитием процессов глобализации, в конце XX — начале XXI столетия экономическая составляющая стала выходить на первый план. Финансовый кризис конца 1990-х гг. и особенно кризис 2008—2009 гг. отчетливо продемонстрировали роль экономического фактора в мировой политике.

Осознание значимости экономики в мирополитическом развитии привело к тому, что соответствующие разделы прочно вошли в учебную литературу по мировой политике.

10.1. ВАЖНЕЙШИЕ ПОДХОДЫ К МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Экономика и политика всегда были связаны теснейшим образом. Эту взаимосвязь отражает научная дисциплина — международная политическая экономия, рассматривающая такие основные сферы, как международная торговля и международная финансовая система. Некоторые авторы, в частности Дж. Гольдштейн, выделяют в качестве отдельной области МПЭ деятельность ТНК.

Особое внимание экономический фактор в мировой политике стал привлекать к себе во второй половине XX столетия. Одним из стимулов здесь послужил энергетический кризис 1970-х гг., после которого обнаружилось, что так называемая политика высокого уровня, определяемая военной мощью, оказалась во многом бессильной перед экономикой, или политикой низкого уровня. Свою роль сыграло и поражение США во вьетнамской войне, которая наглядно продемонстрировала, что военная сила далеко не всегда способна решить все проблемы. Но были и внутренние факторы. В демократических государствах все с большей несомненностью проявлялась зависимость меж-

ду экономическими успехами страны и популярностью правительства. В свою очередь экономика по причине усиления взаимозависимости мира все сильнее становилась обусловленной международными факторами.

Первые работы, показывающие неразрывность политики и экономики в новых условиях взаимозависимого и глобализирующегося мира, появились в самом начале 1970-х гг. Это исследования С. Стрэндж, Р. Кеохейна и Дж. Ная и ряда других авторов. Большую роль в развитии МПЭ сыграли книги Р. Гилпина, в частности «Политическая экономия международных отношений», изданная, правда, несколько позднее — в 1987 г. В целом же МПЭ начинает свое интенсивное развитие с 1970-х гг.

Как и в любой другой, в этой области есть свои теоретические школы и подходы. Среди основных классических подходов обычно выделяют два наиболее распространенных — меркантилизм (государственно-центристский подход) и торговый (экономический) либерализм.

Термин «меркантилизм» заимствован представителями МПЭ из экономической истории и истории экономической мысли, где он часто используется для обозначения распространенной в XVI—XVIII вв. доктрины, ориентированной на подчинение экономической сферы политическим интересам государства. Представители **меркантилизма** исходят из того, что экономика должна служить политике и усиливать мощь государства. Великие географические открытия и последовавший за ними захват европейскими государствами новых территорий стимулировали его развитие. Накопление богатства в виде драгоценных металлов становится символом государственной мощи. Расцвет меркантилизма пришелся на XVIII в., это было обусловлено успехами взявшей его на вооружение Великобритании.

Представители меркантилизма разделяют взгляды политических реалистов относительно того, что государство должно защищать свои интересы, в том числе экономические. Согласно взглядам приверженцев этой школы, экономическая политика должна ориентироваться на развитие государства. Более того, получаемые государством от экономической активности доходы позволяют тратить больше средств на военные нужды. Авторы, придерживающиеся данного направления, выступают за государственное регулирование экономической жизни, в том числе активное вмешательство в рыночные процессы.

В современных условиях идеи меркантилизма приобретают форму *неомеркантилизма*, где центральным звеном остается первостепенная роль государства в политико-экономической жизни, но накопление золотых запасов не является столь значимым, как ранее, поскольку

сегодня экономическая и иная мощь страны не сводится к ним. Сам термин «меркантилизм», пишет Д. Калдуэлл, обязан своим происхождением двум авторам — Д. Блейку и Р. Уолтерсу.

Отмечая роль экономики в качестве мощнейшего фактора государственного строительства, сторонники неомеркантилизма ссылаются на успешный пример послевоенного развития Германии и Японии. Оба государства, как они подчеркивают, смогли занять лидирующее место в современном мире именно благодаря активной роли государства в стимулировании экономического развития.

Неомеркантилизм акцентирует внимание на различиях в экономических интересах, которые существуют между государствами в распределении между ними ресурсов и полученного продукта. При этом особо подчеркивается роль конкуренции. Неомеркантилисты ориентируются на развитие и поддержание национального производства, продвижение национальных товаров на мировой рынок. В связи с этим представители данной школы получили название *экономических националистов*. Интересно, что порой носителями идеологии экономического национализма являются не только экономисты или политические деятели, но и сами граждане, которые предпочитают покупать товары, произведенные в своей стране. Впрочем, при анализе подобного поведения нельзя не учитывать роль рекламных кампаний.

Для развития национального производства неомеркантилисты предлагают ориентироваться на *политику торгового протекционизма*, который предусматривает создание особых условий для одной или нескольких национальных отраслей и защиту их от влияния рыночной стихии. Причины, по которым государство использует политику торгового протекционизма, различны. Это может быть результат лоббирования соответствующих финансово-промышленных групп тех или иных отраслей экономики, стремление к развитию собственной новой зарождающейся отрасли, которая пока неконкурентоспособна на мировом рынке, и т.п. Политика протекционизма предполагает применение различных экономических методов. Они условно делятся на две группы — *тарифные*, которые основаны на использовании таможенного тарифа, и *нетарифные* методы, предполагающие введение квот, субсидий и т.д.

Один из наиболее простых способов защиты внутреннего рынка — *введение пошлин на импортные товары*. Обычно они устанавливаются в процентах от стоимости ввозимой продукции. В результате цена товаров на внутреннем рынке увеличивается. Пошлины не только ограничивают импорт, но и могут быть заметной статьёй дохода государства. Таможенные тарифы национальных государств обычно

предусматривают сложную структуру пошлин на различные категории и виды товаров. Однако в последнее время, как отмечают Г.М. Костюнина и Н.Н. Ливенцев, «таможенные пошлины теряют свой вес в качестве дискриминационного барьера. В целом их размер снизился с 45 до 3–4% за 1947–1998 гг.».

В качестве других инструментов, способствующих защите национальных рынков, применяются *квоты*. Импортные квоты предусматривают, сколько того или иного вида товаров в физическом или стоимостном выражении будет поставлено в страну. В крайнем своем выражении защита национального рынка может осуществляться путем запрета на ввоз определенных товаров.

Примером использования импортных квот может служить введение в США квот на ввоз автомобилей из Японии в 1980-е гг. Тогда их собственная автомобильная промышленность под влиянием импорта из этой страны испытывала большие сложности. Как отмечает Дж. Гольдштейн, отрицательным моментом в данном случае было то, что квоты ограничивали количество ввозимых автомобилей, но не их стоимость. В результате Япония быстро переориентировалась на поставки дорогих машин, что позволило их производителям сохранить рынок в США практически в полном объеме.

Импорт продукции может регулироваться государством путем различных процедур, связанных с сертификацией товара. Особенно это относится к продукции пищевой, фармацевтической и других отраслей, от которых зависит здоровье и безопасность потребителей отраслей.

Еще одним методом защиты внутреннего рынка является *субсидирование* тех или иных отраслей, например сельскохозяйственной.

Существуют также иные методы защиты внутреннего рынка. В целом же политика протекционизма может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на экономику. В частности, А.В. Холопов проводит анализ аргументации сторонников и противников политики торгового протекционизма. Ее сторонники говорят о поддержке отечественных производителей, «сохранении рабочих мест в отечественных отраслях производства, что обеспечивает социальную стабильность, а сокращение импорта увеличивает совокупный спрос в стране и тем самым стимулирует рост производства и занятости». В то же время приводятся и противоположные аргументы. Например, защита отечественных производителей необходима именно в силу недостаточной эффективности их труда. В результате торговый протекционизм ведет к ограничению конкуренции и соответственно к дальнейшей неэффективности отечественного производства.

Другой наиболее распространенный аргумент торгового протекционизма состоит во временной защите молодых отраслей. По мере их развития протекционистские меры снимаются. И здесь, считает А.В. Холопов, существуют свои контраргументы. «Во-первых, достаточно трудно определить, какая именно отрасль является действительно перспективной с точки зрения формирования новых сравнительных преимуществ страны. Во-вторых, протекционизм в отношении молодых отраслей в значительной степени снижает стимулы к повышению их эффективности, из-за чего период становления может затянуться на неопределенно долгое время. Наконец, в-третьих, в случае с молодыми отраслями предоставление субсидий или других льгот оказывается более эффективным средством поддержки, чем внешнеторговый протекционизм».

Что касается получаемых государством доходов, то здесь также есть свои минусы, на которые указывает А.В. Холопов: поступления в бюджет ставятся в зависимость от импорта. Этот аргумент корреспондирует с другой проблемой — обеспечением экономической безопасности. Так, сторонники протекционизма выступают против расширения импорта и в связи с этим против необходимости введения высоких тарифов, обосновывая это тем, что в противном случае экономика и обороноспособность страны будут зависеть от внешних факторов.

Однако в современных условиях развитие, основанное исключительно на собственных ресурсах, оказывается крайне сложным и неэффективным. По сути такая политика ведет к созданию автаркии. По такому пути, например, в свое время пошла Албания. Она, начиная с 1960-х гг., сначала ориентировалась в политическом плане на Китай, а потом, порвав с ним, стала развиваться исключительно с опорой на собственные силы и в начале 1990-х гг. оказалась одним из беднейших государств в Европе.

При ориентации только на собственные ресурсы издержки производимых товаров слишком высоки. В результате страна лишается сравнительных преимуществ, которые имеет при включении в мировое хозяйство. А они образуются благодаря тому, что государство всегда может определить такой товар, который с учетом всех издержек, включая издержки заключения и выполнения контрактов, или так называемые трансакционные издержки, производить будет выгоднее, чем другие товары и услуги. Специализация на выпуске именно этих товаров и услуг дает стране максимальный выигрыш во внешней торговле.

Использование нетарифных методов также имеет свои ограничения. Например, представители отдельных отраслей национальной экономики могут полагаться на получение субсидий и не спешить с мо-

дернизацией. В результате происходит отставание данных отраслей от мирового уровня.

Наконец, политика торгового протекционизма, как правило, вызывает ответную реакцию других государств. Они тоже стараются огрaдить свой рынок и применить аналогичные методы к странам, которые ограничивают ввоз их товаров. От этого страдают отрасли, которые ориентированы на экспорт государства, применяющего протекционистские методы.

В целом же, как и в случае с любым инструментом экономической политики, эффективность протекционистских методов зависит от того, насколько адекватно они применяются. Политика протекционизма может действительно способствовать развитию национальных отраслей, а может, напротив, вести к их неконкурентоспособности и фактическому вырождению.

Представители меркантилизма особое внимание уделяют *торговому балансу*, под которым понимается соотношение стоимости совокупного экспорта и импорта. В случае когда первый преобладает над вторым, торговый баланс будет положительным, и наоборот, при доминировании импорта он оказывается отрицательным. Как пишет В.В. Серженко, «по традиции, уходящей корнями в эпоху меркантилизма, активный торговый баланс нередко определяется однозначно как положительный макроэкономический показатель, в действительности, взятый сам по себе он далеко не всегда отражает состояние экономики в целом». Торговый баланс не является единственным индикатором, от которого зависит состояние национальной экономики. В течение нескольких лет государство без особых негативных последствий может иметь отрицательный торговый баланс, однако сохранение такого положения длительное время может быть опасным.

Во многом противоположным меркантилизму подходом является **торговый (экономический) либерализм**. Его истоки восходят к воззрениям А. Смита, Дж. С. Милля, Д. Рикардо. Именно Смиту, опубликовавшему свои работы в конце XVIII в., принадлежат идеи, что государства различаются по географическому положению, климатическим условиям, природным ресурсам и это обуславливает абсолютные преимущества. Впоследствии Д. Рикардо разработал теорию сравнительных преимуществ, в соответствии с которой, даже не имея абсолютных преимуществ, страна может получить выигрыш во внешней торговле, специализируясь на экспорте тех товаров, в производстве которых ее отставание от других стран является наименьшим.

Современный либерализм рассматривает компании частного сектора в качестве основных участников экономической сферы и видит

наиболее эффективную роль государства в том, чтобы оно не слишком вмешивалось в их экономическое поведение. Представители этого подхода подчеркивают необходимость устранения экономических барьеров, обусловленных политикой государства, так как они препятствуют свободной торговле.

Сторонники либерализма в отличие от сторонников меркантилизма подчеркивают не конкуренцию государств, а, напротив, наличие у них общих интересов, необходимость сотрудничества в экономической сфере и возможность получения взаимной выгоды. Иными словами, экономическое взаимодействие на мировой арене либералы видят как игру с ненулевой суммой. Взаимовыгодность, взаимодействие обусловлены сравнительными преимуществами, которыми обладает каждая страна. Так, Дж. Гольдштейн приводит пример Дании, не имеющей энергетических и природных ресурсов, с населением в 5 млн человек, при этом специализирующейся на производстве сливочного масла и детских кубиков *lego*. Это позволяет ей достаточно успешно существовать и оплачивать импорт необходимых товаров. Интересно, что тот же пример успеха Японии и Германии после Второй мировой войны, который представители меркантилизма интерпретируют сквозь призму успешной государственной политики, представители экономического либерализма объясняют активной включенностью этих стран в мировую экономику и сотрудничеством с другими странами. Сторонники либерального подхода исходят также из того, что получить выгоду от экономического сотрудничества государства могут через международные институты и организации. В связи с этим либерализм концентрирует свое внимание на исследовании международных институтов и режимов, позволяющих государствам добиваться своих целей.

Ряд авторов, рассматривая МПЭ, выделяет как школу *марксизм* (наряду с меркантилизмом и либерализмом), который основывается на первичности экономики по отношению к политике и делает акцент на взаимодействии в политико-экономической сфере не государств, а форм, в которых проходит борьба между имущими и неимущими. В настоящее время это направление развивается главным образом в рамках *неомарксизма* и занимается в основном проблемами отношения «Север—Юг».

Наконец, некоторые исследователи, в частности У. Данкан, Б. Джанкар-Вебстер, Б. Свитки, особое внимание обращают на такое направление МПЭ, как *теория общественного выбора*. Суть этого подхода состоит в том, что он исходит из представлений неоклассической экономической теории о человеческом поведении и подчеркивает роль внутривыборческих факторов в экономическом поведении государств

на мировой арене. Данкан, Джанкар-Вебстер и Свитки приводят таблицу сравнений перечисленных четырех подходов (табл. 10.1).

Таблица 10.1

Теоретические подходы в международной политической экономии

Признак	Классический экономический либерализм	Теория общественного выбора	Меркантилизм	Марксизм и неомарксизм
Основные положения	Должны доминировать принципы свободных рыночных отношений (отличается от политического либерализма, выросшего из политического идеализма)	Отдельные индивиды и государства являются рациональными акторами, действия которых направлены на реализацию поставленных целей	Государства используют экономику для усиления своей мощи	Экономические факторы определяют политику и общественное устройство
Важнейшие единицы анализа	Отдельные индивиды или фирмы	Группы интересов, индивиды (первичные), представители правительственных структур (вторичные)	Государства	Социальные классы (буржуазия и пролетариат) или международная капиталистическая система
Представления о дальнейшем развитии сферы международной политической экономии	Гармонизация и саморегуляция: международная экономическая интеграция через складывающийся мировой рынок	Сотрудничество или конфликт в зависимости от целей друг друга	Изначально присущее государствам соперничество и борьба, которые регулируются путем баланса сил	Изначально присущий конфликт классов. Революционные изменения до победы коммунизма

Источник: Duncan W. Raymond, Jancar-Webster Barbara, Switky Bob. World Politics in the 21st Century. N.Y. a.o.: Longman, 2002.

10.2. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI В.

Экономическая жизнь Европы дважды за XX столетие оказывалась в плачевном состоянии после мировых войн. И оба раза США явно были в лучшем положении. Однако если после Первой мировой

войны они в целом отклонили идею помощи Европе и взаимодействия с ней, впрочем, как отмечают А. Лэмборн и Дж. Лепгольд, при согласии самих европейцев, то после Второй мировой войны все было иначе.

К середине 1940-х гг. стало очевидным, что единственный экономический лидер в мире — США. В первые послевоенные годы они производили более половины всех товаров и услуг стран Запада. Будучи наиболее экономически сильным государством, США разработали и предложили проект помощи для восстановления экономики государств Европы и Японии, получивший в официальном виде название *плана Маршалла*. В соответствии с ним Западной Европе и Японии выделили около 15 млрд дол. Смысл таких финансовых вложений заключался прежде всего в противодействии распространению коммунизма в мире. В послевоенный период США поддержали и создание ЕЭС, которое впоследствии стало их основным экономическим конкурентом.

В местечке Бреттон-Вудс (США) в июле 1944 г. была проведена конференция представителей 44 государств с целью установления новых мировых правил в области международной торговли и финансовой системы. По тем временам, когда в мире насчитывалось всего 60 государств, такое число участников было весьма представительным. Однако следует иметь в виду, что большое число ныне существующих стран в тот период оставалось колониями и не было среди тех, кто разрабатывал новые правила политико-экономического взаимодействия.

Соглашения, подписанные на той конференции, стали основой так называемой *Бреттон-Вудской системы*. Участники встречи исходили из необходимости:

- стабилизировать обменные курсы валют;
- активизировать международную торговлю;
- оказать помощь странам, экономика которых в значительной степени пострадала в результате Второй мировой войны.

Несмотря на то что в конференции приняли участие 44 государства, основные соглашения разрабатывались представителями США, а также во многом и Великобритании. В целом западные государства, а именно они были основными ее участниками, строили новую политико-экономическую систему мира, как отмечает Б. Хаггес, основываясь на принципах либерализма. В то же время британскую делегацию возглавлял Дж.М. Кейнс — известный экономист и политический деятель. Он настаивал на необходимости более сильной вовлеченности государств в решение международных экономических проблем.

В целях стабилизации валютных курсов и помощи государствам, экономика которых пострадала в результате Второй мировой войны, были приняты решение о создании МВФ и проект положения о Меж-

дународном банке реконструкции и развития, который более известен как Всемирный банк. Этим были заложены основы послевоенной финансовой системы.

Международный валютный фонд создан в 1945 г. на основе Бреттон-Вудских соглашений. Имеет статус специализированного учреждения ООН. Средства МВФ образуются за счет квот государств, входящих в МВФ. Эти квоты определяются с учетом ВВП на душу населения, объема торговли и ряда других параметров. Цель МВФ — содействие международной торговле и сотрудничеству в финансовой области. Высшим органом является совет управляющих. Штаб-квартира находится в Вашингтоне.

Всемирный банк создан в 1945 г. также на основе Бреттон-Вудских соглашений. Имеет статус специализированного учреждения ООН. Штаб-квартира находится в Вашингтоне. Первоначально его деятельность была направлена на оказание содействия европейским странам после Второй мировой войны в финансовой области, а также в реконструкции и развитии экономики. В дальнейшем деятельность Всемирного банка географически значительно расширилась.

Принятие решений в рамках обоих институтов основано на так называемых *страновых квотах*. Иными словами, «вес» голоса различных стран не является одинаковым. По сути система квот означает то, что ведущие государства в современном мире контролируют деятельность основных международных финансовых институтов.

В целом, как отмечает Дж. Гольдштейн, МВФ и Всемирный банк за период с момента их создания решали три группы задач. Первоначально занимались стабилизацией финансовой системы и торговли в послевоенный период в странах Западной Европы и Японии. И с этим успешно справились. Затем в фокусе их внимания оказались развивающиеся страны (1970—1980-е гг.), а в 1990-е гг. — государства Восточной Европы, включая Россию. Решение последних двух задач оказалось более проблематичным.

В рамках Бреттон-Вудской системы была предпринята попытка «деполитизировать» экономическую сферу путем создания международных институтов — МВФ и Всемирного банка, которые являются специализированными учреждениями ООН, но в то же время довольно самостоятельны. Идея заключалась в том, чтобы снизить значение политической составляющей в экономических организациях. Впрочем, это осталось скорее на уровне пожеланий, чем реальности. Сами же созданные институты сосредоточились в основном на том, чтобы регулировать глобальные экономические процессы. Их главная ориентация, как отмечает К. Браун, состояла в поиске решения технических

проблем техническими же средствами. Так, МВФ планировался не как некий мировой банковский институт, призванный аккумулировать деньги (что, кстати, предлагал Дж. Кейнс), а как международная организация, в задачи которой входило отслеживание того, как и насколько участники соблюдают правила игры.

Бреттон-Вудская система предусматривала развитие свободной торговли. Первоначально надежды возлагались на Международную торговую организацию. Но она так и не была создана. В связи с этим большое значение имело подписание 23 государствами в 1947 г. в Женеве Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Оно было направлено на развитие свободной торговли путем снижения торговых пошлин и уменьшения иных барьеров, а также на выполнение арбитражных функций в области торговли. Генеральное соглашение по тарифам и торговле представляло собой изначально, скорее, форум для переговоров и согласования интересов, чем некий административный институт. Интересно, что идея создания подобной организации реализовывалась далеко не просто. Так, были опасения, что это повлечет за собой слишком большую степень регуляции и контроля в области торговли.

Генеральное соглашение по тарифам и торговле было преобразовано в ВТО в 1995 г. Это стало результатом Уругвайского раунда ГАТТ, который длился с 1986 по 1994 г. Функции организации и сферы деятельности расширились. В результате ВТО стала охватывать новые области — сельское хозяйство, торговлю услугами и объектами интеллектуальной собственности. Все это сказалось на административной структуре, а также расширении управленческого аппарата.

Одновременно ВТО во многом стала и символом экономической глобализации мира, что в свою очередь вызвало сопротивление в различных частях земного шара и выразилось в выступлениях против данной организации. Ее деятельность рассматривается рядом движений и объединений как угроза национальному бизнесу и социальным приоритетам. В частности, экологические движения, например, обвиняли ВТО в том, что в результате ее деятельности нарушается национальное законодательство в области охраны окружающей среды в пользу экономических выгод, и это наносит непоправимый ущерб природе.

Против деятельности ВТО выступали и некоторые союзы потребителей. Они недовольны тем, что со снижением торговых барьеров на прилавки попадают товары, которые могут быть вредны для здоровья. Например, в европейских странах более строго, чем в США, относятся к продуктам питания, полученным путем генной инженерии, а деятельность в рамках ВТО предполагает следование единым стандартам, далеко не всегда строго охраняющим здоровье граждан.

В настоящее время ВТО представляет собой ведущую международную организацию в области торговли. Ее членами стали более 150 государств, причем численность ВТО постоянно увеличивается. Важным моментом было присоединение к ВТО в 1999 г. Китая. В конце 2011 г. Россия успешно завершила длившиеся 18 лет переговоры о вступлении в эту организацию.

В числе главных принципов этой организации, во-первых, то, что снижение пошлин и других торговых барьеров предусмотрено для всех членов организации; во-вторых, это делается на основе взаимности; и наконец, в-третьих, то, что здесь не допускается дискриминация, т.е. импортируемые товары имеют тот же статус, что и произведенные в стране.

Показатель мировой торговли за период с 1970 по 1998 г. возрастал ежегодно на 4,8%, а ежегодный прирост с 1999 г., включая прогноз на 2004 г., достигает 5,9%. В целом сегодня международная торговля стала одной из тех областей, которая регулируется международным режимом, а он предполагает определенные нормы, принципы, правила поведения, а также процедуры принятия решения. Они могут носить эксплицитный и имплицитный характер, т.е. быть зафиксированными в определенных документах или представлять собой некий подразумеваемый тип поведения.

По результатам Бреттон-Вудской встречи были приняты также решения о возрождении золотого стандарта. Впервые золотой стандарт введен Великобританией в 1821 г. Он фиксировал отношение национальной валюты к золоту, поэтому до 1914 г., когда с началом Первой мировой войны золотой стандарт был отменен, финансовая система Европы была достаточно простой. Француз, который приезжал в Лондон, или англичанин, путешествующий по Франции, могли не заботиться об обмене валюты. Золото было неким единым мерилем. Французский золотой франк точно соответствовал английскому золотому соверену. Иными словами, был фиксирован паритет валют в золоте. Однако, несмотря на простоту такой финансовой системы, потенциальной проблемой оставалось свободное передвижение золота через границы. Хотя в те времена его перемещение из одной страны в другую было незначительным. Лондон был финансовым центром, и в мире доминировала английская валюта.

В межвоенный период золотой стандарт имел довольно сложную историю. Так, Великобритания попыталась вернуться к золотому стандарту в середине 1920-х гг., считая, что это своего рода символ величия Британской империи. Однако экономические и финансовые потрясения 1929–1933 гг. сделали систему крайне неустойчивой и в 1931 г. Великобритания отказалась от обмена своей валюты на золото. В результате мир оказался поделенным на торговые зоны, где «господствовали» доллар, фунт и франк.

В Бреттон-Вудсе золотой стандарт был вновь восстановлен. Однако на этот раз появилась «ключевая валюта», которой стал американский доллар. Стоимость одной унции золота была зафиксирована на уровне в 35 дол. При этом правительство США гарантировало обмен долларов на золото. В итоге (хотя, разумеется, не только по этой причине) они стали наиболее активным участником мировой политико-экономической системы. В этом плане именно после Второй мировой войны произошел отход от доминирования Европы в политико-экономической сфере. Курсы валют других стран фиксировались по отношению к доллару. В задачи МВФ входила координация валютных курсов.

Экономическая система, созданная по результатам переговоров в Бреттон-Вудсе, стимулировала экономический рост западноевропейских стран и Японии на протяжении примерно 20-летнего периода. США также развивались в это время достаточно динамично. В целом мир в 1950-х — начале 1960-х гг. пережил экономический бум. Однако все это было до тех пор, пока сохранялась уверенность в американской экономике.

По официальным данным, к 1971 г. наличие американской валюты за пределами США превышало американские запасы золота более чем на 300%. Стало ясно, что США не смогут выполнить свои обязательства по конвертации доллара в золото. В это же время США стали испытывать торговый дефицит — импорт у них преобладал над экспортом. Затраты на войну во Вьетнаме также дали о себе знать. В результате в том же 1971 г. президент Р. Никсон объявил об отказе США в поддержании паритета доллара к золоту. США девальвировали доллар на 9%, определив цену унции золота в 38 дол. В декабре того же года была проведена международная конференция с попыткой спасти систему, основанную на золотом стандарте. Тем не менее она все же рухнула в 1973 г. Большинство стран ввело плавающий курс своих валют.

Выход США из Бреттон-Вудской системы считается моментом прекращения ее существования. Этот шаг оказал положительное влияние на американскую экономику и одновременно отрицательное — на экономику европейских государств, а также Японии. Все это совпало с энергетическим кризисом 1970-х гг. и обострением экономических проблем в ряде европейских стран.

Решение о введении специальных прав заимствования МВФ принял в 1969 г. Нововведение получило название *бумажных денег*. Эмиссия специальных прав заимствования проводилась в 1970—1972 и 1979—1981 гг. А это воплотилось с 1981 г. в денежную единицу, которая формировалась на основе пяти ведущих валют (доллар США — 42%, марка ФРГ — 19%, французский франк, японская иена и английский фунт стерлингов по 13%), образующих международный резерв-

ный актив, который стал использоваться в качестве счетной и учетной единицы странами — членами МВФ, а также для расчетов с МВФ.

В рамках специальных прав заимствования не осуществлялась покупка каких-либо товаров — исключительно валют. Другой важный момент состоял в том, что покупка валют не предусматривала участие отдельных лиц или корпораций. Этим занимались только государственные центральные банки.

Одновременно с обсуждением преобразования ГАТТ в ВТО существенные изменения произошли с 1981 г. в рамках ЕС, где в декабре 1991 г. был подписан Маастрихтский договор. Европейский союз ввел в 1999 г. единую европейскую валюту — евро, сначала в безналичных расчетах, а с 2002 г. — в наличном обращении. Ее введение проходило в европейских странах с бурными дискуссиями. Великобритания, например, решила не спешить с переходом на единую европейскую валюту. Тем не менее евро стало существенным явлением в мировой финансовой системе.

Вскоре после заключения Маастрихтского договора США, Канада и Мексика подписали Договор о создании НАФТА, предусматривающий создание единого торгового пространства. Поэтапная отмена национальных пошлин, которая была рассчитана на 15 лет, началась в НАФТА с 1994 г.

С решением США о выходе из финансовой системы, образованной после Второй мировой войны, и фактическим распадом Бреттон-Вудской системы целый ряд порожденных ею структур продолжил свое существование. Во-первых, это созданные в рамках системы экономические институты — МВФ и Всемирный банк. Они по-прежнему действуют, играют важную роль в мировой системе, хотя уже совсем в иных политико-экономических условиях. Во-вторых, механизмы свободной торговли не только сохранились, но и усилились в современном мире. Всемирная торговая организация расширила сферу своей деятельности как по числу участников, так и по спектру проблем. Международный валютный фонд оказался ведущим международным институтом, который решал проблему кризиса внешней задолженности 1980-х гг. и международного финансового кризиса 1997—1998 гг. Таким образом, несмотря на то что Бреттон-Вудская система формально прекратила существование, заложенные в ее основе идеи и ряд институтов продолжают развиваться.

Сегодня важнейшими являются две тенденции политико-экономического развития:

- 1) экономическая интеграция развитых государств и создание действительно глобального рынка. В этом плане особенно значимой становится роль ВТО;

2) выделение внутри экономически развитых стран трех конкурирующих блоков-регионов: Европейского, Североамериканского и Азиатского. Рынки каждого блока являются открытыми для членов блока (минимальные торговые и иные барьеры) и отчасти закрытыми для других стран. Иными словами, блоки демонстрируют своеобразный либерализм внутри себя и меркантилизм вовне.

Несмотря на то что обе тенденции действуют одновременно, благодаря развитию телекоммуникационных, а также транспортных услуг, интеграционная тенденция все же доминирует.

В современных условиях важной тенденцией является усиление влияния на мировые процессы деятельности ТНК и непосредственно связанной с их деятельностью экономической глобализации мира. Хотя деятельность ТНК вызывает немало споров, по ряду пунктов мнения различных исследователей и аналитиков совпадают. Среди них:

- увеличивается число фирм, деятельность которых выходит за пределы национальных границ (фактически любая крупная компания сегодня так или иначе работает за пределами национальных рамок);

- становятся все более значимыми объемы деятельности ТНК, расширяется их сфера, охватывая не только продажу товаров, но и торговлю услугами;

- деятельность многих ТНК связана с новыми коммуникационными или информационными технологиями;

- активность большинства ТНК географически концентрируется в развитых или новых индустриальных странах и значительно меньше — в наименее развитых государствах;

- если первоначально большинство ТНК базировались в США, то сегодня ситуация изменилась: как отмечает К. Браун, совокупный акционерный капитал, принадлежащий иностранным гражданам в США, больше капитала, принадлежащего американцам за пределами их границ;

- все менее очевидной становится привязка ТНК к странам их базирования.

В то же время некоторые авторы полагают, что ТНК являются проводниками национального бизнеса за пределами своей страны. Подобные представления, отражающие в значительной степени идеи меркантилизма, в настоящее время вследствие глобализации все менее соответствуют действительности. Транснациональные корпорации заинтересованы в получении прибыли, поэтому в большинстве случаев прежде всего исходят из этих соображений, а не из необходимости поддержания национальной мощи того или иного национального государства.

Эти особенности ТНК во многом определяют современную экономическую ситуацию в мире, а значит, и его политическое развитие. Так, те же Соединенные Штаты Америки оказываются не в состоянии контролировать деятельность ТНК. С точки зрения мировой политики это еще одно свидетельство того, что, говоря словами С. Стрэндж, роль государства изменилась кардинальным образом. Все это заставляет государства искать новые методы воздействия на глобальные экономические процессы, в том числе развивается дипломатия, предполагающая некий симбиоз государства и бизнеса.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы основные положения меркантилизма?
2. В чем состоит суть экономического либерализма?
3. Каковы основные положения теории общественного выбора и неомарксизма?
4. Что представляет собой Бреттон-Вудская система?
5. Какие можно выделить ведущие тенденции в развитии международной политической экономии?
6. В чем заключаются особенности деятельности современных ТНК?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Афонцев С.А.* Транснациональные компании в мировой политике // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / под ред. М.М. Лебедевой. М. : Голден-Би, 2008.
2. *Буторина О.В.* Мировые финансы к 2020 году // Россия и мир: новая эпоха / под ред. М.Н. Чепурина и Е.А. Киселевой. Киров, 1999.
3. Курс экономической теории : учебник. 4-е изд., доп. и перераб. / под ред. М. Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. Киров : АСА, 1999.
4. *Сафранчук И.А.* Мировой энергетический баланс // Современные глобальные проблемы мировой политики / под ред. М.М. Лебедевой. М., 2009.
5. *Стрэндж С.* Политическая экономия и международные отношения // Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса, С. Смита. М. : Гардарики, 2002.

ПРАВО И МОРАЛЬ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Анархичный характер международных отношений, изначально заданный Вестфальской системой, регулируется международным правом. По мнению Р. Фалка, большинство правовых норм, которые используются в международных отношениях, основаны на нравственных принципах. Так, вторжение одного государства на территорию другого (как, например, было в случае захвата Кувейта Ираком в начале 1990-х гг.) не только воспринимается как противоречащее международному праву, но и оценивается большинством государств, а также другими участниками международного взаимодействия как безнравственное. Близкой точки зрения придерживается и П.А. Цыганков. Он считает, что «и право, и мораль представляют собой обязательные правила поведения, которые приобретают форму юридического или нравственного долга и ответственности за нарушение этого долга, отражая существующий уровень развития международной системы и человеческой цивилизации в целом». Тем не менее они не тождественны. Так, П.А. Цыганков указывает на два отличия:

- 1) правовые нормы зафиксированы в соответствующих документах, в то время как моральные принципы — нет;
- 2) мораль и право различаются по формам, средствам, методам воздействия, но если право предусматривает использование средств принуждения (санкции, исключение из членов международной организации и т.п.), то мораль — нет.

Кроме названных различий, необходимо указать еще на одно. Несмотря на то что в основе и права, и морали лежат ценности, мораль в значительно большей степени связана с ними и представляет собой сложное, порой противоречивое образование, где переплетаются общечеловеческие, идеологические, религиозные и иные ценности, что может вести к противоречиям.

11.1. ПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Современное международное право стало результатом долгого исторического развития. Изначально главнейшим в отношениях между

народами был вопрос о праве на ведение войны. Эта проблема неоднократно обсуждалась в трудах мыслителей Древнего мира. Само же понятие «право между народами» (лат. *jus inter gentes*) было введено в XVI в. испанцем Ф. де Витория, который говорил о христианской ответственности в отношении любого человека. А корни этого понятия можно найти в римском праве, где было *право людей* (лат. *jus inter gentium*).

Г. Гроций — голландский юрист и политический деятель, живший в период Тридцатилетней войны в Европе (1583–1645), одним из первых в знаменитой работе «О праве войны и мира» обратил внимание на необходимость разрешать споры не силовыми, а правовыми способами. Для него военные действия возможны были только в случае самозащиты или как ответ на причиненный ущерб. Именно такая война, считал он, является справедливой.

И все же, следуя мнению российского автора Ю.М. Колосова, «если исходить из первоначального смысла понятия международного права как права именно в отношениях между народами (*jus inter gentes*), то можно полагать, что первые обычные нормы зарождались еще в период первобытно-общинного строя, до становления государства... Если же толковать понятие „международное право“ как право межгосударственное, то придется признать, что оно возникает одновременно с процессом становления государственности...» Иными словами, с оформлением государства происходит становление и развитие международного права в современном понимании.

Г. Гроцию также принадлежит одна из первых разработок в определении источников международного права. Это легло в основу международного права, действующего и поныне, а имя Гроция называется в качестве его родоначальника.

Вопрос об источниках возникает в связи с тем, что в отличие от государства, где есть законодательная власть, в международном праве такого центрального органа не существует. В настоящее время, согласно ст. 38 Статута Международного Суда, источниками международного права являются:

- «международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;

- международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанный в качестве правовой нормы;

- общие принципы права, признанные цивилизованными нациями;

- судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомо-

могательного средства для определения правовых норм с оговоркой, указанной в ст. 59 Статута Международного Суда».

Международное право имеет большое значение в современном мире. Оно позволяет уменьшить неопределенность в международной среде, стабилизировать международные отношения. Различают международное публичное право и международное частное право. Оба они регулируют правовую сферу, относящуюся к международной. При этом *международное публичное*, или просто международное, право призвано регулировать отношения прежде всего между государствами. В «Дипломатическом словаре» оно и описывается как «система юридических принципов и норм, регулирующих отношения между государствами и определяющих их взаимные права и обязанности». К *международному частному* праву относятся вопросы, связанные с взаимодействием на международной арене отдельных лиц, корпораций, НПО и т.п. Оно регулирует международную торговлю, обмен международной информацией, международный туризм и другие подобные сферы деятельности.

В современном мире, как считает Дж. Рурке, международное право лучше регулирует то, что относится к политике низкого уровня: торговлю, сотрудничество в различных областях экономики, технологий, информации, туризм — сферу преимущественно международного частного права. Хуже обстоят дела в политике высокого уровня, т.е. в сфере международного публичного права. Когда затрагиваются жизненно важные интересы, пишет Дж. Рурке, государства порой нарушают международные нормы. Однако, несмотря на это, в области безопасности международное право является важнейшим регулятором международных отношений. На базе существующих международных договоров ведутся новые переговоры. Международные договоры являются и одним из наиболее важных элементов формирования международных режимов в области безопасности.

После подписания Вестфальского мира в международном праве фиксируется, оставаясь центральной и поныне, идея государственного (национального) суверенитета, означающая, что государство обладает властными полномочиями на принадлежащей ему территории и самостоятельно в международных делах. Согласно этому другие государства или иные акторы не имеют права вмешиваться во внутренние дела государства.

Суверенитет является ключевым понятием в международном праве. В теоретическом плане он теснейшим образом связан с теорией политического реализма, исходящей из представлений о государственно-центристской модели мира.

Важнейшим, вытекающим из идеи суверенитета принципом международного права является *принцип суверенного равенства государств*. Он означает, что государства юридически равны независимо от территории, населения, военной, экономической мощи и т.д. Все они обладают одинаковыми правами. Данный принцип зафиксирован в п. 1 ст. 2 Устава ООН, где говорится, что организация основана на принципе суверенного равенства ее членов. А в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (Декларация 1970 г.), раскрывается содержание этого положения. Суверенитет лежит в основе и других принципов международного права — нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела.

Кроме названных, к принципам международного права относятся также принцип мирного разрешения международных споров, принцип неприменения силы или угрозы силы, принцип сотрудничества и др. Все они зафиксированы в Уставе ООН, Декларации 1970 г. и других международных документах. Возможные споры между государствами должны разрешаться путем переговоров или юридических процедур. Согласно данным К. Холсти, в период с 1919 по 1986 г. было предпринято 168 попыток разрешить споры между государствами мирными средствами. Более того, после завершения Первой мировой войны в 70% случаев межгосударственные конфликты и споры были успешно разрешены.

Разрешение споров на мировой арене может происходить либо путем переговоров и посреднических процедур с участием или без участия третьей стороны, либо путем судебных процедур.

Международный Суд создан в 1945 г. как судебный орган ООН для разрешения возникающих между государствами споров. Его местонахождение — Гаага, Нидерланды. Он состоит из 15 судей, которые избираются членами Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН абсолютным большинством голосов на девять лет. Каждые три года состав судей обновляется на $\frac{1}{3}$. Порядок избрания судей предусматривает преемственность. Они могут быть из любой страны, которая является членом ООН, при этом все пять постоянных членов Совета Безопасности представлены судьями.

Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ООН могут запрашивать заключения Международного Суда, который приступает к рассмотрению спорных дел только при согласии на это самих государств. Например, в 1992 г. был разрешен территориальный спор между Сальвадором и Гондурасом, история которого уходит своими корнями

в середине XIX в. Обе страны пытались решить этот вопрос, в том числе военными методами, до того, как в 1886 г. обратились в Международный Суд, который и принял решения о принадлежности примерно $\frac{2}{3}$ территории Гондурасу и $\frac{1}{3}$ — Сальвадору. Территориальные же воды были разделены между этими двумя странами и Никарагуа.

Существует и ряд региональных международных судов. Один из них — Европейский Суд по правам человека при Совете Европы в Страсбурге. Он действует на основе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятой в 1950 г., и рассматривает жалобы граждан стран-участниц в случае нарушения их прав.

Международный военный трибунал, созданный после окончания Второй мировой войны, был международным судебным органом по преследованию и наказанию главных военных преступников, сражавшихся на стороне фашистской Германии. Организационное его заседание состоялось в октябре 1945 г. Сам же суд над ними прошел в г. Нюрнберге (Германия) и получил название *Нюрнбергского процесса*. К ответственности были привлечены Г. Геринг, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер и другие главные нацистские преступники. Из них 12 человек приговорены к смертной казни, семь человек — к длительным срокам тюремного заключения.

Международный военный трибунал для Дальнего Востока был образован на основе переговоров между союзными правительствами в январе 1946 г. Он заседал в Токио с мая 1946 г. по ноябрь 1948 г. (Токийский процесс). В трибунале были представлены 11 государств, в том числе СССР, США, Великобритания, Франция.

В соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН в 1993 г., в разгар войны в Боснии и Герцеговине, был учрежден Международный уголовный трибунал для бывшей Югославии в Гааге. В этой Резолюции выражалась уверенность, что судебное преследование тех, кто виновен в серьезных нарушениях международного гуманитарного права, поможет положить конец насилию на этой территории, которое угрожает миру и международной безопасности. В Гаагском трибунале прошли слушания и по делу бывшего президента Югославии С. Милошевича.

Одним из последних международных судебных институтов стал Международный уголовный суд, который был учрежден по результатам Конференции ООН в Риме в 1998 г. и в задачи которого входит рассмотрение дел, связанных с геноцидом, нарушением прав человека и т.п. В его создании большую роль сыграли МНПО.

Международное право регулирует также сферу, связанную с дипломатической деятельностью. Оно определяет функции дипломати-

ческих представительств — посольства, миссии, которые являются зарубежными государственными органами внешних сношений.

Согласно международным нормам, дипломаты, находясь в стране пребывания, пользуются дипломатическими привилегиями (рядом преимуществ и льгот) и иммунитетом (определенными изъятиями из-под юрисдикции страны пребывания). Это позволяет эффективно осуществлять деятельность без вмешательства со стороны государства, в котором они работают. Дипломатический иммунитет подразумевает в том числе неприкосновенность служебных помещений представительств, жилищ, транспортных средств, а также личную неприкосновенность. Дипломаты освобождаются от уплаты налогов. Они не могут быть арестованы. В случае же совершения преступления дипломат обычно высылается домой или он может быть привлечен к уголовной ответственности, но только с согласия своей страны. В связи с этим довольно большую известность приобрела в свое время история с безуспешной попыткой мэра Нью-Йорка Р. Джулиани привлечь к ответственности дипломатические представительства и дипломатов, нарушавших правила парковки машин. Одним из наиболее крупных по масштабам нарушений дипломатического иммунитета был захват в Тегеране американских дипломатов группой экстремистов в ноябре 1979 г. и содержание их более года в качестве заложников.

Важнейший международный документ, в котором определены принципы и правовые нормы, регулирующие дипломатические отношения между странами, — Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. В ней зафиксирован порядок установления дипломатических отношений, определены классы дипломатических представительств, содержатся нормы, связанные с объявлением дипломата персоной *нон грата* (лат. *persona non grata*), т.е. нежелательным лицом в данной стране, и т.п. В Венской конвенции приведены также описания дипломатических привилегий и иммунитета.

В течение XX столетия международное сообщество большое внимание уделяло законам и обычаям войны, т.е. нормам международного права, которые устанавливают права и обязанности воюющих государств в отношении начала вооруженных действий, гражданского населения, военнопленных и т.д. Их смысл состоит в том, чтобы избежать наиболее жестоких методов действия во время вооруженных конфликтов, а также защитить мирное население. Здесь две большие группы вопросов. Первая связана с началом войны, вторая — с самим характером ее ведения, в том числе обращением с военнопленными, гражданским населением и т.п.

Довольно подробно правовые аспекты начала вооруженных действий и правил ведения войны рассматривались на Гаагских конференциях мира 1899 и 1907 гг. На них были приняты конвенции, касающиеся законов и обычаев войны.

После Первой мировой войны вопрос об использовании вооруженной силы становится особо актуальным. В статье 16 Устава Лиги Наций говорится, что «если Член Лиги Наций прибегает к войне, вопреки обязательствам, принятым в ст. 12, 13 или 15, то он *ipso facto* рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги Наций. Последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые и финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Устав».

Следующей важной попыткой предотвратить военные действия было заключение Пакта Бриана—Келлога. Его предыстория такова. Министр иностранных дел Франции А. Бриан весной 1927 г. обратился к своему коллеге — государственному секретарю США Ф. Келлогу с предложением о заключении двустороннего соглашения, которое запрещало бы войну в качестве средства национальной политики. В ответ последовало предложение заключить договор на многосторонней основе. После этого представителями США, Франции, Великобритании, Германии, Италии, Бельгии, Канады, Австрии, Новой Зеландии, Южноафриканского Союза, Ирландии, Индии, Польши, Чехословакии и Японии в 1928 г. в Париже был подписан пакт. Чуть позднее к нему присоединился СССР, а к началу Второй мировой войны — более 60 государств. Пакт ставил вне закона развязывание войны, хотя и не подразумевал автоматических санкций в отношении агрессора. В то же время подписавшие его государства имели право на оборону. Инициаторы пакта А. Бриан и Ф. Келлог впоследствии были удостоены Нобелевской премии мира.

К сожалению, все эти документы и договоренности не позволили предотвратить развязывание Второй мировой войны. Но по ее окончании вопрос о разработке мер, которые препятствовали бы агрессии, заявил о себе с новой силой. Это находит отражение и в принятых документах. Прежде всего в Уставе ООН, где в ст. 2, п. 3 говорится, что все члены ООН «разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость». Далее в п. 4 говорится о том, что все члены ООН «воздерживаются в международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом».

В то же время ст. 51 допускает право на самооборону. В ней сказано, что «Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права

на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации Объединённых Наций». А статья 39 предоставляет Совету Безопасности ООН право определять «существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и дает рекомендации или решает, какие меры следует принять в соответствии со ст. 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности». Однако если ст. 41 предусматривает меры, не связанные с использованием вооруженных сил, то ст. 42 наделяет Совет Безопасности ООН правом «предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

Большое значение для развития правовой сферы, связанной с законами и обычаями войны, имели Женевские конвенции о защите жертв войны (1949) и дополнительные протоколы к ним (1977). Эти документы направлены на защиту раненых, больных, военнопленных, а также гражданского населения во время вооруженных конфликтов. Участниками их разработки и реализации стали более 150 государств.

В Уставе ООН и других перечисленных международных документах указывается на потенциальную угрозу со стороны одного или группы государств; регламентируются их действия в отношении друг друга или граждан. Сегодня с особой остротой встает проблема, связанная с террористическими организациями, которые могут располагаться и действовать на территории целого ряда государств, а также правом применения силы при борьбе с терроризмом. Сложности здесь возникают и в связи с тем, что целый ряд понятий очень сложно поддается определению. Прежде всего это относится к терроризму. Как уже отмечалось, то, что одни характеризуют как террористические действия, другие считают борьбой за свободу. Грань здесь весьма условная, поэтому все попытки определить терроризм, в том числе в рамках ООН, оказывались безуспешными. Неопределенность понятия ведет и к трудностям при разработке правовой базы для борьбы с терроризмом.

Интересный вариант разрешения данной проблемы предлагает директор контртеррористического центра США Б. Гарнор, считая, что нормативный принцип, касающийся состояния войны между двумя государствами, может быть перенесен на конфликт между государством и НПО. Он предлагает различать два феномена — «партизанская война» и «терроризм», в зависимости от того, что именно выступает в качестве объекта нападения — военные силы в случае партизанской войны или гражданские объекты при террористических актах. Иными словами, цели партизан — военные, в то время как террорист преднамеренно атакует гражданское население. При таком раз-

личении, пишет Б. Гарнор, террористическая организация не сможет утверждать, что представляет собой движение «борьбы за свободу», служит национальному освобождению или какой-либо иной «высокой» цели. Даже при том, что декларируемое подается как «законное», организация, которая делает мишенью гражданские цели, является террористической по самой своей сути.

Исследователи Б. Рассет, Х. Старр и Д. Кинселла представили сравнительный анализ основных проблем войны и мира, затрагиваемых в крупнейших международных документах. Это позволяет наглядно продемонстрировать, какие из них были в центре внимания общества начала XX в. и какие появились позднее (табл. 11.1).

Таблица 11.1

**Сравнительный анализ основных проблем войны и мира
в крупнейших международных документах**

Затрагиваемая проблематика	Гаагские конвенции	Женевские конвенции	Нюрнбергский процесс	Устав ООН	Документы Генеральной Ассамблеи ООН
Мирное разрешение международных споров				•	•
Использование сухопутных сил	•	•			
Использование морских сил	•				
Использование военно-воздушных сил	•				
Использование оружия массового поражения	•	•			•
Обращение с гражданскими лицами	•	•			
Обращение с заключенными	•	•			
Судебное преследование военных преступников		•	•		•
Проблема нейтралитета	•				
Вопросы военной оккупации	•	•			
Терроризм					•

В процессе исторического развития, усложнения международно-го взаимодействия развивалось и международное право. Тем не менее одной из важнейших проблем, по мнению ряда исследователей в области мировой политики, был и остается вопрос применения правовых норм. В отличие от любого государства на мировой арене нет ни центральной власти, ни полиции. По этой причине в Международном Суде рассматриваются в основном дела, имеющие второстепенное для мирового сообщества значение. Разрешение территориального спора между Сальвадором и Гондурасом было скорее исключением.

В международном праве отсутствуют также институты, которые занимаются законотворчеством. Поэтому некоторые исследователи говорят о том, что оно фактически фиксирует нормы, которым и без того следуют государства. Например, С. Хоффманн в связи с этим заметил, что «правила поведения» в международном праве становятся «правилами для поведения».

И все же государства стараются следовать международным нормам, ожидая тех же действий от других. Так, во время Второй мировой войны и СССР, и Германия, обладавшие, как упоминалось, химическим оружием, не стали все-таки его применять и действовали в соответствии с Женевским протоколом 1925 г., поскольку опасались ответных действий со стороны противника.

Важным моментом является и международная репутация, которая самым непосредственным образом влияет на включенность государства в международное сотрудничество. Существует ответственность, закрепленная в международных договорах. Например, Устав ООН предусматривает ее за действия, связанные с нарушением международного мира и безопасности. В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, обращается внимание на то, что каждое государство обязано добросовестно выполнять международные обязательства.

Другая проблема — возможное противоречие между международным правом и национальным законодательством. Обычно исходят из приоритета международного права. Однако принцип суверенитета позволяет государству им пренебрегать. Особенно в прошлом, когда, согласно Вестфальским договоренностям, было предусмотрено божественное или священное право королей. В результате гражданам оказывались беззащитными перед возможным террором со стороны властных структур. Хотя и сегодня, при диктаторских режимах, граждане могут преследоваться за свои убеждения, а права человека нарушаться.

Поскольку международное право не регулирует внутреннее законодательство, то к такому государству могут применяться лишь политические и экономические меры воздействия, включая принятие резолюций ООН, санкции, осуждающие политический режим, который ограничивает права тех или иных групп (например, как было в случае режима апартеида в Южной Африке и т.п.). В связи с этим Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в обращении 1999 г. к Генеральной Ассамблее ООН высказался за пересмотр понятия суверенитета, а также национальных интересов, заявив, что в традиционном понимании они не позволяют избежать гуманитарных катастроф.

Права человека, принцип самоопределения народов и наций, с одной стороны, и сохранение суверенитета, принцип невмешательства во внутренние дела, с другой — наиболее дискутируемые в настоящее время вопросы, выходящие за рамки правовых проблем. Наиболее явно это проявилось в конфликте в Косове. Западные страны исходили из требований соблюдения прав человека, а потому и необходимости гуманитарного вмешательства. При этом в качестве аргумента приводилась, в частности, ссылка на ст. 55(с) Устава ООН, где говорится о содействии этой международной организации «всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии», а также ст. 56, в которой сказано, что государства — члены ООН «обязуются предпринимать совместные и самостоятельные действия в сотрудничестве с организацией для достижения целей, указанных в ст. 55». Защиту прав человека предполагает и Всеобщая декларация прав человека.

В то же время, например, официальная российская позиция заключалась в необходимости соблюдения национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Этот ключевой в международном праве принцип содержится также в Уставе ООН. Кроме того, аргументация строилась на том, что в противном случае человечество вступает на крайний зыбкий путь, где грани между агрессией и гуманитарным вмешательством оказываются размытыми. Под предлогом последнего может совершиться и вторжение на территорию другого государства. Кстати, соблюдение принципа суверенитета странами Запада в событиях 1956 г. (в Венгрии) и 1968 г. (в Чехословакии) во многом позволило избежать потенциального глобального столкновения.

Спорным является и вопрос относительно степени возможного гуманитарного воздействия на другую страну. Одно дело — помощь медикаментами, продуктами питания в случае гуманитарной катастрофы, и совсем другое — введение вооруженных сил на территорию государства без его согласия.

Все эти вопросы пока остаются нерешенными, вызывая многочисленные дискуссии специалистов по праву, международным отношениям, политиков. А основным остается неясность относительно того, что брать за своеобразную точку отсчета — государство или отдельно человека? При ответе на этот вопрос следует иметь в виду, что на сегодняшний день большинство норм ориентировано на государство.

Наконец, еще одна проблема, о которой необходимо сказать. Начиная с подписания Вестфальского мира государства были субъектами международного права. И это хорошо отражало реалии того времени. Но сегодня все более активно действуют на мировой арене другие акторы, причем негосударственные, прежде всего ТНК, которые обладают огромными финансовыми средствами и политическим влиянием. В связи с этим одна из точек зрения сводится к тому, что они должны быть наделены международной правосубъектностью. Противоположная позиция состоит в том, что делать это не следует. Например, Ю.М. Колосов считает, что «если признать субъектом международного права только то образование, которое способно участвовать в межгосударственных отношениях, придется согласиться с тем, что никакая компания не обладает присущими государству качествами, а потому не способна участвовать в таких отношениях. Далее он констатирует, что заключаемые между государствами и компаниями договоры — это не межгосударственные соглашения, а гражданские сделки, которые относятся к сфере гражданского (международного частного) права».

Названные проблемы, а также ряд других отнюдь не умаляют роль международного права в современном мире, а лишь указывают на наиболее сложные и дискуссионные вопросы. Международное право, как и любая другая сфера, развивается. Например, в связи с расширением взаимодействия между государствами в области культуры, образования и науки в конце XX в. бурное развитие получило гуманитарное право. Европейская интеграция привела к формированию европейского права, в котором особое внимание уделяется вопросам его отношений с национальным правом государств — членов ЕС и с международным правом.

Как, по каким новым направлениям будет развиваться международное право, а главное — как реагировать на те изменения, которые сегодня претерпевает политическая структура мира? По мнению В.М. Кулагина, «если согласиться с наличием в нынешней политике изменений качественного характера, то логично предположить и не менее радикальные изменения в своде правил, регулирующих поведение участников политического взаимодействия».

Действительно, в начале XXI в. становится крайне сложно действовать в жестких рамках, в том числе и правовых, классической Вест-

фальской модели мира. Международное право является важнейшим инструментом стабильности международных отношений. В связи с этим все отчетливее вырисовывается необходимость принятия решений по целому комплексу вопросов, с тем чтобы, с одной стороны, сохранить все положительное в нем, наработанное в течение столетий, а с другой — учесть то качественно новое, что появилось в политической структуре мира за несколько последних десятилетий.

11.2. МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Мораль в мировой политике подразумевает оценку тех или иных действий на мировой арене с точки зрения того, насколько это хорошо или плохо, правильно или неправильно, нравственно или безнравственно. Само понятие «мораль» происходит от латинского слова *mores*, означающего применение чего-либо на основе общепринятого — общих ценностей и традиций.

Перед политиками всегда возникали вопросы морали. Но ответы на них давались различные. Так, в «Мелосском диалоге» Фукидида афиняне связывают мораль с силой — более слабый должен принять то, что ему навязывает сильный. Этот постулат в дальнейшем был воспринят реалистской традицией в международных отношениях.

С моральными проблемами политики сталкиваются на каждом шагу и сегодня, начиная с продажи оружия и заканчивая организацией помощи наиболее бедным странам. В последнем случае возникает вопрос: не окажется ли эта помощь в руках политической элиты, а наименее защищенные слои населения будут ее лишены, или — не будут ли подобные действия служить основой для развития иждивенческих настроений?

Проблема морали довольно часто встречается в риторике политических и общественных деятелей. Нередко это имеет политическую подоплеку. Например, обращение к моральным аспектам политики постоянно прослеживалось в эпоху холодной войны.

Если одним из отцов-основателей международного права принято считать Г. Гроция, то этические начала современной мировой политики во многом были заложены И. Кантом. Философ исходил из того, что участники социального взаимодействия (и государства в том числе) изначально, по самой своей природе, ориентированы на сотрудничество для получения взаимной выгоды. При этом они могут сотрудничать, лишь уважая интересы и намерения друг друга. В этом случае им нет необходимости создавать некие властные структуры, которые их принуждали бы работать по правилам. Этими идеями руководствовались первые исследователи и практики, принадлежащие к школе политического идеализма. Представления И. Канта легли в основу идеи

создания международных организаций. Предполагалось, что сотрудничество во имя общих целей будет закрепляться в последующем и такое поведение станет привычным.

Универсальны или обусловлены культурными особенностями моральные нормы? При ответе на этот вопрос существует два подхода. *Первый подход* исходит из невозможности сформулировать общие для всего человечества моральные принципы. Этот подход к морали в мировой политике называется *релятивистским*. Как пишут П. Виотти и М. Кауппи, моральные оценки тех или иных действий в этом случае могут быть даны только в контексте определенной культуры.

Представители данного направления отвергают существование универсальных человеческих норм и прав. Они подчеркивают, что моральные принципы во многом обусловлены культурой и историей. Например, широко принятые в настоящее время представления о том, что демократия — это хорошо, а дискриминация по расовому, национальному, гендерному и прочим признакам — плохо, стали действительно таковыми лишь в XX столетии. На их основе принимались многие решения. В то же время другие моральные принципы еще не стали общепризнанными. Это касается, например, уничтожения биологических видов, о чем шла речь в главе 10. Многие видят в уменьшении разнообразия живущих на Земле биологических видов проблему экономическую (например, для фармакологической промышленности), а не моральный ее аспект.

Противоположная позиция у тех, кто полагает, что существуют универсальные общечеловеческие нормы. К ним относятся, в частности, представители либеральной школы. Говоря об универсальности моральных норм в мировой политике, М. Амстуд подчеркивает тот факт, что базовые представления едины для всех народов, и ссылается на категорический императив И. Канта: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» и «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого».

Веберовское различие «этики убеждений», основанной на вечных ценностях, и «этики ответственности», исходящей из важности последствий политических действий, имеет непосредственное отношение к вопросам морали в мировой политике. Если представители первого направления полагают, что цели и средства, используемые на международной арене, должны быть моральными, то приверженцы второго подчеркивают лишь необходимость того, чтобы моральному критерию отвечал конечный результат. Например, Дж. Най исходит из того, что внешняя политика, основанная на моральных принципах, должна учитывать цели, средства и результаты предпринимаемых шагов.

В рамках первого направления сложности возникают в случае, когда последствия предпринятых на мировой арене с самыми добрыми намерениями действий оказываются аморальными. Сам М. Вебер предлагал смириться с тем, что могут использоваться не совсем чистые средства. Но и *второй подход*, ориентированный на оценку конечного результата, не является бесспорным. Последствия порой оказываются противоречивыми. Так, нередко экономическая выгода от реализации того или иного проекта (например, строительства гидроэлектростанции) вступает в противоречие с вредом, наносимым природе. Найти ответ в разрешении данной дилеммы весьма непросто. Даже когда эксперты приходят к согласию по фактической стороне дела, они нередко расходятся в моральных оценках проблемы.

Другим примером неоднозначности конечного результата, вызывающей дискуссии относительно моральных аспектов, может быть вопрос об использовании ядерного оружия с более точным наведением. Казалось бы, оно и рациональнее, поскольку позволяет сократить потери среди мирного населения. Однако при этом совокупный эффект (в том числе экологические, отдаленные последствия заражения территории радиацией и т.п.), а также сам факт применения ядерного оружия, который во многом снимает моральную ответственность за нанесение ответного удара, делают возможность его использования с моральной точки зрения крайне уязвимой.

Американский исследователь М. Амстutz выделяет три основные моральные традиции в международных отношениях и мировой политике:

- 1) скептицизм в отношении морали;
- 2) космополитизм;
- 3) коммунитаризм.

Он пишет, что в основе скептицизма лежит этика ответственности, космополитизма — этика убеждений, коммунитаризма.

Скептицизм в отношении морали связан с политическим реализмом. Эта традиция, в отличие от цинизма, не отрицает наличия на мировой арене моральных принципов. Ее представители настаивают на том, что в мире не существует единых стандартов в отношении морали. Государства должны руководствоваться своими национальными интересами, действуя при этом из соображений прагматизма и благоразумности, а политические деятели — исходить из принципа рациональности, просчитывая возможные последствия своих шагов. Этой традиции придерживались, в частности, бывший государственный секретарь США Д. Ачисон, известный американский дипломат и исследователь Дж. Кеннан и др.

Космополитизм наиболее тесно связан с кантовской традицией. Он основывается на убеждении о существовании в мире единой универсальной морали. Причем роли морали в мировой политике придается большое значение. Одним из наиболее ярких представителей космополитической традиции был президент США В. Вильсон. Странником этих взглядов был также президент США Дж. Картер.

Для представителей этой традиции важнейшей моральной проблемой являются права человека. В рамках этой традиции считается аморально защищать национальные интересы в ущерб правам человека, поэтому поддерживаются акты, связанные с гуманитарной интервенцией ради защиты прав человека.

Коммунитаризм, как и космополитизм, исходит из представлений о существовании таких единых моральных норм и традиций, как равенство, экономическое процветание и т.п. Политические деятели должны руководствоваться и национальными интересами, и соображениями морали. Представители этой традиции подчеркивают сложность любой ситуации, складывающейся на мировой арене, поэтому считают, что не существует простых и однозначных решений.

Проблема морали в мировой политике особенно остра в ситуации вооруженного конфликта. Пример так называемого морального парадокса приводит М. Николсон. Он пишет, что убийство практически в любом обществе рассматривается как одно из тяжчайших преступлений, часто карающееся смертной казнью, а убийство противника во время войны — как доблесть. Впрочем, далеко не все видят в этом примере парадокс. Так, для квакеров (членов религиозной христианской общины) любое убийство является убийством. И с моральной точки зрения всегда достойно осуждения.

Моральные установки, которые исходят из отрицания любой войны, получили название *пацифизма*, а движения, исповедующие подобные взгляды, — *пацифистских*. Своими корнями пацифизм уходит в период раннего христианства и отвергает использование любых насильственных методов. Кроме квакеров, пацифистских взглядов придерживались М.Л. Кинг, М. Ганди и целый ряд других политических и общественных деятелей.

Во многом противоположны этим моральные принципы в отношении войны у тех, кто полагает, что любые вооруженные действия в интересах государства допустимы и поэтому могут быть оправданными. Они исходят из реалистских представлений о роли государства. Причем история знает немало случаев, когда давались указания об уничтожении целых населенных пунктов только на том основании, что там среди мирного населения могли быть вооруженные противники.

Некое «срединное» положение между этими двумя точками зрения, как пишут Б. Рассет, Х. Старр и Д. Кинселла, занимают те, кто полагает, что применение оружия является морально допустимым средством в политике. Они исходят из коммунитаризма и считают, что, во-первых, все зависит от причин использования оружия. Например, одно дело самооборона, другое — завоевание. Во-вторых, важно, как ведется война: страдает ли мирное население, как обращаются с военнопленными, какое оружие применяется и т.п.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чем совпадают и в чем расходятся международное право и мораль?
2. Какова роль понятия «суверенитет» в международном праве?
3. Что представляют собой законы и обычаи войны (какие важные международные документы в этой области были приняты)?
4. Как в правовом отношении регулируется деятельность дипломатических представительств за рубежом?
5. Какие проблемы возникают в международном праве (каковы возможные подходы к их решению)?
6. Являются ли моральные нормы универсальными или они обусловлены культурно-историческими особенностями?
7. Каковы основные характеристики скептицизма, космополитизма, коммунитаризма в области морали?
8. Какие моральные подходы существуют в отношении применения военных действий?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека. ГА ООН 10 декабря 1948 г.
2. Статут Международного Суда.
3. Устав ООН.
4. *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М. : РОССПЭН, 2000.
5. *Дериглазова Л.* Международное судебное и внесудебное правосудие // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 1 (16). Январь — апрель.
6. *Кулагин В.М.* Политико-правовой режим современных международных отношений // Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова. М. : Просвещение, 2000.
7. Международное право : учебник / отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. М. : Международные отношения, 1998.
8. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М. : Гардарики, 2002.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Проблема образования пока не стала столь же традиционной темой в учебной литературе по мировой политике, как экономические или правовые аспекты. Хотя именно человек с его знаниями и умениями все с большей очевидностью становится главной движущей силой в политическом развитии мира, а значит, и мировой политики. Подобно тому как в свое время экономический фактор потеснил военный, сегодня развитие человеческого потенциала выходит на передний план, опережая другие приоритеты. И это понятно: человек вносит решающий вклад в современное производство, экономику, культуру, науку. От того, каким будет он сам и его образовательный уровень, зависит будущее. В этом смысле образование становится политикообразующим фактором современного мира.

Впрочем, знание всегда было движущей силой социального прогресса. Еще английский философ конца XVI — начала XVII в. Фрэнсис Бэкон заметил, что сила заключается во владении информацией. И был абсолютно прав. Однако с еще большим основанием его слова можно отнести к современному периоду с той лишь поправкой, что силой является не сама по себе информация, а умение анализировать, использовать ее.

12.1. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Постиндустриальная эпоха — с новыми технологиями и связанными с ними информационными, коммуникационными отраслями, а также биотехнологиями — предъявляет качественно новые требования к человеку. Не случайно довольно много об образовательном факторе в политике пишут авторы, которые ориентируются на идеи, разрабатываемые в рамках постиндустриального, или информационного, общества. В частности, Д. Белл обратил внимание на то, что формирующееся новое информационное общество основано на знаниях — «интеллектуальной технологии». Другой автор, один из наиболее известных специалистов в области мировой экономики глобальных проблем,

Л. Туроу назвал эти новые отрасли «искусственными интеллектуальными отраслями».

Ориентация на «интеллектуальное производство» потребовала изменения образовательной сферы. Существенные сдвиги в этой области произошли во второй половине XX столетия вследствие процессов глобализации и связанных с ними измененных, повышенных требований к человеку. Главным ресурсом становятся знания, а также умения применять их и создавать новые.

Знания, в отличие от сырья, не являются исчерпаемым ресурсом. Они, наоборот, постоянно приращиваются: одни влекут за собой другие, новые. По оценкам Всемирного банка, в настоящее время на традиционный, «физический» капитал приходится лишь 16% общего объема мирового богатства, 20% — на природный, а остальные 64% составляет человеческий капитал, который включает в себя прежде всего уровень квалификации, а значит, и образование.

Возросшая роль знаний особенно четко прослеживается в развитых странах. Различия в уровне образованности становятся главным критерием в получении будущих доходов. Если в США с 1978 по 1987 г. доходы в среднем выросли на 17%, то у выпускников колледжей — на 48%. При этом у лиц с незаконченным высшим образованием доходы снизились на 4%. Таким образом, человек, получивший хорошее образование, не только обретал высокий социальный статус, но и значительно улучшал свое благосостояние. Не случайно в США еще в 1990 г. на 10 тыс. человек приходилось 559,1 студента, что составило самый большой показатель в мире. Лидерство США в области высшего образования продолжает сохраняться.

Аналогичная тенденция наблюдалась и продолжается в других развитых и новых индустриальных странах. По этой причине образование становится там одним из жизненных приоритетов. Так, в конце XX столетия в Японии и Южной Корее почти все молодые граждане посещали школу, в то время как в Индонезии — 45–50%, Таиланде — менее 40%.

В целом же за свою жизнь выпускник университета в конце XX — начале XXI в. может заработать на 600 тыс. с лишним долларов больше, чем его сверстник со средним образованием. Это в немалой степени обусловило резкое возрастание в мире спроса на высшее образование. Все большее число выпускников средних школ устремляется в высшие учебные заведения. В развитых странах эта цифра составляет примерно 50%, в то время как, например, в Малайзии — менее 15%.

На этом фоне тревожной выглядела ситуация, которая наблюдалась в начале 1990-х гг. на постсоветском пространстве, включая

Россию, где произошло резкое снижение доходов лиц с высшим образованием и оказались невостребованными их знания по специальности. Одновременно в социологических опросах снижалась и оценка значимости образования. По данным А.А. Овсянникова, если в 1989 г. 58% полагали, что для выхода России из кризиса необходимо прежде всего повышение уровня образования, то в 1999 г. таких было только 27%. В результате Россия столкнулась в 1990-е гг. с проблемой «утечки умов», т.е. эмиграцией высококвалифицированных кадров в США, Канаду, страны Западной Европы. Ситуация стала улучшаться лишь к началу 2000-х гг., когда в стране вновь возрос престиж высшего образования и увеличилось число студентов высших учебных заведений.

С ростом значимости образования повышаются и затраты на его приобретение, как временные, так и материальные. Все больше ценится не просто высшее образование, а наличие магистерской и докторской степени, т.е. востребованными оказываются лишь люди, которые могут не только применять уже имеющиеся у них знания, но и порождать новые. Как следствие этой тенденции, человек дольше учится и больше платит за то, чтобы получить качественное образование. Согласно данным В.Л. Иноземцева, за 20 лет (1970—1990) стоимость обучения в частных университетах США возросла на 474%, в то время как средний потребительский рост цен увеличился менее чем на 248%. В целом же, по оценкам американских авторов, затраты на образование к началу XXI в. значительно превосходили другие расходы семьи (приобретение жилья, питание и т.п.). Доля средств, выделяемых на образование из семейного бюджета, по-видимому, будет расти и в наступившем столетии.

Приобретение новых знаний сегодня не только является стимулом для повышения доходов, но имеет и собственную мотивацию. На этот аспект особое внимание обращает, в частности, В.Л. Иноземцев. Он пишет, что если на первоначальном этапе оказывались довлеющими, побуждающими к получению новых знаний материальные стимулы, то в конце 1990-х — начале 2000-х гг. образование и знания приобретают мотивационную силу сами по себе. Человек учится не столько для того, чтобы много зарабатывать: образование и знания стали нужны ему также для самореализации и дальнейшего самосовершенствования.

В связи с этим современная эпоха ставит целый ряд новых проблем в сфере образования. Так, быстрое «старение» знаний, необходимость пользоваться новыми технологиями во всех сферах, независимо от профессии, заставляют человека:

■ на протяжении всей жизни приобретать все новые знания, которые позволяют быть конкурентоспособным на рынке труда, легко «подстраиваться» к требованиям времени;

■ овладевать знаниями в области информационных и коммуникационных технологий, а также уметь совершенствовать их, независимо от специализации.

Поскольку в современных условиях необходимо получать знания постоянно, все более актуальной становится сфера предоставления услуг для образования взрослых. На рынке появляется множество программ и специальных курсов в самых разнообразных областях знаний, предназначенных для этой категории лиц. Например, по овладению компьютерными знаниями, ведению переговоров, изучению иностранных языков, управлению персоналом, по психологии и т.п.

Внедрение новых технологий особенно сильно меняет облик современного образовательного процесса. Интернет оказывается важнейшим источником получения информации для различных категорий — абитуриентов, студентов, преподавателей, лиц, которые заняты самообразованием, повышением квалификации и т.п. Становится нормой использование ссылки на интернет-ресурсы в учебной литературе. Все крупные университеты имеют свои интернет-сайты, где размещают информацию о правилах приема, программах курсов и многообразной деятельности своего учебного заведения. Практикуется проведение видеоконференций и видеосеминаров, на которых студенты и преподаватель общаются с помощью интернет-технологий в реальном режиме времени.

Новые технологии открывают и много иных возможностей. Так, видеоаппаратура позволяет студентам медицинских специальностей наблюдать уникальные операции, а физикам — сложнейшие эксперименты, для которых требуется уникальная аппаратура. Видеотренинг дает возможность овладеть навыками общения, ведения переговоров и т.п. При этом образование становится все более интерактивным. Иными словами, студент не только заучивает предлагаемый материал, но и принимает самостоятельные решения в той или иной конкретной ситуации, которая часто моделируется преподавателем с помощью новых технологий. В результате выпускники обладают не только знаниями, но и умениями.

Другими характеристиками современного образования, обусловленного применением высоких технологий, являются его интенсификация, т.е. возможность больше изучить за ту же единицу времени, и усиление междисциплинарности. Последнее достигается во многом благодаря ресурсам Интернета, которые значительно облегчают поиск информации в соседних областях знания.

Технологические инновации все больше внедряются в повседневную практику. И те, кто их не знает, не умеет использовать, оказываются неконкурентоспособными. В этом смысле показателен опыт новых индустриальных стран, где произошло бурное развитие фирм, связанных с использованием новых технологий. Соответственно и образование здесь в значительной степени ориентировано на них. В результате общий уровень овладения новыми технологиями оказался довольно высоким, а сами страны стали развиваться быстрыми темпами.

Использование новых технологий накладывает, правда, и ограничения на образовательный процесс, в том числе предполагает доступ к этим средствам, необходимость постоянного совершенствования знаний по их применению в учебном процессе и т.п. Кроме того, возникают медицинские и психофизиологические проблемы, обусловленные длительной работой с компьютером. Интенсификация образования, информационные перегрузки, длительное использование компьютера нередко сказываются на здоровье негативно. Особенно серьезна эта проблема для школьников и студентов.

При использовании новых технологий ощущается также недостаток индивидуального контакта преподавателя и обучающегося, что ведет к обезличиванию образовательного процесса, потере его «человеческой» составляющей. В ряде случаев появляется и так называемый «культ технологии», когда, например, использование Интернета, компьютерных технологий возводится в некий абсолют.

В целом же в современном мире наблюдается переход от производства товаров к оказанию услуг, организации системы образования, проведению исследований и т.п. Это ведет к резкому спросу на высококвалифицированных специалистов и снижению потребности в неквалифицированных кадрах.

Изменения в требованиях к знаниям и умениям влекут за собой серьезные политические последствия. Например, Ф. Фукуяма подчеркивает, что в настоящее время развивается резкая поляризация общества в зависимости от полученного образования на тех, кто знает и умеет, и всех остальных. При этом получить знания, несмотря на то, что они представляют собой наиболее «демократичный» ресурс, оказывается далеко не просто. Действительно, теоретически они могут быть приобретены всеми. Более того, право на образование закреплено в законодательстве многих стран, а также во Всеобщей декларации прав человека, ст. 26 которой гласит, что «каждый человек имеет право на образование. Образование должно быть бесплатным по меньшей мере в том, что касается начального и общего образования». Однако существует проблема доступа к получению образования, что во многом оп-

ределяется наличием хорошей школы, вуза, возможностью пользоваться библиотеками, Интернетом и т.п.

Значительное увеличение расходов на образование в современном мире означает, что хорошее образование все больше становится доступным лишь для лиц из высшего и среднего социальных слоев. Дети из бедных семей не могут себе позволить не только оплачивать высшее образование, но и тратить многие годы на его приобретение, в то время как их ровесники из той же социальной группы зарабатывают деньги на содержание семьи. Кроме того, обычно с детства формируются соответствующие установки и ценности на знания, а зависят они от семьи и социальной среды, в которой человек воспитывается.

В целях получения качественного образования, а также в поисках более квалифицированной и хорошо оплачиваемой работы после защиты дипломной работы в Европу и Северную Америку устремляются потоки из регионов Восточной Европы, Азии и т.д. В итоге образование напрямую оказывается связанным с другими проблемами мирового развития: миграцией населения и поляризацией по линии «богатый Север — бедный Юг». Складывающаяся диспропорция в уровне образования между развитыми и развивающимися странами вызывает тревогу и усиливает экономическое и социальное неравенство населения различных государств.

Для того чтобы частично снять возникающие проблемы, сделать образование более доступным, независимо от уровня доходов, проводится соответствующая политика на национальном и международном уровнях.

12.2. ТЕНДЕНЦИИ И ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Основные тенденции современного мира, разумеется, сказываются и на образовании. Прежде всего образовательная сфера испытывает на себе влияние глобализации, которая проявляется в различных формах. Прозрачность границ приводит к тому, что в современном мире студенты стараются получить качественное образование в наиболее престижных университетах, часто за пределами своей страны. В свою очередь и учебные заведения заинтересованы в том, чтобы в них были иностранные студенты. Это позволяет им получать дополнительные финансовые средства, иметь выпускников в различных государственных и негосударственных структурах по всему миру, совершенствовать учебные курсы с учетом специфики других культур, традиций и т.д. Кроме того, обмен профессорско-преподавательским составом расширяет профессиональные рамки преподавателей, позволяет обмениваться новыми идеями и опытом. В результате такой универси-

тет становится более привлекательным при наборе очередных абитуриентов.

Знания, информация — это та сфера, которая наиболее легко преодолевает национальные границы. Поэтому в эпоху глобализации все большее распространение получают различные виды дистанционного образования, прежде всего благодаря возможностям, которые открывают новые технологии. Место нахождения студента сегодня уже не имеет принципиального значения для получения знаний, но при этом утрачивается его непосредственное общение с преподавателем, обучение обезличивается. Есть и языковой барьер. Большинство сайтов, а также образовательных дистанционных программ — англоязычные, поэтому незнание английского языка, как и отсутствие элементарных навыков пользователя компьютера, серьезно мешает в приобретении современных знаний.

Тесно связанная с глобализацией интеграция современного мира проявляется сегодня и в образовательной сфере, главным образом — в области высшего образования. Этот процесс подразумевает тесное сотрудничество различных стран: обмен студентами и преподавателями, универсализацию образовательных программ. Наиболее интенсивно интеграция высшего образования наблюдается в Европе благодаря Болонскому процессу, который представляет собой политику, направленную на объединение европейского образовательного пространства.

Интеграционные процессы в области образования идут далеко не просто. Они ставят ряд новых проблем, обусловленных различием культур, национальных традиций, юридического признания дипломов, социально-психологической адаптации иностранных студентов к другой стране и т.п.

Наряду с интеграцией в образовательной сфере действуют и дезинтеграционные тенденции. В частности, это проявляется в децентрализации образования. Как пишет М. Карной, это означает переход многих функций управления образованием в ряде стран с общенационального на местный и муниципальный уровни.

В принципе децентрализация образования является частью общемировых процессов развития мира, так как отвечает современным требованиям множественности акторов и передачи вопросов принятия решения на более низкие уровни. В этих условиях местные образовательные структуры становятся более самостоятельными относительно того, что и как преподавать. Кроме того, стимулируется стремление каждого учебного заведения к повышению конкурентоспособности выпускников на рынке труда. Децентрализация дает возможность гибко реагировать на запросы практики, особенно если они

исходят от местных и региональных структур. Она также позволяет расширить вариативность учебных программ, открывает перспективы для творческой реализации преподавателей.

Как и другие тенденции, децентрализация образовательной сферы имеет оборотную сторону. Во-первых, передача процесса принятия решения на более низкий уровень не предполагает автоматического повышения его эффективности. В ряде случаев принимаемые на местном уровне решения оказываются далеко не оптимальными, а от этого страдает качество обучения. Во-вторых, децентрализация ведет к тому, что оказываются плохо сопоставимыми программы разных учебных заведений. Это мешает обмену учащимися и преподавателями, развитию интеграционных процессов в образовательной сфере. В-третьих, при децентрализации учебные заведения, как правило, больше внимания уделяют частным вопросам, ориентируя своих выпускников на прикладные аспекты и оставляя вне поля зрения общие тенденции мирового развития. Недостаток общетеоретического и методологического образования затрудняет в дальнейшем получение знаний в других сферах, хотя это сегодня необходимое условие успешной профессиональной деятельности.

Государство, формулируя образовательную политику, сталкивается с необходимостью определения того, какие функции и в каком объеме передавать на местный уровень. Ориентация многих образовательных центров на прикладное знание в ущерб теоретическому во многом связана с возрастанием роли экономического фактора. Университеты и институты при составлении программ обучения все в большей степени зависят от запросов рынка. Феномен коммерциализации образования становится характерной чертой для всех его ступеней (школьное, университетское), различных видов (государственное, частное) и разных стран.

В условиях ориентации на рынок одни учреждения, особенно университеты, зарабатывают деньги, предоставляя образовательные услуги, открывая свои филиалы в других городах и странах, привлекая иностранных студентов и т.п. Наряду с образованием они оказывают консультативные, аналитические услуги по соответствующим направлениям. Это обеспечивает им не только дополнительные финансовые средства, но и возможность студентам проходить практику при университете. Кроме того, и преподаватели оказываются непосредственно связанными с решением практических задач. В результате консультативные и аналитические услуги дают возможность университетам приобретать в ряде областей (например, международные отношения, право, экономика, политология) значительное политическое

влияние. Как следствие этих процессов, крупнейшие университеты превращаются в своеобразные «транснациональные корпорации», аккумулируя огромные материальные и творческие ресурсы. Для сохранения за собой такого статуса они ориентируются не на получение сиюминутной прибыли, а на долгосрочные цели. Поэтому стремятся к укреплению образовательной и научной базы, привлекают преподавателей с известными в научном мире именами и т.п.

Другие образовательные центры идут по иному пути. Они пытаются извлечь прежде всего краткосрочную коммерческую выгоду. В результате страдает качество образования, прежде всего в ущерб фундаментальному. В сфере школьного образования подобное поведение нередко ведет к тому, что происходит смещение приоритетов. Вместо восприятия ребенка как формирующейся уникальной личности, обладающей основами фундаментальных знаний, его ориентируют больше на прикладные знания, которые в дальнейшем позволят быстро найти работу. Снижение уровня фундаментального образования влечет за собой и ослабление в процессе обучения внимания к этической, нравственной стороне, к социальной справедливости и т.п. Эти ценности оказываются также вне поля зрения и профессорско-преподавательского состава. Администрация университетов начинает требовать выполнения работы, которая приносила бы коммерческую прибыль, а не той, которая отвечала бы социальным нуждам. Такая тенденция, как отмечает С. Уолтерс, наблюдается с особой очевидностью в таких странах, как Япония, США, Великобритания, Германия, и все отчетливее прослеживается в России и Китае.

Между тем раньше обучение в нашей стране ориентировалось больше на фундаментальные знания, нередко даже за счет приобретения прикладных. Об этом свидетельствуют, например, исследования М.Б. Денисенко, Т.О. Разумова и И.Г. Телешова, в которых показано, что российские выпускники школ 1990-х гг. демонстрировали в тестах более глубокие знания по сравнению со сверстниками из западных стран, но хуже могли применить их на практике. Иными словами, традиции отечественного образования имели перекося в противоположную сторону. Учащимся давались фундаментальные знания, однако в меньшей степени учили их применять.

В русле ориентации на прикладное образование довольно широкое распространение получила практика создания специализированных центров, занимающихся подготовкой кадров по тому или иному профилю, например по компьютерным технологиям, менеджменту и т.п. Особенно много их в Латинской Америке, где значительная часть высших учебных заведений специализируется на подготовке кадров

для конкретных отраслей. Здесь хорошо прослеживается процесс «слияния» высшей школы с производством. Классические университеты с их фундаментальным образованием и мощной исследовательской базой не являются доминирующими в области высшего образования в Латинской Америке. Как отмечают Н. Стромквист и К. Монкман, 85% учреждений, занятых высшим образованием, представляют собой некое подобие узкопрофильных институтов, принадлежащих частным компаниям. Этот процесс получил название *приватизации высшего образования*. В Колумбии, Бразилии, Чили, Сальвадоре, Доминиканской Республике от 50 до 65% абитуриентов поступают именно в учреждения такого рода.

Транснациональные корпорации, будучи заинтересованными в подготовке кадров для своих целей, нередко создают средние специализированные и высшие учебные заведения. Например, такие высшие учебные заведения имеют *Motorola, Intel* и другие компании. Будущие специалисты наряду со знаниями и производственными навыками приобретают чувство корпоративности, т.е. принадлежности к компании. Существуют и другие положительные моменты. Так, снижаются затраты правительства на образование. Бизнес-структуры, будучи заинтересованными в рекрутировании кадров, вкладывают в развитие образования немалые средства. Инвестиции в него становятся все более привлекательными для бизнеса. Причем это происходит и в развитых странах. По данным, которые приводит В.Л. Иноземцев, в США 58% затрат на образование финансировалось в 1960 г. из федерального бюджета, в 1990 г. — менее 30%.

Одновременно бесконтрольное вовлечение ТНК в образовательный процесс, развитие узкопрофильных вузов чреваты негативными последствиями. Многие, получив образование в технических колледжах, а не в университетах, на начальных этапах профессиональной карьеры могут иметь даже некоторые преимущества, поскольку владеют прикладными навыками. Однако в дальнейшем из-за отсутствия фундаментальной подготовки это нередко становится тормозом для профессионального роста.

Включение структур бизнеса в образовательный процесс через спонсирование ими тех или иных программ, а также создание учебных заведений при одновременной децентрализации образования приводит к тому, что государства все в меньшей степени контролируют эту сферу, часто просто лишь гарантируя образовательный минимум. В результате этих процессов реальные рычаги управления, методическое обеспечение программами преподавания оказываются у администрации отдельных образовательных структур и основных спонсоров —

частных компаний. Последние начинают все в большей степени приспособлять образование в зависимых от них школах и высших учебных заведениях к собственным корпоративным нуждам.

Сторонники действия рыночных механизмов в образовательной сфере порой подчеркивают негативную роль государства, особенно развивающихся стран, которая сказывается на росте коррупции в министерствах образования, некомпетентности управленческого аппарата и т.п. Согласно их логике, государство должно практически полностью уйти из этой области, предоставив возможность регулировать процесс подготовки кадров рынку. Противоположная точка зрения заключается в том, что государству, напротив, следует жестко ее регулировать, не допуская процессов, связанных с коммерциализацией, приватизацией и децентрализацией образования.

Это две крайние точки зрения. На самом деле в образовании, как и в других сферах, скорее можно говорить не об увеличении или уменьшении, а об изменении роли государства. Сегодня оно в меньшей степени контролирует, но в большей — регулирует систему образования, занимаясь разработкой и принятием различных норм и правил поведения. Регулирование в этой области подразумевает, в частности, разработку национальных и международных стандартов, аккредитацию заведений, сертификацию учебных программ и материалов и т.п.

Правительства большинства стран отдают себе отчет в том, какие существенные преобразования претерпевает сегодня мир, а следовательно, понимают необходимость изменений в образовательной сфере. В связи с этим предпринимаются шаги с тем, чтобы усилить позитивные и ослабить негативные последствия действующих тенденций. В настоящее время многие государства проводят реформу в области образования.

Для того чтобы воспрепятствовать усилению элитарности образования многие государства, а также международное сообщество в целом стремятся за счет целенаправленного финансирования и других методов расширить привлечение в университеты студентов из разных социальных, этнических и прочих групп. При этом особое внимание обращается на категории населения, которые ранее были ограничены в приобретении образования, — женщины, национальные меньшинства, инвалиды. Что касается последней категории, то здесь сегодня появились принципиально иные возможности обучения, прежде всего за счет интернет-технологий, для тех, кому сложно передвигаться. В целом эта политика направлена на развитие демократизации в образовательной сфере.

Регулирующая функция государства здесь проявляется и в том, что, обеспечивая необходимый уровень, оно определяет место, роль

и другие параметры частного образования в общем образовательном комплексе. В разных странах это соотношение различно. В принципе частное образование на школьном уровне оказывается значимым для страны, когда $\frac{1}{3}$ и более учащихся посещают частные школы. Эти школы обычно обеспечивают более высокий уровень образования и воспитания за счет меньшей численности учеников в классе. Это создает возможность как для индивидуальной работы с детьми, так и более высокой оплаты труда преподавателей по сравнению с государственными школами. В то же время существуют данные (в частности, на примере Чили), что уровень образования в частных школах оказывается лишь незначительно выше, чем в государственных.

Многие западноевропейские государства жестко не ограничивают частное образование, хотя такие, например, как Норвегия и Швеция, в значительной степени ориентируются на развитие государственного образования. Там всего 1—2% учеников посещают частные школы, которые при этом находятся под строгим государственным контролем. В США, где раньше преимущественно отдавали детей в близлежащие школы, сейчас выбор места и типа обучения остается за родителями. Более того, с целью облегчения расходов семьи на обучение в частной школе правительство США выпускает специализированные ваучеры, прежде всего для тех, кто не обладает высокими доходами. Такая практика существует и в других странах.

Бурное развитие частное образование, как среднее, так и высшее, получило в Восточной Европе в 1990-е гг. Например, в России, по свидетельству Е.А. Безгласной, в 1994 г. было зарегистрировано и лицензировано 144 негосударственных вуза, а в 1998 г. — уже 334. Данный феномен имеет объяснение: ранее в этих странах частное образование практически полностью отсутствовало. Проблемой, правда, остается то, насколько качественное образование предоставляется частными учебными заведениями в условиях их бурного роста. Пока, вследствие того что рынок образовательных услуг в странах Восточной Европы еще формируется, можно обнаружить как учебные заведения, обеспечивающие высокий уровень образования, так и те, которые не соответствуют таким критериям.

В области государственной политики также остаются важнейшие вопросы, связанные с разработкой направлений развития образования, т.е. его планированием. Одной из серьезных проблем здесь оказывается то, что в современных условиях время разработки национальной политики в образовательной сфере существенно сокращается. Если ранее этот цикл измерялся 4—5 годами, то сегодня программы в сфере образования, как отмечают Н. Стромквист и К. Монкман, возникают

и «умирают» за 11–12 месяцев. В связи с этим перед государствами стоит задача — переориентироваться от политики стратегического планирования, рассчитанного на пятилетний период, к постоянному гибкому реагированию на происходящие изменения.

Политика в области образования во многих странах ориентирована на расширение возможностей саморазвития личности, формирование картины мира, обеспечивающей адекватную ориентацию человека в различных жизненных ситуациях. При планировании образования многие страны все больше внимания уделяют его непрерывности на протяжении всей жизни. Определение образовательной политики обусловлено важнейшими задачами государства — развитием мотивации к обучению, созданием так называемых «мотивирующих» учебников, представляющих собой не просто сумму знаний по той или иной дисциплине, а направленных на то, чтобы пробудить интерес к учебе и познанию в целом.

Содержательное наполнение учебных программ разных уровней также в значительной степени остается в сфере государственной политики. Если раньше исходили из того, что детей необходимо научить прежде всего читать, писать и считать, то сегодня все больший акцент делается на обязательном освоении компьютера и коммуникативных навыках.

Разные страны ставят перед собой разные задачи и по-разному определяют основные направления политики в области национального образования — в зависимости от сложившейся ситуации, приоритетов развития, экономических возможностей и т.п. Они формулируют основные задачи, а также образовательную политику в отношении различных категорий населения. При этом развитые страны, как правило, расходуют на образование больший процент своего ВВП, чем развивающиеся. Более того, часто эта статья расходов увеличивается. Весьма показательную статистику приводит В.Л. Иноземцев: затраты на образование в США с 1958 по 1972 г. в целом выросли с 11,8 до 14,8% ВВП. В этот период, после успехов СССР в области космонавтики, США стали уделять образованию особое внимание, что в итоге и дало результаты.

Однако большинство стран так и не достигли уровня расходов на образование, рекомендованного Международной комиссией по образованию на XXI в., — 6% ВВП, позволяющие наиболее эффективно обеспечивать связь между образованием и потребностями общества.

Различны и приоритеты стран в области образования. Например, если в развитых государствах образование взрослых направлено на переподготовку тех, кто уже имеет достаточно высокий уровень знаний

и навыков, то в развивающихся странах вопрос часто ставится по-другому: дать начальное образование тем, кто в свое время не получил его в детском возрасте. К сожалению, в целом эти страны нередко демонстрируют тенденцию к тому, что обучение низших слоев населения вообще игнорируется. Особенно характерно это для начального образования, а также образования взрослых. Почти 1 млрд человек, т.е. каждый шестой житель планеты, в конце XX столетия был функционально неграмотным. Иначе говоря, уровень знаний этих людей оставался крайне низким, не отвечающим минимальным современным требованиям. В основном это население «глобального Юга».

В настоящее время государство все теснее сотрудничает с неправительственными организациями, а также с бизнес-структурами, которые создаются и действуют при школах, районах, университетах, на региональном и международном уровнях. В их задачи входят организация досуга, трудоустройство молодежи во время каникул, самоуправление школ, университетов и т.п. При этом нередко именно государство остается основным координатором подобной деятельности. Резко возрастает координирующая функция государства и в сфере интеграции образования. Яркий пример этого — Болонский процесс.

В развитии и планировании образования активно участвуют межправительственные и неправительственные организации. Среди первых следует прежде всего назвать ООН и ее специализированные учреждения, в частности Организация ООН по вопросам образования, науки и культуры — ЮНЕСКО, Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Программу развития ООН и др. Межправительственные организации используют различные источники финансирования. Так, ЮНИСЕФ ориентирован на правительственные и неправительственные источники; ЮНЕСКО — на то финансирование, которое получает от правительств стран-участниц, а Всемирный банк — на средства коммерческих операций.

12.3. ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ЕВРОПЕ

В современной Европе процессы, связанные с объединением, затрагивают различные сферы и выходят за рамки ЕС. Более того, появляются новые области, которые начинают развиваться по единым правилам. К таким новым областям относится высшее образование. Причем, если ЕС сегодня насчитывает 25 членов и почти 60-летнюю историю, то интеграционные процессы в области высшего образования, получившие названия Болонского процесса и начавшиеся в самом конце 1990-х гг., охватывают в настоящее время 40 европейских государств. Иными словами, интеграция в области высшего образова-

ния стала той сферой, которая развивается крайне интенсивно, несмотря на языковой барьер, наличие национальных особенностей в области образования, которые складывались столетиями, и т.п. В чем причины таких темпов интеграции?

Европа во второй половине XX столетия пережила, по крайней мере, два периода, во время которых она столкнулась с проблемой своего отставания от других регионов. Некоторое технологическое отставание европейских стран от США и Японии наметилось в 1960–1970-е гг. Это дало о себе знать и в последующие годы. В результате в Европе позднее и медленнее, чем, например, в США, внедрялись банковские пластиковые карты и связанные с ними услуги, развивалась сотовая телефонная сеть, вводился Интернет. Следует заметить, что по массовому использованию ряда технологических инноваций развитые европейские страны в начале 1990-х гг. стали уступать не только США и Японии, но и, например, таким странам, как ЮАР, где еще в начале 1990-х гг. широкое распространение получила система банкоматов, оплаты коммунальных услуг по компьютеру через национальную сеть, а также развитие сотовой телефонной сети.

Своеобразным «вторым звонком» для европейцев послужил тот факт, что США, а также Австралия начинают интенсивно предоставлять образовательные услуги. Эта статья становится значимой статьей их экспорта. В частности, В.И. Байденко пишет, что с начала 1990-х гг. число европейских студентов, которые обучались в США, превысило число американских студентов, обучающихся в Европе.

Факт отставания европейского образования имел не только экономическое значение. Европа, с ее культурными историческими традициями, неотъемлемой частью которых было университетское образование, стала именно в этой области уступать место «нуворишам».

Все это и заставило европейцев в конце 1990-х гг. серьезно заняться реформой в области высшего образования. Ее инициаторами выступили Великобритания, Германия, Италия и Франция. На встрече в Сорбонне в 1998 г. министры образования этих стран подписали Сорбоннскую декларацию, положившую начало интеграции высшего образовательного пространства в Европе. В ее основу была положена Университетская Хартия (*Magna Charta Universitatum*), принятая в 1988 г. в Болонье в связи с празднованием 900-летия старейшего европейского университета. Университетская Хартия подчеркивала автономность университета, его независимость от политических и идеологических догм, связь исследования и образования, отказ от нетерпимости и ориентация на диалог.

Своеобразным «оформлением» процесса создания единого образовательного пространства стало подписание Болонской декларации 1999 г., давшей название самому процессу. В основу этой декларации положены следующие принципы:

- двухуровневое высшее образование, первый уровень ориентирован на получение степени бакалавра, второй — магистра;
- кредитная система, представляющая собой единый учет процесса обучения во всех государствах (какие курсы и в каком объеме прослушаны студентом);
- независимый контроль качества образования, в основу которого положено не количество часов, потраченных на обучение, а уровень знаний и умений;
- мобильность студентов и преподавателей, предполагающая, что для обогащения опытом преподаватели могут определенный период работать, а студенты — обучаться в университетах различных европейских стран;
- применимость знаний выпускников университетов в Европе, означающая, что специальности, по которым готовятся кадры, будут востребованы там, а подготовленные специалисты — трудоустроены;
- привлекательность европейского образования (планируется, что нововведения будут способствовать заинтересованности европейцев, а также граждан стран других регионов в получении европейского образования).

Россия подписала Болонскую декларацию в сентябре 2003 г. и начала процесс реформирования высшего образования.

Перестройка высшего образования во всех странах, включенных в Болонский процесс, идет далеко не просто по многим причинам, в том числе связанным с необходимостью «ломки» многих сложившихся традиций, структур, методов преподавания. Во всех странах, включенных в Болонский процесс, ведутся дискуссии по вопросам интеграции общеевропейского пространства, появились ее как активные сторонники, так и противники. Главное, что стоит за спорами, — те социально-политические последствия, которые повлечет за собой создание общеевропейского образовательного пространства.

Болонский процесс, несомненно, будет углублять и расширять общеевропейскую интеграцию. Сопоставимость основных параметров технологии высшего образования (уровни образования, сроки и т.п.) даст возможность, с одной стороны, сделать понятным уровень квалификации выпускников, с другой — сформировать в рамках Европы по каждой специальности общие требования к знаниям и умениям выпускников, обеспечивая тем самым высокую мобильность квалифи-

цированной рабочей силы. Более того, Болонский процесс, предполагающий партнерские отношения между европейскими университетами, позволит готовить единую европейскую политическую, экономическую, техническую, научную и другую элиту. Этому же процессу будет способствовать мобильность студентов и преподавателей, которая также предусмотрена Болонским процессом. В результате выпускники европейских университетов войдут в профессиональную сферу с множеством межличностных контактов, установленных еще в период обучения со своими однокурсниками из разных государств.

Включенность в единое общеевропейское образовательное пространство позволит решить, или по крайней мере смягчить, ряд проблем, которые существуют между государствами, в том числе и на постсоветском пространстве. Один из примеров — отношения России с государствами Балтии в связи с русским языком в этих странах, в частности в Латвии. Оба государства присоединились к Болонскому процессу: Латвия — с 1999 г., Россия — с 2003 г. Латвия с 2004 г. является членом ЕС, а в рамках программ сотрудничества Россия — ЕС образование занимает одно из приоритетных мест. Обе страны в течение длительного времени имели единую систему высшего образования, поэтому Латвия хорошо представляет российское образование. Системы образования обеих стран в начале 1990-х гг. столкнулись во многом со сходными проблемами. Все это способствует развитию сотрудничества в области высшего образования между Россией и Латвией, а хорошее знание русского языка жителями Латвии становится важным преимуществом Латвии при развитии такого сотрудничества. Одновременно, для русскоязычного населения Латвии в рамках Болонского процесса, предусматривающего мобильность студентов и преподавателей, открываются новые возможности обучения и преподавания в России.

Развитие интеграции в области образования способствует и развитию демократизации. В свое время университеты сыграли немалую роль для становления и развития демократии в Европе. Сегодня университет, являясь, согласно Сорбоннской декларации, основной структурной единицей Болонского процесса, потенциально способен вновь сыграть важную роль в этой области. Университетское сообщество является по своей природе сетевым, а демократия подразумевает преимущественно сетевые социальные связи и отношения. Повышение роли образования (соответственно, университетов) в социально-экономической и политической жизни Европы будет вести к дальнейшему развитию сетевых отношений в различных сферах.

Наряду с положительными моментами Болонский процесс повлечет за собой и ряд проблем. Одну из групп составляют проблемы,

связанные с различными видами расслоения европейского общества, что в принципе характерно и для других регионов, однако в рамках интенсивно ведущейся образовательной реформы они могут проявляться с особой силой.

Повышение качества высшего образования приведет к усилению различий между образованной элитой и остальными слоями населения, что в свою очередь будет побуждать менее квалифицированные и более консервативные слои населения к отказу от дальнейшего развития европейской интеграции, росту национализма. Учитывая то, что сегодня это расслоение уже довольно отчетливо проявляется, усиление этих процессов может оказаться критическим. Впрочем, многое зависит от университетов. Если будут разработаны различные программы, в соответствии с которыми университеты станут не только важнейшими единицами интеграции высшего образования, но и частью гражданского общества, что подразумевает просветительскую, экспертную, консультативную деятельность, т.е. открытость университетов обществу, то этот социально-культурный разрыв может быть значительно уменьшен.

Увеличение числа европейцев с дипломами высшего образования повлечет за собой новый поток менее квалифицированной рабочей силы из арабских, азиатских и африканских стран. Изменение этнического состава Европы, сопровождающееся распространением иных культурных норм и ценностей, является проблемой (в конце 2005 г. Европа уже столкнулась здесь с проявлениями насилия) и требует разработки соответствующих социально-экономических программ.

Болонский процесс повлечет за собой перестройку университетского сообщества, в котором выделятся по крайней мере три страты. *Первая страта* — наиболее успешные и престижные университеты (по отдельным направлениям или в целом), полностью включенные в Болонский процесс, которые, учитывая, что образовательные услуги становятся все более значимой статьей дохода, будут формировать своего рода «консорциумы», стараясь монополизировать образовательную сферу. *Вторая страта* — университеты, которые отчасти будут принадлежать «первому кругу», но стремящиеся войти в него полностью. Наконец, *третья страта* — университеты-«аутсайдеры», работающие на грани выживания. Границы между стратами будут подвижными, и кроме кооперативных связей и отношений между ними развернется жесткая конкурентная борьба. Разумеется, конкуренция между университетами существует и сегодня, однако в условиях корпоративных отношений она будет иметь более жесткий характер.

Социально-политическими последствиями интеграции образовательного пространства в Европе может стать изменение роли регионов и городов. С одной стороны, можно ожидать интенсивное развитие городов, в которых находятся крупнейшие университетские центры, с другой – специализацию этих университетов в зависимости от профиля города или региона, поскольку это дает целый ряд преимуществ (приглашение высокопрофессиональных специалистов в университет, прохождение студентами практики в соответствующих организациях и т.д.). Так, если взять сферу международных политических и экономических отношений, то проблемы многосторонней дипломатии, международных организаций и многосторонних переговоров оказываются профильными для Женевских университетов, вопросы европейской интеграции – университетов Брюсселя, а международных финансов – Лондона. В результате можно ожидать усиление регионализации и даже своеобразную «мегаполизацию» Европы, что означает существенное изменение социально-политического и экономического облика континента.

Развитие Болонского процесса в Европе стимулировало постановку вопросов об объединении образовательных пространств в других государствах, где оно в значительной степени децентрализовано (в частности, в США), и регионах. Это влечет за собой проблему «состыковки» образовательной системы Европы с образовательными системами других стран и регионов мира, «состыковки» систем высшего образования и среднего, а также требований и норм одних договоров и организаций и других (в ВТО, например, образование рассматривается как услуга).

Таким образом, образование все отчетливее становится той сферой, где фокусируются наиболее важные социально-экономические и политические проблемы современности, что ставит задачу проведения многоуровневых международных переговоров по всему комплексу проблем образования.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какое место занимают образование и знания в современном мире?
2. Как изменились материальные и временные затраты на образование к концу XX столетия, а также доходы лиц, имеющих различный уровень образования?
3. Каково влияние новых технологий на процесс образования?
4. В чем проявляется глобализация в образовании?
5. Каковы основные характеристики Болонского процесса?

6. Что такое децентрализация образования?
7. Чем обусловлены процессы коммерциализации и приватизации образования?
8. Каковы роль государства в современном образовательном процессе и основные задачи, которые оно решает?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Болонский процесс: нарастающая динамика и многообразие : документы международных форумов и мнения зарубежных экспертов / под ред. В.И. Байденко. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов : Российский новый университет, 2002.
2. Болонский процесс: проблемы и перспективы / под ред. М.М. Лебедевой. М. : Оргсервис, 2006.
3. *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М. : Academia, 1998.
4. *Иноземцев В.Л.* Расколота цивилизация. М. : Academia : Наука, 1999.
5. *Ларионова М.В.* Основные события в сфере образовательной политики в ЕС во второй половине 2007 г. // Вестник международных организаций. 2008. № 2.
6. *Лебедева М.М.* Политикообразующая функция высшего образования в современном мире // Мировая экономика и мировая политика. 2006. № 10.
7. *Лебедева М.М., Фор Ж.* Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО (У). 2009. № 4.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ

Изначальная «анархичность» межгосударственных отношений, как она была задана Вестфальским миром (в этом плане можно согласиться с представителями реалистской школы), предполагает, что государства, будучи суверенными и независимыми, формируют свою внешнюю политику, т.е. свои цели и приоритеты относительно внешнего мира, а также основные направления деятельности. Осуществляется она прежде всего с помощью дипломатии, которая на протяжении ряда веков была и продолжает оставаться главным инструментом реализации внешней политики и основным средством регулирования международных отношений. По мере развития политической структуры мира модифицировалась и дипломатия, возникали новые формы и методы дипломатической работы. Тем не менее в последние годы, с появлением негосударственных акторов и очевидным изменением политической системы мира, стали говорить о том, что этого недостаточно, а следует подумать о необходимости более сложного управления современным политическим миром.

13.1. ВЫРАБОТКА И ПРИНЯТИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Формирование внешней политики является сложным процессом. Ключевой его элемент состоит в выработке и принятии внешнеполитических решений, характер которых зависит от многих факторов. Это и географическое положение государства, и наличие военной, а также экономической мощи, культурных, исторических традиций; это и тип политической системы, и социальная структура общества, индивидуальные особенности политических лидеров.

Принятие внешнеполитического решения может оказать критическое воздействие не только на само государство, но и на судьбы всего человечества. Это стало наиболее очевидным после Кубинского (Карибского) кризиса 1962 г., когда на Кубе были размещены советские ракеты, а США в ответ блокировали ее. Тогда решения американского или советского лидера о ядерной атаке могли привести к непоправимым

мым последствиям. С осознания этого факта процесс принятия внешнеполитических решений, особенно в условиях конфликта и кризиса, стал одной из важнейших тем научных исследований.

К настоящему времени в науке сложился ряд направлений и школ, которые занимаются проблемой принятия внешнеполитического решения и поиском путей оптимизации процесса. Эти школы и направления в значительной степени пересекаются, поэтому сложно классифицировать их по единому, конкретному основанию. В такой ситуации, пожалуй, наиболее оправданным будет рассмотрение направлений в зависимости от того, что оказывается в центре внимания исследователей. Например, Р. Ричардсон выделяет пять основных теоретических направлений:

- 1) рационального выбора;
- 2) психологическое;
- 3) институциональное;
- 4) интеракционалистское;
- 5) системное.

В рамках **теории рационального выбора** изучается проблема принятия решения с точки зрения наибольшей целесообразности. Данный подход подразумевает наличие определенной последовательности в постановке задач. В наиболее общем виде они представляют собой:

- определение сути проблемы;
- выбор целей, которые должны быть достигнуты;
- выявление возможных альтернатив;
- выбор наилучшей альтернативы.

Каждый шаг может быть описан количественно или качественно. В зависимости от этого в теории **рационального выбора** выделяются два подхода: *первый* ориентирован на формализованные, *второй* — на неформализованные методы анализа и процедуры. Последний особо подчеркивает роль национальных интересов, политических целей при оценке рационального выбора. Многие авторы, работающие в русле этого подхода, ориентируются на работы Т. Шеллинга.

Психологическое направление возникло во многом как реакция на излишний рационализм. Поэтому один из основных его постулатов заключается в том, что решение, особенно в условиях конфликта и кризиса, часто оказывается далеким от рационального. Причем это относится к принимающим решение политическим деятелям, которые, как и все люди, подвержены стрессу. Он становится особенно значимым фактором в условиях конфликта или кризиса, что показал О. Холсти на примере начала Первой мировой войны.

В рамках данного направления изучаются также проблемы, связанные с адекватностью восприятия. Этому вопросу посвящена работа Р. Джервиса «Восприятие и ошибки восприятия», опубликованная в 1976 г. В ней на конкретных примерах демонстрируется, как ошибки в восприятии и ложная интерпретация фактов ведут к неверным решениям.

Особенно уязвимым оказывается процесс принятия внешнеполитических решений в условиях международного кризиса. Изучая психологические его особенности, У. Юри и Р. Смоук выделили четыре фактора, влияющих на процесс принятия решений в этих условиях.

Первый фактор определяется высокими ставками участников. В отличие от обычной ситуации в кризисе можно слишком многое потерять или, наоборот, приобрести. Причем кризисная ситуация затрагивает жизненно важные, едва ли не главные интересы сторон, которые по крайней мере воспринимаются в качестве таковых. Отсюда следует, что потери, которые могут понести участники, окажутся невозполнимыми. Так, У. Юри и Р. Смоук указывают, что берлинские кризисы 1958 и 1961 гг. рассматривались Западом именно как таковые не столько потому, что могли привести к потере половины города, а прежде всего вследствие угрозы для НАТО, и в этом смысле расценивались как затрагивающие жизненно важные интересы Запада.

Второй фактор, воздействующий на политических деятелей при принятии решений в период кризиса, — недостаток времени. События в международных кризисах развиваются лавинообразно. Так было, например, при Карибском (Кубинском) кризисе 1962 г., в период ближневосточных кризисов 1967, 1973, 1982 гг. и во многих других случаях. Политические деятели вынуждены быстро реагировать на развитие ситуации. Времени на ее анализ практически не остается. Да и часто информация о возможном развитии кризиса не сразу поступает к ним. Например, во время Карибского кризиса американцы много раз перепроверяли информацию о размещении советских ракет на Кубе, прежде чем доложили ее президенту.

Третьим фактором У. Юри и Р. Смоук считают высокую степень неопределенности в кризисе. Его участники подчас не имеют достаточно точной и достоверной информации о реальных целях и планах друг друга. Более того, планируя те или иные действия в условиях кризиса, руководство из соображений секретности стремится ограничить круг имеющих доступ к информации. В иных случаях ее у лиц, принимающих решения, может быть в избытке, но, получаемая из разных источников, она носит противоречивый характер.

Четвертый фактор, воздействующий на политических деятелей в период кризиса, согласно У. Юри и Р. Смоуку, — ограниченное число альтернатив. Лица, принимающие решения, сужают поле для возможного выбора. Множественность вариантов практически не рассматривается. Например, к концу первого дня Карибского кризиса американская администрация серьезно анализировала только альтернативу — предпринять блокаду Кубы либо военные действия. И лишь затем обсуждалась другая: следует ли получить поддержку ООН, а также других стран или можно обойтись и без этого? Причем аргументы в пользу военной операции сводились к тому, что борьба против коммунизма значит больше, чем просто выживание.

Внешнеполитические решения разрабатываются и принимаются часто ограниченным числом лиц. Групповой характер принятия решений, особенно в условиях кризиса, порождает ряд феноменов, которые выявлены и довольно подробно описаны И. Джейннисом в работе «Жертвы группового решения». Их совокупность получила название *группового мышления*. Один из наиболее значимых среди феноменов — сдвиг в выборе, когда некоторые члены группы склонны либо к более, либо, напротив (что наблюдается значительно реже), к менее рискованным решениям по сравнению со средними индивидуальными вариантами в той же группе. Иными словами, коллективное решение скорее всего будет более рискованным, чем если бы каждый член данной группы принимал его отдельно и только потом определялся бы усредненный вариант. По мнению многих исследователей, сдвиг в сторону более рискованного решения связан с тем, что ответственность за риск психологически как бы разделяется с другими членами группы. Однако это не объясняет, почему в иных случаях, хотя реже, сдвиг происходит и в противоположную сторону.

Другой феномен группового мышления состоит в том, что группа часто оказывается нечувствительной к информации, которая не укладывается в рамки разрабатываемой концепции. Как только группа приходит к какому-либо выводу относительно анализируемой ситуации или поведения в ней, информация, противоречащая представлениям ее участников, игнорируется. В результате группа оказывается в плену собственных построений, которые могут значительно исказить реальность.

Личностные особенности политических деятелей, которые принимают решение, также находятся в фокусе изучения авторов, работающих в рамках психологического направления. Так, Р. Германн и М. Германн пришли к выводу, что решения политических деятелей перед началом Первой мировой войны были в значительной степени обусловлены их личностными особенностями.

Среди наиболее значимых характеристик, пожалуй, выделяется система ценностей и убеждений политического лидера. Не случайно внешнеполитический курс в той или иной области получает порой название по имени главы государства, например доктрина Никсона, доктрина Картера, доктрина Брежнева.

В рамках **институционального направления** анализируются проблемы, связанные с организацией процесса принятия внешнеполитического решения. Итоговый его вариант зависит от многих показателей. В частности, Дж. Розенау выделил следующие традиционно изучаемые группы показателей:

- размер государства (крупные державы и малые страны);
- уровень экономического развития (богатые и бедные);
- тип политической системы (демократия и авторитаризм).

В последние годы анализируется и влияние на принятие внешнеполитических решений многих других факторов, например степени развития информационных технологий.

Важным для понимания того, как будет строиться внешняя политика конкретного государства, является выявление стандартных операциональных процедур. Это относится прежде всего к правилам прохождения и принятия внешнеполитических решений.

Исследователи, которые занимаются сравнительным изучением внешней политики различных стран, особое внимание уделяют проблеме принятия решений в демократических и авторитарных государствах. При демократии процесс прохождения решения и стандартные операциональные процедуры более прозрачны. В авторитарных государствах решение в большей степени зависит от случайных факторов, а также взаимоотношений ближайшего окружения с политическим лидером. Однако и демократии имеют свои минусы. Так, процесс прохождения решений с соблюдением всех процедур занимает обычно больше времени; при этом нередко проводятся популистские решения и т.п.

Институциональное направление изучает государственные структуры, которые заняты процессом выработки и принятия внешнеполитических решений: роль аппарата главы государства, парламента, министерства иностранных дел, других внешнеполитических министерств и ведомств. В опубликованной в 1971 г. книге «Сущность принятия решения: анализ Кубинского кризиса», которая стала классическим исследованием, Г. Аллисон показал, что принятие внешнеполитических решений государственной машиной происходит путем столкновения и согласования интересов различных групп. При этом образуются формальные и неформальные группы, которые лоббируют прохождения своих решений, т.е. тех, в которых они наиболее заинтересованы.

На процесс принятия внешнеполитических решений большое влияние оказывают *групповые интересы* — социальных, этнических, профессиональных и других групп. Например, французские власти вынуждены были учитывать позицию фермеров в споре ЕС — США об экспорте (импорте) сельскохозяйственной продукции в начале 1990-х гг. Интересы часто лоббируются теми или иными группами в государственных и законодательных органах, что порой порождает коррупцию.

Военно-промышленный комплекс также представляет собой мощный рычаг, воздействуя на внешнеполитические решения. Особенно заметно проявилось это в период холодной войны. Президент США Д. Эйзенхауэр заявил даже в начале 1960-х гг., что военно-промышленный комплекс играет слишком большую роль в его стране и это может стать угрозой демократии.

Наконец, еще один важнейший инструмент воздействия на принятие внешнеполитических решений — СМИ, которые формируют общественное мнение в отношении тех или иных событий. Так, большую роль СМИ сыграли в принятии американскими властями решения об окончании войны во Вьетнаме.

В последние годы серьезной проблемой становится увеличение информационного шума. В связи с появлением Интернета, развитием электронных, аудиовизуальных и печатных средств информации порой оказывается в избытке, но нередко при этом неточной или противоречивой. Стремясь как можно быстрее обнародовать сообщение, СМИ не всегда перепроверяют его. Английский историк П. Тэйлор приводит пример, как 15 февраля 1991 г. Багдадское радио передало сообщение, которое потом распространили эфиопские СМИ, будто Саддам Хусейн согласился с Резолюцией ООН № 660 и выводит войска из Кувейта, чего на самом деле не было. В связи с усилением информационного шума остро встает вопрос об отборе и анализе сообщений прессы. И как следствие, о повышении роли аналитических подразделений и служб, занятых подготовкой внешнеполитических решений.

Интеракционалистское направление делает акцент на процессе взаимодействия сторон. В центре внимания здесь оказываются такие вопросы, как влияние решения одного участника на поведение другого. Например, недружественные действия одного государства провоцируют аналогичное поведение противоположной стороны. Исследуется также зависимость каждого участника международного взаимодействия от собственных предыдущих решений. Так, в частности, М. Дойч отмечает, что именно такие решения обязывали США к продолжению военных действий во Вьетнаме. В результате подобных действий сто-

роны попадают в «эскалационные ловушки», из которых сложно выбраться: конфликт лишь усиливается и начинает диктовать свою логику развития.

Наконец, в исследованиях **системного направления** подчеркивается, что решения, которые принимаются политическими лидерами, необходимо рассматривать в общем контексте международных отношений и мировой политики. Первоосновой здесь является то, что анализу должно подвергаться не только само решение, но и его место в более широкой системе отношений всех участников мировой политической системы. Изучается, например, как решение влияет на различных ее участников — другие государства, межправительственные и неправительственные организации, внутригосударственные регионы, ТНК и т.п.

В последнее десятилетие в силу глобализации и взаимозависимости мира внешнеполитические решения все в большей степени имеют глобальные последствия. В связи с этим наблюдается тенденция к координации внешнеполитической деятельности. Осуществляется это на разных уровнях и по разным каналам, в том числе в рамках «Большой восьмерки», ЕС, различных международных организаций и т.д.

13.2. ДИПЛОМАТИЯ

Проблемы международных отношений, мировой политики — всего, что происходит на международной арене, всегда находились в центре внимания политиков, журналистов, аналитиков. Вопросы же, связанные непосредственно с поиском средств, позволяющих подойти к реализации внешнеполитических решений или того, как это сделать, иными словами вопросы дипломатии, представляли интерес, скорее, для более узкого круга. Причины такого отношения к дипломатии понятны и отчасти оправданны. Прежде всего необходимо осознать происходящее, наметить основные внешнеполитические приоритеты и подходы, а лишь потом искать средства реализации.

Существует множество определений понятия «дипломатия». Некоторые приведены, например, в таких известных книгах, как «Дипломатия» Г. Никольсона, «Руководство по дипломатической практике» Э. Сатоу. Большинство исходит, во-первых, из того, что дипломатия является инструментом осуществления межгосударственных отношений. Показательна в этом плане глава Б. Уайта «Дипломатия», подготовленная для книги «Глобализация мировой политики: Введение в международные отношения», вышедшей в 1997 г., где дипломатия характеризуется как одна из форм деятельности правительств.

Во-вторых, подчеркивается непосредственная связь дипломатии с переговорным процессом. Так, Г. Никольсон, основываясь на Окс-

фордском словаре, определяет ее как «ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками; работа или искусство дипломата». Эта трактовка лежит в основе многих работ по дипломатии и теории переговоров и в наши дни. В качестве последнего примера можно привести главу «Дипломатия, торг и переговоры» К. Йонссона из учебника по международным отношениям, изданного в 2001 г. В ней дипломатия подробно рассматривается именно с точки зрения переговорного процесса.

Однако было бы неверным сводить дипломатию только к переговорам. В этом случае вне ее сферы оказалась бы значительная часть консульской работы, а также, например, консультации (не предполагающие принятие совместного решения, на которое нацелены переговоры) и ряд других видов деятельности. Поэтому чаще используются более широкие определения дипломатии, где переговоры наделяются ключевой ролью или, как пишет американский автор П. Хопманн, они являются основным видом деятельности в современной дипломатии, хотя последняя все же полностью не отождествляется с ними.

Примером такого достаточно широкого понимания дипломатии может служить определение Дж. Берриджа. По его мнению, дипломатия представляет собой ведение международных дел, скорее, посредством переговоров и других мирных средств (сбор информации, проявление доброй воли и т.п.), предполагающих, прямо или опосредованно, именно проведение переговоров, а не применение силы, использование пропаганды или обращение к законодательству.

Таким образом, переговоры на протяжении ряда столетий остаются важнейшим инструментом дипломатии. При этом, отвечая современным реалиям, они, как и дипломатия в целом, приобретают новые черты.

Говоря об особенностях современной дипломатии, К. Гамильтон и Р. Лангхорн выделяют два ключевых момента. Во-первых, большую ее по сравнению с прошлым открытость, под которой понимается, с одной стороны, привлечение к дипломатической деятельности представителей различных слоев населения, а не только аристократической элиты, как ранее, с другой — широкое информирование о соглашениях, подписываемых государствами. Во-вторых, интенсивное, на уровне международных организаций, развитие многосторонней дипломатии. Усиление роли многосторонней дипломатии отмечается и многими другими авторами, в частности П. Шарпом.

Открытость дипломатии наблюдается на протяжении всего XX столетия. Она связана с развитием демократизации мира. В резуль-

тате переговоры, заключаемые соглашения, дипломатическая деятельность в целом находятся под пристальным вниманием общественности, прежде всего благодаря СМИ. Одним из первых «возмутителей спокойствия» в отношении «открытой дипломатии» стал 28-й президент США В. Вильсон. Он выступил с идеей демократической дипломатии, ориентированной на разоружение, свободную торговлю, либерализм, а также ее «доступности» для общественности (необходимости регистрации и ратификации договоров). Идеи В. Вильсона встретили различный отклик политических и общественных деятелей того времени, вызвав у одних восторженную поддержку, у других — скептическое отношение. К последним принадлежал, например, Г. Никольсон. Он полагал: для того чтобы дипломатия действительно была эффективной, она не должна осуществляться «на виду у всех». Впоследствии эту мысль образно сформулировали У. Зартман и М. Берман, заметив, что если публично проводить переговоры, то их участников «потянет к окнам», а не друг к другу. Иными словами, открытость побуждает стороны больше к публичным действиям, чем к принятию собственно решений. В этом плане здесь возникают проблемы, во многом аналогичные тем, что появляются и при открытости процесса принятия внешнеполитических решений. Поэтому и предлагается скорее требовать открытости итоговых документов, чем самого процесса их выработки и обсуждения.

И все же во второй половине XX — в начале XXI столетия дипломатия все больше попадает под контроль общественности. Происходит это за счет все больших возможностей СМИ, необходимости ратификации многих документов и, наконец, потому, что на международную арену чаще стали выходить не государственные структуры, а различного рода движения — этнические, религиозные и др., а также общественные организации и академические круги, которые занялись «традиционными дипломатическими проблемами» — поиском согласия в конфликтных ситуациях, предоставлением посреднических услуг и т.п. Подобные явления, конечно, были известны и раньше. Однако во второй половине XX столетия эта деятельность стала носить более масштабный характер. В результате в конце 1970-х — начале 1980-х гг. формируется особая сфера деятельности, так называемое «второе направление дипломатии», или неофициальная дипломатия, в отличие от ее «первого направления» — официальной дипломатии. Представителями этой сферы в основном являются исследователи, журналисты, дипломаты в отставке. Наибольшее развитие данное направление получило в США, хотя в последние годы многие европейские государства, в частности Швеция, уделяют этому большое внимание.

Если ранее дипломатическая деятельность осуществлялась главным образом на двусторонней основе, путем обмена миссиями, то сегодня дипломатия в значительной степени носит многосторонний характер и предполагает одновременное участие более чем двух сторон в обсуждении и решении проблем. Это обусловлено тем, что глобализация современного мира затрагивает интересы сразу многих участников.

Во второй половине XX столетия не только резко увеличилось количество многосторонних переговоров, но и стали разнообразнее формы многосторонней дипломатии. Если в прошлом она сводилась в основном к переговорному процессу в рамках различных конгрессов (Вестфальский, 1648, Карловицкий, 1698–1699, Венский, 1914–1915, Парижский, 1856 и др.), то сейчас многосторонняя дипломатия проводится в рамках:

- международных универсальных (ООН) и региональных (АС, ОБСЕ и др.) организаций;
- конференций, комиссий и тому подобных мероприятий или структур, созываемых или создаваемых для решения какой-либо проблемы (например, Парижская конференция по Вьетнаму, Совместная комиссия по урегулированию конфликта в Юго-Западной Африке и пр.);
- многосторонних встреч в верхах («Большой восьмерки» и др.);
- работы посольств по многосторонним направлениям (так, бывший первый заместитель государственного секретаря США Ст. Тэлботт отмечает, что американское посольство, например, в Пекине направляло значительную часть своих усилий на поиск совместно с китайскими и японскими коллегами решений проблем на Корейском полуострове).

Многосторонняя дипломатия и многосторонние переговоры порождают ряд новых моментов, но одновременно и трудностей в дипломатической практике. Так, увеличение числа сторон при обсуждении проблемы ведет к усложнению общей структуры интересов, созданию коалиций и появлению стран-лидеров на переговорных форумах. Кроме того, на многосторонних переговорах возникает большое количество организационных, процедурных и технических проблем: необходимость согласования повестки дня, места проведения; выработки и принятия решений; председательствования на форумах; размещения делегаций и т.п. Все это в свою очередь способствует бюрократизации переговорных процессов.

Следует назвать и другие особенности современной дипломатии, обусловленные современными тенденциями мирового политического развития. Глобализация и взаимозависимость мира привели к увели-

чению значимости дипломатии, осуществляемой на высоком и высшем уровне, так как она дает возможность проводить «широкие увязки» различных вопросов. Следует учитывать и тот факт, что договоренности, скрепленные подписями высших должностных лиц государств, обеспечивают дополнительные гарантии их выполнения. Наконец, на таких встречах у глав государств есть возможность быстро получать необходимую информацию из первых рук, обмениваться мнениями.

Вместе с тем дипломатия на высоком и высшем уровне имеет и оборотную сторону. Прежде всего, масштаб принимаемых решений резко повышает ответственность за них, а следовательно, и цену возможной ошибки. Особенно остра эта проблема в кризисных ситуациях. Следует также иметь в виду, что если договоренности, достигнутые на высоком или высшем уровне, вдруг будут сочтены после их подписания ошибочными, то отказаться от них значительно сложнее, чем от аналогичных, но подписанных на более низком уровне, поскольку в этом случае дискредитированными оказываются высшие лица государств.

Другим ограничительным моментом дипломатии на высоком и высшем уровне является то, что она в значительной мере обусловлена личными симпатиями и антипатиями, а это влияет на принятие внешнеполитических решений. Наконец, необходимо учитывать, что дипломатия на высоком и высшем уровне может быть эффективной лишь тогда, когда хорошо подготовлена. Иначе участники таких встреч могут, оказываясь «заложниками» надежд общественности на быстрое решение проблемы, пойти на неоправданные шаги. Именно по этой причине Г. Никольсон весьма сдержанно относился к дипломатии высокого и высшего уровня. Он полагал, что бывают случаи, когда необходимо, чтобы министр иностранных дел или глава кабинета присутствовали на важных конференциях, но не следует слишком поощрять их частые взаимные визиты. Такие визиты, писал он, вызывают надежды, ведут к недоразумениям и создают порой замешательства.

Возрастающая взаимозависимость мира обусловила еще один феномен в сфере дипломатии. Государства вынуждены налаживать диалог даже в условиях недружественных отношений. В этом отношении интересна книга Дж. Берриджа «Разговаривая с врагом: как страны в отсутствие дипломатических отношений обсуждают проблемы», которая вышла в 1994 г. Исследователь рассматривает такие формы межгосударственного взаимодействия в условиях отсутствия дипломатических отношений, как создание секции интересов при другом посольстве (например, британские интересы в Иране представляло в 1989 г. шведское посольство); использование специального послан-

ника (государственный секретарь США Г. Киссинджер специально летал в Париж для встречи с вьетнамским послом); создание совместных комиссий (в частности, Совместная комиссия по урегулированию на Юго-Западе Африки в конце 1980-х — начале 1990-х гг., в состав которой входили дипломаты из Анголы, Кубы, СССР, США, ЮАР, на заключительном этапе к ним присоединились представители Намибии. В период ее работы дипломатические отношения отсутствовали: у ЮАР — с СССР, Кубой и Анголой; у США — с Кубой и Анголой).

На развитие современной дипломатии, ее форм и методов оказали существенное воздействие и другие особенности мирового развития. Эрозия Вестфальской политической системы, быстрое окончание холодной войны и крушение биполярного мира — все это заставляет дипломатию стремительно и адекватно реагировать на происходящее. Быстро меняющийся облик международных отношений предъявляет к дипломатии требование активности, инициативности; в противном случае время, благоприятное для воздействия на международную среду, может быть упущено.

Изменение современного облика международных отношений обусловлено и такой их чертой, как многоплановость. Если раньше их регулирование дипломатическими средствами фактически сводилось к внешней политике и торговле, то начиная со второй половины XX столетия круг вопросов резко расширился. Обсуждению и регулированию подверглись такие области, как разоружение, экология, терроризм, социальные проблемы и многие другие. В результате, пишет Б. Уайт, повестка дня, которая в принципе может быть предметом дипломатического обсуждения, становится крайне сложной, а самим дипломатам приходится осваивать ранее незнакомые сферы. Как следствие, при подготовке дипломатических кадров в учебных программах наряду с традиционными курсами (страноведческими, историческими, правовыми, экономическими, языковыми и т.п.) появились совершенно новые. Например, Ст. Тэлботт отмечает, что Институт зарубежной службы, являющийся в США ведущим центром подготовки дипломатических кадров, ввел курсы по проблемам наркобизнеса, миграции населения, охраны окружающей среды, возможности расширения американских рынков.

Взаимозависимость динамизма современного мира значительно изменила информационно-коммуникативную функцию дипломатии, суть которой заключается в информировании противоположной стороны об официальной позиции и получении от нее аналогичной информации. Здесь огромную роль играют новые технологии. Впрочем, Г. Никольсон еще в 1950-е гг. обратил внимание на то, что министр

иностранных дел может по телефону связаться сразу со многими послами, а Д. Данн отмечает, что появление таких средств технической связи, как факсимильная, электронная почта, видеосвязь, повлекли за собой значительную интенсификацию межгосударственного диалога.

Возможность быстрого передвижения из различных точек земного шара также способствует быстрому обмену информацией на межгосударственном уровне. Особенно значимым это оказывается для дипломатии высокого и высшего уровня, что порой оборачивается курьезными ситуациями. Так, С. Дженкинс и А. Сломэн приводят слова бывшего помощника президента США Дж. Картера по вопросам национальной безопасности Э. Бжезинского, который вспоминает, что нередко был свидетелем того, как президент США беседовал по телефону с премьер-министром Великобритании или канцлером ФРГ. Поскольку такие беседы были частыми, о них не всегда ставились в известность послы. Однако главное все же не в технических новшествах, а в самой сути изменения информационно-коммуникативной функции дипломатии. На заре своего становления она в значительной степени предпочитала хитрость, участие в заговорах, обман и т.п. На данный аспект дипломатической деятельности обратил внимание английский дипломат конца XVI — начала XVII в. Г. Уоттон, который выразил все это в шутовском изречении, ставшем потом афоризмом: посол является честным человеком, которого посылают за границу лгать во имя блага своей родины.

Позднее откровенный обман, подкуп и подобные этому средства ушли из дипломатической практики, что, по мнению Г. Никольсона, означало зрелость дипломатии и коренным образом стало отличать классическую французскую школу дипломатии, которая начала складываться в XVII—XVIII вв. и получила распространение по всему миру, от того, что ей предшествовало, — итальянских посольских миссий XV столетия. Конечно, те или иные уловки не исчезли из дипломатии совсем. Однако подобные средства воздействия представляют собой скорее все же то, что Дж. Д. Дерриан назвал *антидипломатией*.

В современной дипломатии акцент делается не просто на отказе от откровенного обмана. Дело в том, что обман, как показали исследования Р. Аксельрода, оказывается невыгодным в условиях взаимозависимости и постоянного взаимодействия, так как немедленно вызывает ответную реакцию. Поэтому в настоящее время информативно-коммуникативная функция дипломатии направлена прежде всего на формирование диалога.

Идеи диалога, диалогичности общения, разработанные в свое время отечественным литературоведом М.М. Бахтиным, становятся ак-

туальными применительно к дипломатии. Дипломатический диалог предполагает признание того, что у другой стороны есть собственные интересы и цели. Это является не только естественным и закономерным, но и продуктивным фактором с точки зрения развития отношений. Отсюда главным в коммуникативно-информационной функции оказывается не директивное навязывание собственной точки зрения, а стремление через диалог искать взаимоприемлемое решение проблем.

Идеи развития межгосударственного диалога нашли отражение и в теоретических работах по переговорам. На смену концепции жесткого торга, когда каждый участник заботится лишь о собственных интересах и подает свою позицию как крайне закрытую, приходит концепция совместного с партнером анализа проблемы. Она предполагает ориентацию на взаимное удовлетворение интересов и достаточно открытый характер переговоров.

Ориентация на диалог в современном мире обусловлена необходимостью именно совместными усилиями искать решение возникающих проблем, связанных с экологией, борьбой с терроризмом, урегулированием конфликтов, развитием интеграционных процессов и т.п. В результате решение международных проблем объективно становится главной функцией дипломатии.

Сказанное не означает, что дипломатия лишается своих классических функций и форм деятельности, связанных с обеспечением национальных интересов, реализацией внешнеполитического курса и т.д. Они реализуются дипломатией с момента образования национальных государств, однако сегодня, в силу глобализации, по сути не противоречат, а, напротив, совпадают с необходимостью решения наиболее актуальных мировых проблем. Другое дело, что на практике государства пока нередко исходят из краткосрочных интересов в ущерб долгосрочным.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что такое внешняя политика и дипломатия?
2. Какие существуют подходы к анализу процесса принятия внешнеполитических решений?
3. Почему исследователи и политики много внимания уделяют процессу принятия внешнеполитических решений?
4. Каковы основные положения теории рационального выбора?
5. Какие психологические факторы воздействуют на процесс принятия внешнеполитических решений?
6. Какие основные государственные структуры заняты разработкой и принятием внешнеполитических решений?
7. Что представляют собой группы интересов?

8. Какова роль переговоров в дипломатической практике?
9. В чем проявляются особенности современной дипломатии?
10. Какие существуют формы многосторонней дипломатии?
11. Что такое дипломатия на высоком и высшем уровне и какова ее роль сегодня?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Зонова Т.В.* Новые проблемы дипломатии // Современные международные отношения и мировая политика. М. : Просвещение, 2004.
2. *Никольсон Г.* Дипломатия. М. : ОГИЗ, 1941.
3. Пространство и время в мировой политике и международных отношениях // Материалы 4-го Конвента РАМИ : в 10 т. Т. 4. Дипломатия XXI века: диалог культур // МГИМО (У) МИД России, Рос. ассоциация междунар. исследований / под общ. ред. А.Ю. Мельвиля ; ред. тома Т.В. Зонова. М. : МГИМО-Университет, 2007.
4. *Салмин А.М.* Внешнеполитический механизм Российской Федерации // Современные международные отношения и мировая политика. М. : Просвещение, 2004.

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Множественность акторов на современной мировой арене, расхождение государств, повлекшие за собой изменение политической системы мира (см. раздел I), с одной стороны, и наличие сложнейших мировых проблем (см. раздел II) — с другой, логически подводят к вопросу о том, как и кем должны решаться проблемы регулирования процессов на мировой политической арене, а также каковы в этих новых условиях должны быть правила взаимодействия участников. Эти вопросы и составили комплекс, получивший название «глобальное управление».

14.1. ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В XX столетии стало очевидным, что традиционные международные отношения, которые формировались как результат взаимодействия отдельных государств или их союзов на мировой арене, требуют большей упорядоченности и четких правил поведения. Толчком к этому послужили две мировые войны, кризисы и конфликты конца прошлого столетия, появление на мировой арене негосударственных акторов. Впрочем, идеи совершенствования управления миром, создания некоего единого мирового сообщества высказывались и ранее, в том числе И. Кантом, который писал, что торговля не может сосуществовать с войной, и рано или поздно дух торговли овладеет всеми людьми.

Основные надежды в начале XX в. возлагались на более четкое правовое регулирование международных отношений, а также создание межправительственных организаций. После Второй мировой войны, когда стали намечаться интеграционные процессы в Европе, встал вопрос о глобальном или мировом правительстве как некоем едином органе во всемирном масштабе, являющемся подобием организации государства.

К концу XX столетия появилось новое понятие — «глобальное управление». В широкий оборот оно было введено В. Брандтом и его коллегами из Комиссии ООН по глобальному управлению. Комиссия

была создана для обсуждения того, как можно совместными усилиями решить такие глобальные проблемы, как экология, борьба с бедностью, болезнями и т.п. Окончание холодной войны также поставило вопрос о выработке новых правил поведения на мировой арене. Как результат, проблема глобального управления становится популярной в 1990-е гг. Выходят журналы *Global Governance*, *Global Society*. Данная тематика оказывается центральной и во многих других изданиях.

В настоящее время выделяют несколько подходов к пониманию того, что представляет собой глобальное управление. Например, Д. Месснер указывает четыре основных. Столько же, но несколько иных, выделяется в докладе Совета по внешней и оборонной политике России, представленном в 2001 г.

Первый подход фактически повторяет то, что звучало задолго до окончания холодной войны, — идею формирования единого мирового правительства. Его представители, как и ранее, исходят из того, что оно создается по образу и подобию государства. Так, Л. Филькенштейн пишет, что мировое правительство должно заниматься тем же, чем занимается у себя дома национальное. Проблема лишь в том, чтобы наделить его соответствующими властными полномочиями. Но эта точка зрения в настоящее время не получает особой поддержки со стороны ни политических, ни научных кругов. Главное возражение здесь в том, что при столь большом разнообразии политических систем, традиций, уровней экономического развития это выглядит просто нереальным.

Суть *второго подхода* — провести реформирование международных организаций, и прежде всего ООН, которая становится центральным звеном управления, а ее институты начинают выполнять роль своеобразных «министерств» и «ведомств». Например, Совет Безопасности — функции правительства, Генеральная Ассамблея — парламента; МВФ превращается в центральный банк и т.д. Однако и в отношении этого проекта также немало возражений. Указывается, в частности, на невозможность слишком сильной централизации в рамках международной организации. Высказываются также опасения, что ООН мало подвержена реформированию: ее структура отражает реалии прошлой эпохи, а наличие в Совете Безопасности в качестве сверхдержавы США сведет на нет все усилия по организации демократического управления миром. В связи с последним соображением Дж. Галтунг даже предложил проводить глобальное управление без участия великих держав.

Третий подход связан с идеями однополярности мира и управления им Соединенными Штатами Америки в качестве главного актора.

Иными словами, речь идет о гегемонии США. Данного подхода придерживаются авторы, ориентированные на концепцию реализма. Одним из наиболее активных сторонников однополярности мира во главе с США выступает З. Бжезинский, выделяющий четыре основные области, в которых они лидируют: военно-политическую, экономическую, технологическую и массовой культуры.

Интересно, что иногда сторонники идеи «американского варианта» управления миром как аргумент в свою поддержку приводят теоретические построения своих противников — неолибералов. Например, они ссылаются на теорию гегемониальной стабильности, которая развивалась в 1970—1980-е гг. такими авторами, как С. Краснер, Р. Кеохейн, и некоторыми другими. В исследованиях, выполненных в русле международной политической экономии, изучалась взаимосвязь стабильности экономического режима с наличием некоего государства-лидера. Это позволило утверждать, что при существовании такого государства-гегемона устанавливается стабильный экономический режим, так как лидер вырабатывает правила и нормы поведения, которые принимаются другими.

Однако необходимо иметь в виду, что теория гегемониальной стабильности показывает возможность лидерства лишь в одной из областей — экономической. Одновременное навязывание правил поведения во всех сферах политической, экономической, культурной жизни вызывает, как правило, резкое неприятие со стороны других участников международного взаимодействия.

Как и предыдущие подходы, идея гегемонии США вызывает большое число критических откликов, в том числе и тех, которые обсуждались в связи с представлениями об однополярности мира (см. главу 7). Профессор Гарвардского университета Дж. Най убедительно демонстрирует невозможность реализации данного подхода в книге, вышедшей в свет в 2002 г., которая так и называется «Парадоксы американской мощи: Почему единственная мировая сверхдержава не может действовать в одиночку». Главный аргумент: в современном мире нельзя уже не учитывать цели, интересы и активность других акторов.

Наконец, *четвертый подход* состоит в том, что глобальное управление исходит из полицентричности мира и предполагает участие в управлении не только государств и межгосударственных образований, но и других акторов. Именно их включенность в глобальное управление составляет главное отличие данного подхода от предыдущих.

Идея важности вовлечения различных групп в глобальное управление существовала давно. Так, функционалисты одними из первых обратили внимание на то, что сотрудничество может вести к полити-

ческим изменениям и в итоге — к созданию мирового сообщества. Об этом основатель функционализма Д. Митрани писал еще в 1943 г., подчеркивая, что сотрудничество на уровне отдельных организаций заметит в итоге политические институты прошлого, в том числе и национальное государство. Впоследствии идеи мирового сообщества в том или ином контексте прослеживаются в работах Э. Хааса, Дж. Грума, Дж. Бертона и многих других авторов.

Для понимания проблем глобального управления важными были работы, проведенные в рамках конструктивизма в конце 1980-х гг. такими авторами, как А. Вендт и Дж. Рагги. Они заметили, что по мере развития мира человечество создает не только материальные, но еще и единые социальные структуры, которые представляют собой значимый фактор дальнейшего развития. Связи и отношения разного уровня становятся важнейшей проблемой в исследованиях международных отношений и мировой политики.

Значительным толчком к развитию последнего из названных подходов послужила вышедшая в 1992 г. под редакцией Дж. Розенау и Е.-О. Щемпеля книга «Управление без правительства: порядок и изменение в мировой политике». В ней обсуждаются возможные механизмы такого управления. В работе «Турбулентия в мировой политике», появившейся на два года раньше, Дж. Розенау пишет о том, что управление — это система правил, типичная для всех видов человеческой деятельности. В его понимании оно охватывает деятельность различных правительств, но включает в себя множество других структур и групп.

В научной литературе 1990-х гг. появляется еще один термин — «новая многосторонность». В отличие от классического понимания многосторонности как сотрудничества нескольких государств, новый термин, пишет Ф. Нушелер, гораздо шире и включает в себя:

- усиление правовой базы и цивилизационного начала в международных отношениях;
- совместное решение глобальных проблем посредством использования регулирующих механизмов регионального или глобального масштаба;
- укрепление системы ООН как совещательного мирового форума, инстанции для решения вопросов войны и мира, инициатора и организатора решений по глобальным проблемам;
- повышение взаимодействия государственных и негосударственных акторов, которые все более организуются в рамках транснациональных глобальных сетей.

Таким образом, Ф. Нушелер фактически объединяет два подхода к глобальному управлению, обусловленные, с одной стороны, рефор-

мированием ООН, с другой — вовлечением негосударственных акторов в совместную деятельность с государствами, МПО по решению актуальных проблем.

Возвращаясь к вопросу о взаимодействии различных акторов при решении мировых проблем, следует сказать, что в современной политической практике можно найти множество примеров такого успешного сотрудничества.

Одной из наиболее развитых сфер здесь является урегулирование конфликтов. Так, Дж. Монтвилль выделил три взаимосвязанные области деятельности, которыми занимается неофициальная дипломатия. *Первая* направлена на проведение семинаров между представителями конфликтующих сторон с целью улучшения их взаимопонимания; *вторая* предполагает влияние на общественное мнение, с тем чтобы на уровне общественного сознания иметь благоприятную почву для разрешения конфликтов мирными средствами; *третья* ориентирована на совместное экономическое развитие. Все три сферы являются неким дополнением к тому, чем занимаются государственные структуры и межправительственные организации при урегулировании конфликтов.

Более того, как отмечают Г. Келман и С. Коэн, которые проводили неофициальные семинары с представителями конфликтующих сторон, такие встречи и вообще неофициальная дипломатия не могут и не должны рассматриваться как замещающие дипломатические и политические переговоры. Это, скорее, подготовка к подобного рода переговорам.

Важным оказывается и еще один момент. Разные акторы не только взаимодействуют между собой на фоне других изменений (совершенствования работы ООН и т.п.). Происходит при этом и перераспределение управленческих функций от государства к другим участникам международного взаимодействия. Довольно наглядно этот факт демонстрирует Дж. Най, используя схему (рис. 14.1), где все участники распределены в зависимости от того, на каком уровне (наднациональном, национальном или внутринациональном) и в каком секторе — частном, публичном (государственных структур и организаций) или третьем (общественных организаций) они действуют.

Интересно, что одними из первых, кто заметил, что государства не смогут удержать монополию на управление в своих руках, были специалисты в области МПЭ. Так, С. Стрэндж в начале 1990-х гг. писала, что все государства, независимо от территории, размеров, мощи, слабеют перед лицом происходящих технологических и финансовых изменений, а также ускоряющейся интеграции национальных эконо-

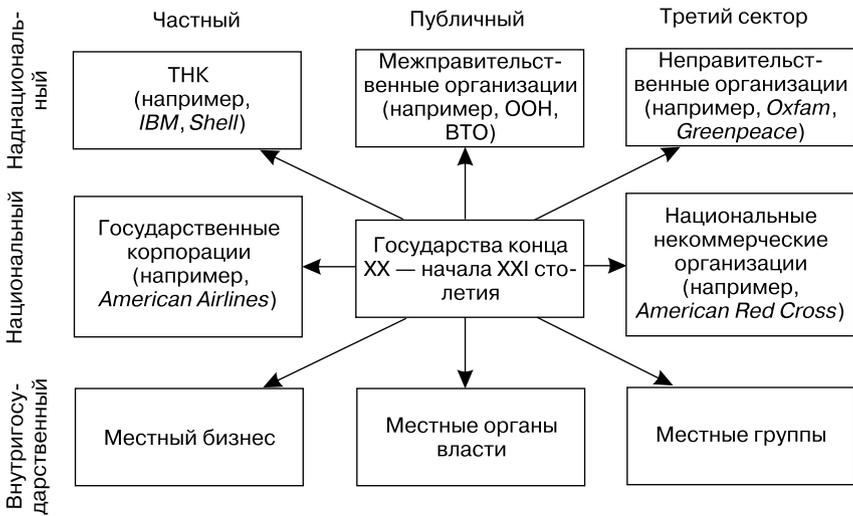

Рис. 14.1. Перераспределение управленческих функций от государства к другим акторам¹

мик в единый мировой рынок. Курьезность ситуации заключалась в том, что, как пишет Й. Фергюсон, начинала С. Стрэндж свои исследования с целью показать государствам суть происходящих процессов для того, чтобы те могли их регулировать.

Вслед за исследователями в области МПЭ о перераспределении управленческих функций заговорили и специалисты, занятые изучением МНПО.

Итак, государства, изменяя свои функции и передавая их частично другим акторам, тем самым отдают им отчасти и управление. Это, как не без пафоса пишет Т. Риссе, является концом межгосударственного мира, который мы знали.

Как управленческие функции в конечном итоге могут быть перераспределены? Ответ на этот вопрос фактически дает представление о будущей политической структуре мира.

14.2. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Первое, что выделяется при анализе современной структуры глобального управления, — большая ее пестрота. В отличие от Вестфальской системы, в которой равный правовой статус различных государств

¹ См.: Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone. Oxford : University Press, 2002.

закреплен международными нормами, проявляющаяся новая система этого не предполагает. Управленческий ресурс современных участников мировой политической системы крайне разнообразен. Это могут быть политический голос государства при принятии решений в ООН, финансовые возможности ТНК или доверие общественного мнения определенным НПО. Ресурсы такого рода сложно сопоставимы, а значит, последствия их различных сочетаний трудно просчитываются. При этом государства сохраняют за собой монополию в качестве субъектов международного права.

Второй важный момент заключается в том, что складывающиеся глобальные управленческие связи мира не являются иерархическими, как они существуют внутри государства (хотя и там жесткая иерархия размывается). В то же время они уже и не анархичны, как предполагается классической Вестфальской системой. Об этом пишут Дж. Розенау, Д. Месснер и многие другие авторы.

Современная политика основана на выработке коллективных решений через множество различных согласований разного уровня. Для понимания складывающейся системы глобального управления эвристичным может оказаться подход В.М. Сергеева, который видит в демократии и, следовательно, в демократическом управлении согласование интересов различных групп путем переговоров. На глобальном уровне это могут быть многосторонние межгосударственные формы, открывающие возможности, как пишет В.Б. Луков, для коллективного управления взаимозависимостью. Это могут быть и совместные встречи представителей государств и негосударственных акторов. Одним из примеров последнего может служить Конференция по устойчивому развитию, прошедшая в Йоханнесбурге в августе 2002 г., которая продемонстрировала идеи партнерского взаимодействия правительств, бизнеса и НПО при решении глобальных проблем.

Правда, серьезной проблемой остается поиск не только решения, но и возможностей его выполнения. Иными словами, если координацию действий разных акторов удастся как-то наладить, то исполнительные функции пока плохо реализуются даже в тех случаях, когда путем совместных усилий согласие все же достигается. Один из примеров — сложности, связанные с выполнением Киотского протокола.

Третья особенность: в глобальном управлении уже используются (и, по-видимому, эта тенденция будет усиливаться) различные формы и методы. Государства, НПО, межправительственные акторы, ТНК встречаются на совместных форумах, где и принимают решения (в частности, на Конференции по устойчивому развитию в Йоханнесбурге). В других случаях акторы действуют параллельно, имея в виду об-

щую цель, например регулирование конфликтов. Тогда функции разделяются. Государства, МПО могут вводить миротворческие силы для разъединения противоборствующих сторон, налаживать контакты на уровне политических элит участников конфликта, а НПО могут одновременно работать на уровне населения, стараясь смягчить негативные стереотипы в отношении противника, доставлять гуманитарную помощь и т.п.

Важной является здесь согласованность действий. Именно это часто не достигается в силу различных причин, в том числе из-за слишком большого числа вовлеченных в процесс акторов. Однако, несмотря на все сложности, в настоящее время все-таки довольно отчетливо проявляются следующие параметры глобального управления:

- участие разных акторов;
- отсутствие иерархичности связей между ними;
- множественность форм и методов взаимодействия;
- использование переговоров для согласований.

Одним из ключевых остается вопрос о дальнейших путях распределения управленческих полномочий между акторами в складывающейся политической структуре мира.

Первый путь хаотичный, плохо управляемый, с «перетягиванием каната» между различными государствами, а также другими участниками международных отношений, возможным применением силы и т.п. Он состоит в том, что государства ведут себя реактивно и пытаются ограничивать негосударственных акторов в реализации управленческих функций, заставляя их действовать под своим жестким контролем. В принципе для этого у государства имеются довольно большие политические и правовые ресурсы, благодаря которым оно и остается главным актором на мировой арене. Несколько хуже обстоят дела с финансовыми и экономическими ресурсами, а также ресурсом, обусловленным поддержкой на уровне общественного мнения.

В рамках этого плохо управляемого пути возможен и вариант, когда государства без особого сопротивления будут передавать управленческие функции другим акторам. В любом случае минусом при выборе данного пути является то, что система глобального управления выстраивается в значительной степени стихийно. В своем крайнем выражении такой подход может привести к неожиданному и поэтому болезненному распаду государственно-центристской системы мира. В каких конкретно формах такой распад может осуществляться, предсказать сложно. Очевидно только, что независимо от того, какими будут долгосрочные последствия такой резкой перестройки, сама она вызовет значительные социальные и психологические потрясения.

Второй путь заключается в том, что государства, используя имеющиеся ресурсы, совместно с другими акторами выстраивают новую архитектуру мира. Это путь кризисного управления и формирования новых структур, создания нового мироустройства с учетом новых реалий и интересов различных участников — государств, межгосударственных организаций, неправительственных объединений, крупнейших финансовых и бизнес-структур и т.д.

Проблем на этом пути немало. Во-первых, сами государства должны действовать достаточно скоординированно, что непросто, если принять во внимание их многообразие. Во-вторых, необходимы договоренности со многими, крайне «разношерстными» негосударственными акторами. Сложность и разнообразие их интересов делает подобные договоренности маловероятными. В то же время следует принять во внимание, что в истории были примеры сложного согласования интересов. Так, подобные задачи стояли перед участниками переговоров по заключению Вестфальского мира. Не менее сложные согласования, причем с учетом общественного мнения, позиций НПО, бизнеса, внутригосударственных регионов, проходили на протяжении ряда десятилетий в рамках ЕС. Конечно, и в том и в другом случае согласования ограничивались лишь одним регионом мира.

Говоря об увязках интересов государств с негосударственными акторами, следует иметь в виду, что последние нередко ведут себя достаточно агрессивно и вовсе необязательно ориентированы на отношения сотрудничества с государственными структурами. Кроме того, существует проблема, с какими именно неправительственными акторами сотрудничают эти государственные структуры. Так, в последнее время аналитики все чаще обращают внимание на опасность, которая исходит от возможного использования наркобизнесом и другими видами нелегального бизнеса государственных структур, в том числе дипломатических каналов. Наконец, интересы государства в отношении негосударственных акторов зачастую противоречивы. Например, с одной стороны, государства заинтересованы в крупных зарубежных инвестициях, с другой — занимаются протекционизмом в отношении национального бизнеса.

В связи с этим встает вопрос, на который обращает внимание ряд авторов, в частности О.Н. Барабанов: нет ли опасности, что будущее глобальное управление окажется авторитарным? Основанием для такой боязни служит и то, что ряд НПО, ТНК и государств построены далеко не на демократических принципах. Тем не менее большинство исследователей все же дают отрицательный ответ на данный вопрос, аргументируя это тем, что возникновение авторитарного глобального

управления противоречило бы одной из ведущих тенденций развития современного мира — его демократизации, выражающейся и в увеличении числа демократических государств в мире, и в той возрастающей роли, которую играют НПО, общественное мнение, и главное — в новом типе взаимодействия, формирующемся на мировой арене.

В целом же адаптация и ассимиляция государств к меняющейся действительности идет сложно. При этом они никогда не выбирают один путь. Обычно, действуя разными методами, государства сотрудничают с неправительственными акторами и одновременно стремятся к ограничению их властных устремлений. Профессор Й. Фергюсон полагает, что скорее всего перераспределение управленческих функций будет проходить методом проб и ошибок с большой вероятностью случайных действий. Вопрос заключается лишь в том, будут ли государства, прежде всего ведущие, стремиться организовать этот процесс, постоянно направляя его в определенное русло. Кстати, некоторые исследователи и политики, в том числе представители Совета по внешней и оборонной политике, видят в «подталкивании» ведущими странами мира мирового развития в нужном направлении один из возможных путей организации глобального управления. В этом смысле следует, правда, скорее говорить (по крайней мере на первом этапе) не о глобальном управлении, а о глобальном регулировании.

14.3. РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Россия вступила в процесс перестройки политической системы мира, сохранив за собой огромные возможности, которые были крайне важны для классической Вестфальской системы мира и еще не потеряли своего значения сегодня: военный потенциал, территория, сырьевые ресурсы. В связи с этим она особенно болезненно переживает эрозию этой системы. Существует и еще целый ряд причин, которые обусловлены как последним периодом развития России, так и ее историей, побуждающими страну воспротивиться отмеченным изменениям.

Классическая Вестфальская система мира предполагает сильную государственную власть с довольно строгими правилами соподчинения (иерархиями) внутри государства (отсюда и другое название данной модели мира — государственно-центристская). Для России всегда, как замечает Л. Ф. Шевцова, была характерна нерасчлененность власти, которая упрощала ее конструкцию и в рамках унаследованных представлений рассматривалась как своеобразная иерархия — вертикаль с акцентом на подчиненность и субординацию.

В российской политике, как и в практике дореволюционного, а также советского периодов, это выразилось в стремлении к центра-

лизации государства, в негативном отношении к компромиссам, которые рассматривались лишь как временные уступки и т.п. Тенденция к централизованному управлению достигла своего «пика» в советский период, на что обращали внимание многие исследователи, в том числе и Ф. Фукуяма, который пишет, что в Советском Союзе нашел воплощение веберовский тип государства. Именно поэтому он, как прежде царская Россия, хорошо «вписывался» в систему отношений, которые сложились в Европе после подписания Вестфальского мира и предполагали сильное государство, стремящееся к тому, чтобы занять ключевые позиции на международной арене. Отход от этой системы для современной России оказался весьма трудным. К этому добавился распад биполярной системы международных отношений, где она возглавляла один из двух полюсов.

Надо сказать, что положение России здесь не уникально. США, может, в меньшей степени, но тоже сложно переживают кардинальные перемены постбиполярного мира. Однако в России положение осложняется еще и тем, что происходил процесс политической, экономической и социальной трансформации. Трудный сам по себе, он еще сопровождался и множеством негативных моментов, появлением новых проблем, которых не было ранее, в частности открытых этнических конфликтов, безработицы и т.п.

Все эти процессы прошли на фоне ослабления вертикали государственной власти, что обусловлено как объективными (переход к рыночной экономике, демократизация), так и субъективными причинами (ошибки при проведении реформ, частые кадровые перемены и т.п.). Все это обострило проблему управления. В обществе стала формироваться потребность в «наведении порядка», укреплении государственности, усилении позиций на международной арене. По этой причине крайне позитивно воспринимаются решительные действия, в которых демонстрируется сила государства, его мощь.

В общественном настроении, согласно опросам, к концу 1990-х гг. формируется выраженная потребность в укреплении государственности, порядка, а во внешнеполитической сфере крайне остро переживается потеря статуса великой державы. В этом плане показательным, что, по данным опроса РОМИРа — одной из крупнейших российских компаний, занимающихся изучением общественного мнения, в январе 2000 г. среди ответов на вопрос: «Что вы ожидаете от президента, за которого будете голосовать?» — на третьем месте по степени значимости оказался ответ: «Вернуть статус великой державы». Примечательно, что данный ответ выделялся на фоне множества других проблем, касающихся военных действий в Чечне, экономических, социальных и т.д.

Означает ли сказанное, что Россия объективно не готова к новым мировым реалиям и совместной с другими государствами деятельности по глобальному управлению? Разумеется, нет. Прежде всего, Россия обладает достаточно большим политическим потенциалом в современном мире. Она — постоянный член Совета Безопасности ООН, член «Большой восьмерки» и многих других международных организаций. Учитывая тот факт, что в современных условиях государства остаются ключевыми акторами, которые могут определять направления дальнейшего политического развития, это положение России оказывается весьма значимым.

Другим важным российским ресурсом являются образовательные и научно-технические возможности. Опираясь на свой интеллектуальный потенциал, Россия могла бы стать инициатором процесса кризисного управления и формирования новой политической системы мира. Она способна предложить разработку комплексной программы развития, которая предусматривала бы возможность проведения серий переговоров по будущему устройству мира с приглашением широкого круга участников, в том числе негосударственных. Можно указать и еще на один ресурс России — дипломатический опыт решения проблем, накопленный отечественной дипломатией за многие десятилетия в условиях сложного переплетения интересов.

Альтернативная возможность — выбор пути, связанного с ориентацией на «отстранение» от внешнего мира, сосредоточение на внутренних проблемах, чтобы затем, уже с иным экономическим и политическим потенциалом, вновь вступить в международные отношения, неоправдан по ряду причин. Во-первых, это практически невозможно сделать из-за сильной экономической, технологической и другой взаимозависимости мира, современного этапа глобализации. Во-вторых, темпы развития в настоящее время настолько велики, что любая изоляция или самоизоляция неизбежно приведет к тому, что избравшее этот путь государство окажется в стороне от исторического процесса.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы основные подходы к пониманию глобального управления?
2. В чем состоит различие понятий «глобальное правительство» и «глобальное управление»?
3. Что представляет собой «новая многосторонность»?
4. Почему одно государство, даже самое сильное, вряд ли может управлять миром?

5. Какие черты глобального управления проявляются уже сегодня?
6. Какие сложности возникают в связи с глобальным управлением?
7. Какой может быть роль государств в глобальном управлении?
8. Каковы возможные пути распределения управленческих полномочий между акторами в новой складывающейся политической структуре мира?
9. Какова возможная роль России в глобальном управлении?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Барбанов О.Н., Голицын В.А., Терещенко В.В.* Глобальное управление. М. : МГИМО (У), 2006.
2. Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. 2005. <http://www.un.org/russian/secureworldld/report.htm>
3. *Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р.* Оценка эффективности «Группы восьми» и «Группы двадцати» в глобальном управлении: разделение труда — возможности повышения эффективности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. № 1.
4. *Соловьев А.И.* Глобальное управление. М., 2007.
5. *Хэлд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / пер. с англ. В.В. Сапова и др. М. : Праксис, 2004.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События последних 20 лет заставили во многом по-иному взглянуть на такие привычные понятия и политические процессы, как национальные интересы, конфликты и войны, терроризм, национальный суверенитет и внешняя политика. В мировой политике стали появляться новые области исследования, в том числе связанные с образованием, развитием новых технологий.

В конце XX столетия происходит становление мировой политики в качестве научной и учебной дисциплины. Новая научная область занимается изучением существующей и вновь складывающейся политической системы мира, ее структуры, институтов и процессов. Более четко определились и предметные области других дисциплин, в том числе классических международных отношений, не случайно получил развитие неоклассический или, как он еще иногда называется, неотрадиционный реализм, который фокусирует внимание именно на анализе межгосударственных отношений и внешней политики различных стран, проблемах разоружения и гонки вооружений. Эти вопросы в настоящее время вовсе не сняты с повестки дня.

Мировая политика — дисциплина, в поле зрения которой сегодняшние политические реалии и тенденции будущего развития мира. Это составляет определенные сложности для ее изучения. Каждый день приносит новые факты о развитии событий в мире, некоторые из которых не совпадают с прежними представлениями и побуждают к переосмыслению тех или иных закономерностей. Так, во многих отношениях поворотными моментами в развитии мировых политических процессов оказались такие события, как распад Советского Союза и окончание холодной войны. Серьезным вызовом международной безопасности стали террористические акты в США 11 сентября 2001 г., а также в других странах, в том числе и в России. Какие-то события, может быть, и не имеют (или пока не имеют) столь существенного влияния на тенденции мирового развития, но могут оказаться важными с фактологической точки зрения. Для мировой политики как научной

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События последних 20 лет заставили во многом по-иному взглянуть на такие привычные понятия и политические процессы, как национальные интересы, конфликты и войны, терроризм, национальный суверенитет и внешняя политика. В мировой политике стали появляться новые области исследования, в том числе связанные с образованием, развитием новых технологий.

В конце XX столетия происходит становление мировой политики в качестве научной и учебной дисциплины. Новая научная область занимается изучением существующей и вновь складывающейся политической системы мира, ее структуры, институтов и процессов. Более четко определились и предметные области других дисциплин, в том числе классических международных отношений, не случайно получил развитие неоклассический или, как он еще иногда называется, неотрадиционный реализм, который фокусирует внимание именно на анализе межгосударственных отношений и внешней политики различных стран, проблемах разоружения и гонки вооружений. Эти вопросы в настоящее время вовсе не сняты с повестки дня.

Мировая политика — дисциплина, в поле зрения которой сегодняшние политические реалии и тенденции будущего развития мира. Это составляет определенные сложности для ее изучения. Каждый день приносит новые факты о развитии событий в мире, некоторые из которых не совпадают с прежними представлениями и побуждают к переосмыслению тех или иных закономерностей. Так, во многих отношениях поворотными моментами в развитии мировых политических процессов оказались такие события, как распад Советского Союза и окончание холодной войны. Серьезным вызовом международной безопасности стали террористические акты в США 11 сентября 2001 г., а также в других странах, в том числе и в России. Какие-то события, может быть, и не имеют (или пока не имеют) столь существенного влияния на тенденции мирового развития, но могут оказаться важными с фактологической точки зрения. Для мировой политики как научной